

Академия
народной
энциклопедии

Мой Крым

АКАДЕМИЯ НАРОДНОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ
Международный инновационный проект «Моя Отчизна»

МОЙ КРЫМ

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)6я43
М74

*Книга издана в рамках реализации
Международного инновационного проекта
«Моя Отчизна»*

М74 МОЙ КРЫМ / Автор идеи, ред.-сост. Сар-
чин Р.Ш., д-р филол. н. – М.: Изд-во «Перо»,
2024. – 252 с.

ISBN 978-5-00244-085-6

Данное издание является двенадцатой книгой се-
рии «Академия народной энциклопедии», осуществля-
емой в рамках реализации Международного инноваци-
онного проекта «Моя Отчизна» и составленной из ра-
бот его участников. Оно о Крыме, названном Пабло
Нерудой «орденом на груди планеты». Помимо при-
родных красот, Крым славится своей историей и куль-
турой, легендами и преданиями, личностями и судьба-
ми...

Материалы расположены в алфавитном порядке –
по фамилиям их авторов.

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)6я43

ISBN 978-5-00244-085-6

© Академия народной
энциклопедии, 2024
© Авторы публикаций, 2024

*Посвящается 10-летию
возвращения Крыма в Россию*

Абильтарова Гульшен Фетибовна
с. Новокрымское
Джанкойский район

70 лет прошло с тех пор, как отгремели последние залпы Великой Отечественной войны, самой тяжелой и кровопролитной из всех войн, которые помнит история.

Течет река времени. Много воды унесла она с тех пор. Заросли шрамы окопов, исчезли пепелища сожженных городов, выросли новые поколения. Но в памяти человеческой 22 июня 1941 года осталось не просто как роковая дата, но и как рубеж, начало отсчета долгих 1418 дней и ночей Великой Отечественной войны нашего народа.

Сколько слез и горя, боли и отчаяния! Сколько надежд на скорую победу, веры в свою страну и свой народ! Испытать ужасы войны пришлось и нашей односельчанке Горощине Лидии Григорьевне, которая родилась в селе Новокрымском Джанкойского района 28 марта 1927 г.

Лидия Григорьевна очень любит беседовать, вспоминать прошлое, хотя, конечно же, тяжело становится у нее на душе. Моя собеседница делится своими – воспоминаниями:

– Мне тогда было всего лишь 14. О войне узнала от родителей. Они плакали, а мы еще не знали всех ужасов войны. Брата забрали на фронт. Отец был старым. Ведь тогда оставались только дети, женщины и старики. Мы никуда не эвакуировались. А куда? Некуда было. Когда пришли немцы, люди стали прятаться. Очень уж боялись мы их. Немцы были в основном офицерами. Они не трогали скотину, были хорошо обеспечены, культурны. А вот простыми солдатами были румыны. Они забирали курей, свиней, заставляли сдавать молоко, яйца. Тогда коров было мало, так как, когда наши отступали, весь скот и угнали. Но попробуй не отдай румынам животных или продукты, расправлялись сразу же. Солдаты и офицеры поселялись в хороших домах. Враги расстреливали активистов (так тогда называли комсомольцев и коммунистов), учителей, евреев, цыган. Они уничтожили моего

знакомого крымского татарина (учителем он был). Говорят, что староста сдавал их.

Всплакнула Лидия Григорьевна.

— В нашем селе жили в основном крымские татары. Очень дружно мы жили. И говорили на крымскотатарском языке, до сих пор помню некоторые слова. В Павловке жили русские. В Абаклы-тома жили тоже крымские татары.

— А чем питались вы тогда? — спрашиваю я.

— Чем придется. Выращивали кукурузу, кабаки, пшеницу. У нас в колхозе на складе было зерно. Узнав о немцах, председатель раздал его жителям. Колхоза ведь потом и не было. Соль нам привозили из Соленого озера, сахар и мыло покупали у немцев или обменивались с ними на другие продукты. Покупали и спички. Тогда были советские деньги и немецкие марки.

— А собиралась ли молодежь на вечеринки, пели ли песни? Справляли ли в селе мероприятия?

— Песни не пели, вечеринок не было, так как был комендантский час. А вот праздники, свадьбы справляли.

— Дети ходили в школу? Были ли медпункты?

— В школе учились. А вот медпунктов не было. Сами лечились. Иной раз староста давал какие-то лекарства. Да! Староста. Немцы сами назначали старосту. У нас в селе был старостой односельчанин Криворучко. В июне 1942 года, когда немцы набирали людей на принудительные работы в Германии, староста вступился за меня, он говорил, что я еще ребенок, но немцы не слушали и только отвечали: «Корош, корош!» Уже позже, когда наши солдаты освободили село от немцев, Криворучко расстреляли. Многие пришлось пережить нам в этой войне. Забрали и меня на работу в Германию. 9 дней мы были в дороге, везли нас грязных и вшивых в товарных вагонах. Приехали в город Франкфурт-на-Майне. 28 человек (крымских) отобрал наш будущий хозяин, здоровый немец. Прибыли мы на прачечную фабрику в город Кассу, красивый город, исторический. Дали нам гальшу деревянную (обувь такая), поселили в барак и отправили на работу. На фабрике было все автоматизировано, а мы

не знали, как обращаться с машиной. Как сейчас помню, хозяин поставил меня перед этим автоматом и наблюдает за мной, а я не знаю, что делать и на какую кнопку нажимать. И только помню его удар мне в ухо, я упала, ничего не слышу, с тех пор я стала плохо слышать. Среди немецких рабочих была Анна. Она мне и помогла: объяснила, как работать с данной машиной. Очень часто Анна меня кормила, забирала к себе домой на воскресенье, жаль ей было меня. Вот так и жили, работали. Нам давали хлеб из буряка и опилок. Ходили мы к военнопленным. Они были огорожены проволокой. Мы, помню, этот хлеб лепили на камни и кидали военнопленным. Бывало, что и отдавали постовые хлеб пленным, а иной раз и разгоняли нас. Однажды пришла я на работу, как обычно, вижу, нет некоторых рабочих, спрашиваю у Анны (тогда я уже владела немецким языком), а она и говорит: «Расстреляли евреев». Три с половиной года проработала я на фабрике. Освободили нас американцы. Но сразу приехать мы не смогли, не хватало поездов. Вернулась я домой в 1945 году. Да! Не всех я встретила знакомых. Но жизнь продолжалась. И налаживали ее своими силами. Помощь нам не оказывали, а мы ее и не ждали. С детства я тружусь. Да вот только сейчас силы сдают, много ходить не могу, а дети помогают, дай Бог им здоровья.

— Лидия Григорьевна, и вам дай Бог здоровья и сил!

Моя собеседница смолкла, ушла куда-то глубоко в себя: видно, вспоминала происходившее в те суровые годы войны. Как трагично было то время!..

Идут годы, сменяются десятилетия, и многое из того, что у нас превозносилось как славные деяния, которые переживут века, померкло. Но этому подвигу, подвигу народа в Отечественной войне, суждено навсегда остаться в истории.

Айдинян Станислав Артурович
г. Москва

В Коктебеле с Анастасией Цветаевой в 1985 году

К осени 1985 года мы с Анастасией Ивановной уже год как работали вместе, редактировали ее рассказы, тюремные стихи. Однажды она сказала, что собирается в Дом творчества писателей, в Крым, в Коктебель. Анастасия Ивановна говорила: «Поезжайте, придете незадолго до моего приезда – поселитесь у сестер Журавских, это удивительные сестры, увидите!..»

И вот – поезд, затем автобус из Феодосии до Планерского, так тогда назывался Коктебель.

Карадаг меня сразу сразил своей вулканической мощью, орлиным полетом горных высот, монументальностью... Но прежде чем пойти к морю, я отправился к самым воротам Дома творчества, там был вход к Журавским. Меня встретила очень старая, но еще энергичная женщина, одна из трех сестер, из которых к тому году две были живы... Она повела меня вглубь сада, где одиноко прятался каменный толстостенный гостевой домик, в нем я и поселился. Пройдясь по саду, я удивился, увидев сколоченную из досок настоящую сцену домашнего театра, спиною повернутую к Карадагу... Я подумал: для домашних спектаклей. Оказалось, сестры в те времена, когда на Карадаге и на берегу моря близ него еще находили драгоценные камни, собрали уникальную коллекцию камней и создали Театр камней, показывали коктебельцам и приезжим эти камни, которые волшебным образом искрились под лучами солнца... Журавская показала мне и принадлежавший ее семье альбом, полный редких фотографий Максимилиана Волошина, его друзей и более поздних – его вдовы Марии Степановны... Где этот фотоальбом теперь?..

И вот приехала Анастасия Ивановна – не одна, с Ольгой Владимировной Трухачевой, родственницей по первому мужу, и ее сыном, Михаилом Смирновым... Помнится, я встречал ее в Феодосии, куда подошел московский поезд. Из Феодосии в Планерское ее сопровождала еще бойкая журналистка...

В Доме творчества Анастасия Ивановна расположилась в одном из двухэтажных корпусов в отдельном номере, со своими бесчисленными коробочками с гомеопатией, папками с рукописями, над которыми нам предстояло работать.

И вот начались наши прогулки по Коктебелю. Помню наш с нею поход к Арендтам, к крестнице М. Волошина Ариадне Арендт. Они были из рода врача Пушкина – Николая Федоровича Арендта, лейб-медика императора, облегчавшего страдания Пушкина после дуэли с Дантесом. Ариадна Александровна и ее второй муж, скульптор Анатолий Иванович Григорьев, в Коктебеле имели дом-мастерскую, всю уставленную скульптурой – портретами-бюстами, причудливыми созданиями из окаменелостей, гальки... И больше всего – маленькими, на ладони помещались – барельефами головы Максимилиана Волошина, с которым по горам Ариадна некогда бродила юной девушкой. Были и большие бюсты ее друга Макса. Ариадна в его память на своих пышных волосах носила, как и он, полынный венок, что делало ее несколько внешне схожей с ним.

В мастерской были и скульптурные портреты Волошина работы Григорьева, о котором Анастасия Ивановна говорила, что он автор изображения Льва Толстого, что установлено памятником в Симферополе... С Ариадной мне общаться было особенно интересно, поскольку в те годы я зачитывался книгами по теософии и антропософии, к чему мировоззренчески столь близка была Ариадна... Скульптор Григорьев был к тому времени уже очень болен, он ходил по мастерской с «выводом» трубки из организма, и я с грустью подумал, что жить ему осталось недолго... В память того посещения у меня сохранилась глиняная головка цыпленка, подобных немало было в мастерской... Это был подарок Ариадны Арендт на память.... Там, в доме у Арендт я помню и Юрия Арендта, ее сына... Забегая вперед, скажу, что через годы, когда я побывал по приглашению Юрия Арендта в мастерской Ариадны в легендарном доме художников на Масловке, я увидел «отражение» того кок-

тебельского дома. Ю. Арендт позвал меня за собой в их квартиру, этажами выше, мы вошли в комнату, где лежала его мать, Ариадна. Глаза ее уже ничего не выражали. Я услышал вместо слов петуший крик – разум покинул Ариадну, мне вспомнилась головка цыпленка, подаренная Ариадной, когда разум ее был еще светел, она была полна жизни, хотя с довоенной поры ходила на протезах: под трамваем лишилась ног... Умерла она в 1997-м, Григорьев раньше, в 1986-м.

Выйдя от Ариадны Арендт и Анатолия Григорьева мы с Анастасией Ивановной шли по коктебельской пустынной улице – в те годы народа было немного, незастроенная набережная перед Домом поэта плавно переходила в пустынные пляжи... Так вот, Анастасия Ивановна вдруг как-то юношески быстро сорвалась с места и побежала, как бежала некогда в Коктебеле, еще в 1911 году, когда впервые попала сюда по приглашению своего друга Макса.

Тогда состоялся розыгрыш: будущий муж ее сестры Марины Сергей Эфрон изображал для нее манерного Игоря Северянина. Сестры Эфрона преобразились. Елизавета – в ревнивую испанку Кончитту, влюбленную в Макса, а Вера – в бездарную поэтессу Марию Папер, всем читавшую ужасные стихи... Однако этот устроенный Максом розыгрыш разбился о невозмутимость юной Аси Цветаевой...

В дом, где это все происходило, мы пришли с Анастасией Ивановной и ее родственниками в другой день.

Перед домом Анастасия Ивановна увидела только что установленный на постамент бюст М.А. Волошина, который принес в дар музею А. Григорьев. Бюст этот был установлен, как вспоминается, под открытым небом и был выше человеческого роста... Анастасия Ивановна захотела, преодолев близорукость, поближе рассмотреть своего друга, изваянного в камне. Она затребовала себе в музее стул и, на него ступив, стала смотреть в лицо Максиму, что повергло присутствующих в немалое удивление. Со стороны это выглядело так: сухонькая, маленькая старушка через очки, близоруко щурясь, старательно рас-

смаатривает только что установленную скульптуру, стоя на довольно ненадежном стуле – не дай бог треснет и разрушится под ней! Но ничего подобного: стул выдержал миниатюрную старую женщину.

В более поздние годы Анастасии Ивановны «изобрела» своеобразную градацию. Она говорила: «Раньше я была молодая старуха, а теперь я старая старуха!» Но это потом. А тогда, несмотря на некоторую глуховатость, шаг ее был быстр, о палку она скорее не опиралась, а просто постукивала ею о землю или вообще носила ее под мышкой...

И вот, наконец, все мы в Доме Волошина. Проходим комнатами, хранящими тот, дореволюционный, неповторимый дух. На стенах картины, масса французских книг...

Входим в мастерскую. Анастасия Ивановна говорит молодому тогда директору Музея Борису Гаврилову: «Тут стоял Максин стол, а его вынесли! Все должно быть как при Максе». Ей объясняли, что стол вынесли, чтобы могла поместиться группа экскурсантов. Им просто негде бы было слушать экскурсовода. Но Анастасия Ивановна неумолима: «Пусть потеснятся! Все должно быть, как было!...»

Поднимаемся по лестнице вверх, к смотровой площадке над мастерской, снизу доносится завывающий голос молодой женщины-экскурсовода, которая громко читает стихи Марины Цветаевой в манере... Беллы Ахмадулиной. Анастасия Ивановна говорит: «Она воет Марину, как свои стихи Бэлла, а Бэлла воет, как лирический шакал!» Кто еще мог так сказать!..

Итак, мы перед дверью на башню. Служительница музея говорит Анастасии Ивановне: «Дальше нельзя, ключа нет». И тут Анастасия Ивановна волевым голосом, твердо, императивным тоном сказала: «Откройте! Мне Макс разрешал!...» Последовали уговоры не ходить вверх, но она была непреклонна. Тогда ключ неожиданно «нашелся»... И перед нами – еще более крутая, почти что отвесная лестница. Анастасия Ивановна энергично поворачивается ко мне: «Станислав, я сюда 75 лет назад

без палки поднималась, и сейчас поднимусь!» Отдает мне свою трость и – взмыв энергии: она взбежала по лестнице на башню. Мы поднялись следом. День был солнечный. Блистало море. «Видите, – говорила Анастасия Ивановна, – Макс обнял собою Коктебель, с одной стороны своим профилем, падающим в море, а с другой стороны своей могилой на горе Янычары...» И продолжала: «В 1914 году мы тут наблюдали солнечное затмение, половина неба была темной, светила луна, мерцали звезды, а в другой половине неба было солнце. Детей нянька не пускала наверх, говорила, что такое смотреть – грешно, но они вырвались, тоже прибежали наверх и повторяли за нами: "Какая класота, какая класота!.."».

Вскоре после приезда Анастасии Ивановны приехал и Андрей Борисович Трухачев, ее сын от первого брака. С ним мы ходили к певице М.Н. Изергиной, о которой Анастасия Ивановна упомянула потом в ее очерке 1988 г. «Мой зимний старческий Коктебель». Писала с восхищением о ее голосе. При нас, когда с Андреем Борисовичем мы приходили к ней вечером в гости, Изергина не пела. Она развивала свою собственную мистическую теорию о строении Вселенной, имеющей форму колокола. У нее собирались весьма оригинальные писатели из молодых, в том числе был один и из криминальной среды. За столом была водка, которую мы и пили с бороатыми писателями и Андреем Борисовичем...

Я, помнится, за вечерним столом, как и другие пришедшие, читал собравшимся некоторые из легенд и новелл, позже, в 1994 г., вошедших в книжку «Атлантический перстень», к которой Анастасия Ивановна написала краткое, но очень емкое предисловие...

А потом был наш поход с Анастасией Ивановной и Михаилом Смирновым на кладбище, где сохранилась могила второго сына Анастасии Ивановны, Алеши, умершего от дизентерии в Коктебеле в 1917 году...

Поднявшись в гору меж могил, пришли к участку, огороженному низким деревянным заборчиком. Тут и был похоронен Алеша Минц-Цветаев, сын от второго, незарегистрированного, гражданского брака с Маврики-

ем Минцем. Рядом – деревянный, немалый, темного цвета крест со «старообрядческими» *воскрылиями* – домиком. Тут же, рядом, могила Елены Оттобальдовны Киренко-Волошиной, легендарной Пра – матери Максимилиана Александровича. Она умерла в 1923 году. И там же, близ могилы Алеши, была могила маленького мальчика Алика Курдюмова, сына художника, умершего тоже от дизентерии за три дня до Алеши... Его отец, художник, чья картина хранится в Третьяковской галерее, после этого сошел с ума...

Я помню, что Анастасия Ивановна принесла большие белые астры. Хлопоча у могил, пристраивая цветы, рассказывала, как при смерти Алеши ее утешали Макс и еще поэт Владислав Ходасевич с женой. «Вот, – указала она на находящийся прямо у ограды старинный серый памятник с изображенной на нем раскрытой книгой, – тут похоронена (в 1932 году – С. А.) гонительница Макса, ревнительница приличий в дореволюционном Коктебеле, певица Мария Дейша-Сионицкая. Вот, Макса не любила, а теперь лежит близ его матери, – перед смертью все равны!» – вздохнула Анастасия Ивановна.

В Коктебеле в 1985 году чудом оказался фотограф Б. Панченко, который незадолго до того присутствовал на концерте моего отца в Сыктывкаре. Узнав, что в Коктебель приехала Анастасия Ивановна, и встретив ее на аллее Дома творчества, он сфотографировал ее с Михаилом Смирновым и Ольгой Владимировной Трухачевой, а также отдельно меня с Анастасией Ивановной и всех нас вместе. Потом он прислал эти фотографии мне в Москву. Фотографировал и М. Смирнов.

На свой день рождения (ей тогда исполнялось 90 лет) Анастасия Ивановна сказала: «Мне писатели хотят устроить празднование, я этого не хочу. Давайте удерем в Феодосию!» И мы, тайно, не сказав никому, нашей компанией уехали из Коктебеля в Феодосию, где ей некогда пришлось жить и где мы с нею посетили музей Александра Грина, с которым она не была знакома, но которого видела однажды на улице, а знакома была с его вдовой. В музее хранится памятная запись, которую

оставила Анастасия Ивановна. Я тоже, вслед за ней, написал несколько строк от себя. Сотрудники музея вызвали срочно фотографа, он фотографировал этот «исторический» визит современницы Грина. Посетили мы и Феодосийскую картинную галерею в доме Айвазовского, где Анастасия Ивановна бывала до революции в гостях у своих близких знакомых, потомков патриарха маринистов, что описано в полном своде текста ее «Воспоминаний», во втором томе двухтомника, вышедшем в издательстве «Бослен» в Москве в 2005 году...

Акименко Наталья Александровна
с. Желябовка
Нижнегорский район

Уроженец села Большая Андрусовка Иван Акимович Третьяков до 1920 г. воевал в отрядах Буденного и Котовского, всецело поддерживая народную власть. А потом, решив, что пора строить мирную жизнь, с женой, Марией Семеновной, переехал в Керчь. В этом приморском городе у молодой семьи родились дети: Иван, Екатерина, Виктор, Николай. В 1935 г. семья переехала в Сейтлер, затем в Желябовку. Здесь родились Леонид и Валентина.

Наполненная трудовыми буднями, мирная жизнь Третьяковых не была долгой и счастливой: 1941-й год навсегда изменил ее. Мария Семеновна умоляла мужа не оставлять семью, но он не представлял себе, как можно «держаться за женскую юбку, если страна в беде!» По собственной инициативе пошел в военкомат и... ему отказали: возраст не тот. Мария вздохнула, но Иван был не из тех, кто отступал от своего слова, и все-таки ушел добровольцем на фронт. Вскоре и старший сын Ваня последовал за отцом, сразу попав под Судак «рыть окопы». Затем он оказался в составе 8-й, а позже 7-й бригады морской пехоты. Участник обороны Севастополя, он сражался в районе Балаклавы до последних дней обороны города.

Потянулись серые будни, наполненные тревогой и ожиданием. Оба защитника были далеко от дома. Все, что знала Мария Семеновна, это то, что сын Иван защищает Одессу. И вот – как гром среди ясного неба: муж тяжело ранен, эвакуирован в Евпаторию, потом его повезут в Феодосию, откуда вместе с другими ранеными солдатами отправят в центр России. Нет, она увидит его – во что бы то ни стало!

Поручив детей и домашние дела старшей дочери, Мария пошла в Феодосию. Она не думала, как пешком преодолеть неблизкий путь, не думала, что потом еще столько же нужно будет пройти, чтобы вернуться домой. Она просто шла, по зову сердца, шла к любимому. Но увидеть мужа не удалось: раненых отправили в Новороссийск. Казалось, сердце перестало биться, когда женщина увидела уходящий в море транспорт. А дальше – как в страшном сне: налетели вражеские самолеты – и небо, море, земля смешались в единую массу... Страшная боль захлестнула, оглушила и не отпускала до последних дней жизни: им больше никогда не быть вместе! Транспорт вместе с ранеными ушел на дно Черного моря. Ей бы и самой впору умереть, но есть еще дети, его дети...

Говорят, что время лечит, что со временем все забывается... Неправда! В памяти младшего сына Марии Третьяковой на всю жизнь остались жуткие события военных лет. Леонид помнит, как немецкие и румынские солдаты гнали пленных через Желябовку. Одного, больного тифом, бросили, а братья, Виктор и Николай, подобрали и принесли несчастного домой. Конечно, парня спасти не удалось: немцы узнали о поступке Третьяковых, солдата расстреляли. Марии же пригрозили расстрелом за сердечность. Казалось, беда прошла стороной, но нет: мать заболела тифом. Сельский фельдшер, болгарин Дука, осмотрел больную нехотя, сделал женщине укол в руку, но это облегчения не принесло. Рука почернела, и дети, которые тоже заболели, с ужасом понимали, что в любое мгновение могут потерять маму. Обращаться к Дуке было бесполезно: именно он предложил коменданту сжечь всю семью Третьяковых вместе с домом,

чтобы тиф не распространился дальше. Наверное, какой-то добрый ангел оберегал несчастных детей, поскольку немцы не откликнулись на предложение фельдшера, ограничились предупреждающей табличкой при въезде в село. Мать теряла силы каждый день, дети сами пытались лечить больную, грели ноги бутылками с горячей водой, но разве могли они знать, как все это делать правильно? Результат – страшные ожоги. Зрелище было ужасное: некогда симпатичную женщину невозможно было узнать: волосы вылезли, казалось, жизнь покидала исхудавшее тело. Братья обратились к немецким врачам. Их было двое: один сразу отказался идти к больной, второй – согласился. Он осмотрел Марию, показал на почерневшую руку и, покачав головой, сказал: «Рус – дурак». Дал лекарства и регулярно приходил в дом Третьяковых, пока семья не пошла на поправку. Да, встречались и среди захватчиков отзывчивые люди, хотя и крайне редко.

Были среди них и совсем «странные». Как-то один немец, летчик, квартирант, наградил семью целой миской сахара, узнав, что сын Марии защищал Севастополь. При этом с гордостью говорил, что он сам бомбил город...

Особой жестокостью отличались румыны, хотя были куда трусливее немцев. Как-то в доме Третьяковых даже квартировал один румынский солдат – пекарь; Витя и Коля были назначены его помощниками...

К слову, жизнедеятельность села при немцах была налажена идеально. Комендант, барон фон Шак, семидесятидвухлетний старик, управлял всем хозяйством грамотно. Надеялся, что после победы над Советским Союзом эти земли достанутся его семье. Он наладил работу и в поле, и на ферме. Соединил три бывших колхоза, распределил людей на работы, обеспечил сельхозинвентарем, семенами. Даже платил за работу. Между бывшими колхозами ездил на двуколке, во все вникал. Поэтому все, кто мог работать, работали.

Однажды, когда мальчики были на пекарне, началась бомбежка. Румыны бросились прятаться, а маль-

чишки набрали два мешка булочек и принесли домой. Вот где радости было!

Но горя в войну было, конечно же, больше. Люди старались выжить любой ценой, поэтому не всем удалось сохранить в себе человеческое. Начались доносы. Правда немцы, не приветствовавшие предателей, расстреливали и тех, кто донес, и тех, на кого донесли. Одну «бдительную даму» за предательство односельчан «отблагодарили» двадцатью пятью плетями. Доносчица умерла, но в ее списке были и Третьяковы. От расстрела семью спасла справка о том, что брат Иван находится в немецком плену. Смерть снова отступила.

А что же Иван? На его долю выпало много испытаний, но судьба берегла отчаянного крымского парня. Вместе с небольшой группой раненых и контуженных защитников Севастополя 4 июля 1942 года на мысе Херсонес Иван попал в фашистское окружение. Далее были фильтрационный лагерь «Картофельный городок» и концлагерь в бывшем совхозе «Красный», два побега и концлагерь города Люблин на территории Польши, а потом, непокорного, но сильного парня отправили в лагерь военнопленных № 326 на западе Германии, в городе Шахтопфен. Из шахты убежать было практически невозможно. Семнадцать пленных, пытавшихся совершить побег, уже раскачивались на виселице — в назидание остальным. Но и это не остановило Ивана. С пятерыми единомышленниками он организовал побег. В последний момент к ним присоединился шестой пленный. Припасенного хлеба катастрофически не хватало, но они не бросили товарища. Иван прекрасно понимал: единственный шанс на спасение — идти в противоположную сторону от Родины. Так беглецы встретили французских партизан. 4 апреля 1944 года отчаянный парень по прозвищу Севастополь стал командиром партизанского отряда им. Котовского.

Сохранилась характеристика, выданная крымчанину Центральным комитетом советских военнопленных во Франции: «Товарищ Третьяков командовал отрядом, действовавшим в борьбе против немцев на востоке Франции

в департаменте Мьюэ до прихода союзных войск. Лично принимал активное участие в боевых операциях. Отрядом проведена большая боевая работа по изгнанию немецких захватчиков с востока Франции. Сам товарищ Третьяков в боях был смелым, решительным, настойчивым и своими действиями служил примером для партизан, пользовался большим авторитетом, дисциплинированный, требовательный к себе и подчиненным, морально устойчивый и преданный делу Советской Родины».

Иван руководил отрядом до 1 октября 1944 г., пока не пришли союзные войска и партизаны не соединились с американскими военными. В январе 1945 г. Третьяков вместе с другими русскими партизанами переведен в лагерь советских граждан во Франкфурте-на-Одере. На Родину вернулся в июне 1945-го. После фильтрационной проверки долгое время работал на севере. Когда все же перебрался в Крым, поселился в Симферополе, где работал шофером.

Красивый мужчина, недюжинной силы, с волевым характером, на вопросы брата Леонида о том, как воевал, предпочитал отшучиваться: воевал как все солдаты. Вот такие они, Третьяковы, – люди, которыми нужно гордиться.

*Акименко Наталья Александровна
с. Желябовка
Нижнегорский район*

Когда смотришь на старые фотографии совсем молодых солдат, не вернувшихся с войны, становится горько и больно. Ведь они, красивые и талантливые, тоже хотели жить, любить, растить детей, стать лучшими в профессии, но отдали свою жизнь за то, чтобы все это было у нас...

Алексенко Николай Федорович родился в 1918 г. на Полтавщине, а в Крым попал 15-летним юношей не от хорошей жизни. Страшный голод на Украине в 1933 году заставил родителей Николая, собрав нехитрый скарб в узел, искать спасения для себя и своих четверых детей на

юге. Ехали, как говорится, «в никуда». Прибыв на железнодорожный вокзал поселка Сейтлер (ныне Нижнегорский), сели на скамейке у перрона. Не было не сил, ни средств продвигаться дальше. К счастью, мимо проходил председатель колхоза «Возрождение». Он пожалел семью Алексенко, привез на «Переселенческий участок №15» (так называлось село Ломоносово до 1948 г.), предоставил жилье, работу. Украинская многодетная семья получила шанс на счастливое будущее. 15-й участок был еврейским поселением, а колхоз «Возрождение» – процветающим хозяйством, в котором уже в то время активно использовался механизированный труд, а толковые, трудолюбивые работники высоко ценились.

Дети пошли учиться в Желябовскую школу. Талантливому, артистичному и красивому Николаю все пророчили будущее знаменитого актера, и он, окончив девятый класс, поехал в Ростов-на-Дону поступать в театральное училище. Блестяще прошел прослушивание и стал студентом. Семья гордилась своим Колей, и он усердно учился, отдаваясь театральному искусству всей душой. А потом наступило время служить в армии, и в 1939 г. он стал красноармейцем, служил в морской пехоте. После службы в армии Николаю предложили поступить в единственное в стране военное учебное заведение по подготовке средних командиров инженерных войск в городе Ленинграде. И он, нет, не изменил мечте, он изменил мечту. Если нужны стране офицеры инженерных войск, значит, он должен быть там, куда позовет его Родина.

10 июня 1941 г. состоялся девятый выпуск лейтенантов из училища, без выпускных экзаменов. Только 12% выпускников прошли полную подготовку. В начале войны курсантов бросили на уничтожение диверсантов в районе г. Луга. Потом курсантские роты и взвода отправляются на строительство Лужского оборонительного рубежа и подготовку обороны Ленинграда. С привлечением на строительство оборонительных рубежей более 500 тысяч жителей Ленинграда курсантов назначили инструкторами и руководителями работ.

Осенью 1941 г. немецко-фашистская армия вышла на ближайшие подступы к Ленинграду – гитлеровцы стояли у Пулковских высот. Немецко-фашистское командование ставило своей целью путем захвата фортов Красная Горка и Серая Лошадь создать угрозу Кронштадту.

Стойко защищали каждый рубеж на приморском направлении части 8-й армии под командованием генерала В.И. Щербакова. К 7 сентября 1941 г. при активной поддержке 2-й и 5-й бригад морской пехоты, береговой и корабельной артиллерии и морской авиации они закрепились на рубеже река Воронка – Большое Горлово, не пропустив врага к береговым фортам и Кронштадту.

В сентябре передовым отрядам противника все же удалось выйти к Финскому заливу в районе между поселком Володарским и Урицком, отрезав от основных сил Ленинградского фронта войска 8-й армии.

Так образовался Приморский плацдарм, или, как его называли за малые размеры, Ораниенбаумский «пятачок» – опаленная огнем, иссеченная осколками снарядов земля протяженностью более 50 километров вдоль берега Финского залива, от Петергофа на востоке до реки Воронки на западе.

Чего только не предпринимали фашисты для уничтожения «пятачка»! Яростные бомбежки с воздуха, ежедневные артиллерийские обстрелы, массированные атаки танков и пехоты... Но бойцы Красной армии мужественно держали оборону «пятачка».

В составе 2-й бригады воевал и Николай Федорович Алексенко. В некоторых документах сообщается, что он был командиром взвода 71-й отдельной морской стрелковой бригады. Николай погиб 11 сентября 1941 г., защищая Родину от захватчиков.

Родители не узнали о смерти сына, так же, как и он не узнал о трагической судьбе своей семьи, а она оказалась горестной. К приходу фашистов часть евреев с 15-го участка эвакуировали. Семья Алексенко осталась под оккупацией. Сестру Николая Галину (1925 г.р.) насильно увезли на работу в Германию. Отец, в надежде найти дочь, уехал в Германию по своей инициативе, взяв с со-

бой и младшего сына Василия (1929 г.р.). А «Возрождение» захлестнули аресты. Мать Николая, вместе с младшей дочерью Машей (1927 г.р.) в одну из холодных декабрьских ночей тайно бежала из села. В селе Чапаевка им удалось найти приют. Мать умерла в 1957 году, так и не дождавшись сына с войны. На 15-й участок семья Алексенко не вернулась. Через несколько дней, после того как мать и дочь покинули Сейтлерский район, всех евреев, проживавших в то время на 15-м участке, расстреляли. В братской могиле перед въездом в Нижнегорский покоится прах людей, которых знал Коля Алексенко, а сам он для родных людей долго значился в списке пропавших без вести.

В 1946 г. в Крым вернулась Галина. Вернулась с ребенком на руках. Она пыталась выкинуть из памяти все, что с ней случилось, не желая говорить о годах, принесших столько боли и страданий. Известно было, что ее освободили американцы, после чего молодая женщина сразу же начала добираться домой. Вернулся домой и младший сын Алексенко – Василий. Он, как и все молодые люди того времени, участвовал в восстановлении изувеченной войной Родины и, конечно, мечтал узнать о судьбе старшего брата.

Только благодаря сыну Василия Федоровича, Алексенко Николаю Васильевичу, не так давно стало известно о том, как закончилась жизнь молодого, талантливого патриота своего Отечества – Николая Алексенко. Конечно, одному человеку, провести поисковую работу не под силу. Николаю Васильевичу помогли председатель ученого совета научно-исследовательского центра «Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», кандидат исторических наук, член-корреспондент Академии военно-исторических наук Российской Федерации Сергей Николаевич Ткаченко и главный научный сотрудник выше упомянутого центра Оксана Николаевна Шеремет.

Теперь мы знаем, что 23-летний защитник Родины был похоронен в районе деревни Готовузи. В 1952 г. прах Алексенко Николая Федоровича был перезахоронен в братскую могилу с. Глобицы Ломоносовского района

Ленинградской области. Для Родины он перестал считаться пропавшим без вести в 1973 году, для родных, ныне живущих, – совсем недавно....

Николай Алексенко участвовал в ожесточенных боях по обороне Ленинграда и отдал свою жизнь за счастье грядущих поколений.

*Бадаева Галина Петровна
с. Журавли
Сакский район*

На юго-западе Крыма находится город Саки. Он издревле славится чудодейственными лечебными грязями. Это город, дарующий здоровье и жизнь.

Ради жизни в годы Великой Отечественной войны подпольщики города сражались с фашистами. Бессмертный полк проходит 9 мая к Вечному огню. В этом полку портреты тех, чьими именами названы улицы города Саки Республики Крым.

В центре города Саки – бюст Героя Советского Союза Сенченко Федора Ивановича. Его именем названа улица. До войны он работал электриком на химзаводе. В первые дни войны стал сапером. Сакчанин Ф.И.Сенченко отдал свою жизнь за освобождение Польши в августе 1944 г. при возведении моста через реку Бшезувка для переправы танковой части.

На улице Тertyшного – памятный знак нашему земляку Иосифу Андреевичу. В конце октября 1941 г. враг рвался к Севастополю. Богатый урожай зерновых хранился на элеваторе станции Княжевичи (ныне – Яркая). Директор элеватора комсомолец И.А.Тertyшный выполнил задание Сакского райкома партии: часть хлеба раздал жителям, а нефтебазу и элеватор взорвал, чтобы они не достались фашистам. Предатель выдал патриота. Тertyшный и его рабочие были арестованы гитлеровцами и расстреляны в саду у Михайловского шоссе (в настоящее время территория парка Сакского центрального военного клинического санатория им. Н.И.Пирогова).

С 30 октября 1941 г. над Сакским краем нависла черная тень оккупации. В поселке Саки были созданы 2 подпольные молодежные группы. Одну возглавил Валентин Камлер. Вместе с товарищем Виктором Галушкиным они устроились в немецкую комендатуру шоферами. Они предупреждали жителей поселка об облавах молодежи для отправки в Германию, перевозили из явочной квартиры Ксении Ивановой бежавших из Михайловского концлагеря военнопленных, а также собранные подпольщиками продукты питания и одежду в Кутурские каменоломни.

30 октября 1941 г. К.Г.Петриченко оборонял Симферополь. В одном из боев за город Алушту был ранен, попал в плен. После побега из плена вернулся в Саки, где организовал вторую подпольную группу. Установил связь с солдатами-словаками, которые помогли достать оружие.

Обе группы, Камлера и Петриченко, действовали вместе: боролись с оккупантами, нарушали телефонную связь, выводили из строя вражеский автотранспорт. В каменоломнях собрались 68 человек военнопленных. Подпольщики всех их вывели в лес, где они вошли в Южное соединение крымских партизан.

Есть в Саках улица имени Галушкина Виктора. Член подпольной группы расстрелян 1 марта 1944 г. на Красной горке в городе Евпатории. В жандармерии его пытали, но он никого не выдал. На расстрел его вывели со связанными колючей проволокой руками.

Бывший переулочек Вольный назван именем Сергея Кулиды. С декабря 1942 по январь 1944 г. он был подпольщиком города Саки в группе Петриченко. Они выводили из строя парашюты с контейнерами, которые хранились в грязелечебнице, приобретали оружие для группы. В январе 1944 г., когда подпольная группа была раскрыта, он ушел в лес, стал партизаном 2-го отряда Южного соединения. 10 марта 1944 г. С.Кулида возвращался с задания и подорвался на mine.

Улица, где жил Веня (Вениамин) Ковалев, носит его имя. Он стал подпольщиком, среди первых ушел в лес к

партизанам. Однажды его отряд попал в окружение. Партизаны уводили в горы женщин и детей, а Веня, прикрывая с автоматом в руке тропу, по которой уходил отряд, раненый попал в плен. Он перенес страшные пытки, на его груди фашистами была вырезана звезда. 19-летний герой погиб за несколько дней до освобождения Крыма.

На окраине города Саки в доме Ивановой Ксении Тимофеевны собирались подпольщики. Здесь решались все важные дела. В декабре 1943 г. К.Т.Иванова и ее муж Ф.Ф.Иванов были арестованы, отправлены в гестапо в Евпаторию, после пыток и допросов расстреляны на Красной горке. Сиротой осталась их 12-летняя дочь Лариса, которая дежурила у колодца, когда в доме собирались подпольщики. В случае опасности юная подпольщица с грохотом опускала ведро в колодец. Низкий поклон учителю Ларисе Лосевой (в девичестве – Ивановой): она написала воспоминания о сакских подпольщиках.

Учитель Халилов Нури Саидович войну встретил в Бресте. Партизанил в белорусских лесах, попал в плен, откуда бежал. Летом 1943 года ушел к крымским партизанам в 21-й отряд 5-й бригады Северного соединения. Освобождал Симферополь, Севастополь. В память о нем названа улица города Саки.

До войны В.П.Прохоров – секретарь Сакского райкома ВКП(б). Он защищал Севастополь, был комиссаром 602-го полка. На мысе Херсонес раненый командир отряда Ерофеев передал комиссару Прохорову командование отрядом. Прохоров погиб в бою. На мысе найден его планшет-дневник, где комиссар описывал подвиг своих товарищей. На основе приведенных в нем фактов киностудией им. А.Довженко снят фильм «Трое суток после бессмертия».

Зеленая ухоженная улица 9 Героев. На пилоне, расположенном в начале улицы, золотистыми буквами написаны имена Героев Советского Союза. Остановитесь, прочитайте и запомните их: гвардии сержант Поддубный Николай Иванович, гвардии рядовой Велигин Петр Владимирович, гвардии рядовой Тимошенко Иван Терентьевич, гвардии рядовой Задорожный Михаил Алексеевич,

гвардии рядовой Захарченко Григорий Никифорович, рядовой Иванов Петр Артемьевич, рядовой Симоненко Александр Федорович, рядовой Абдулманапов Магомед-Загид, рядовой Ершов Василий Александрович.

12 апреля 1944 г. разведчики двигались по шоссе Евпатория–Симферополь в сторону Севастополя. Неподалеку от города Саки командир приказал произвести разведку справа от шоссе. Туда на танке под командованием гвардии сержанта Н.И.Поддубного поехали 9 разведчиков. Около села Ашага-Джамин (ныне – село Геройское) солдаты встретились с батальоном фашистов. Враги открыли артиллерийский огонь по танку, разбили пушку. Бойцы заняли круговую оборону, в течение двух часов длился бой. Силы были неравными, на исходе патроны, стали биться врукопашную, прикладами, саперными лопатками. Израненных, истекающих кровью бойцов враги пытали: прокалывали штыками места на груди, где были видны невыцветшие награды на гимнастерках. Но враг от них ничего не узнал. После расстрела на окраине села озверевшие гитлеровцы запретили людям хоронить героев. Ночью жители отправились на место расправы и обнаружили, что один чудом выжил. Это был Василий Ершов. Его перенесли в деревню. На следующий день, 13 апреля 1944 г., Сакский район был освобожден. Солдата отправили в госпиталь: у него было 17 огнестрельных и колотых ран. Ему пришлось перенести 14 тяжелых операций. После войны он уехал к себе на родину в село Судилово Сандовского района Тверской области. Работал почтальоном. Умер в 1971 г. Прах восьмерых героев, его товарищей, покоится на холме Славы возле села Геройского. Там создан мемориальный комплекс. Ежегодно 13 апреля, в день освобождения, сакчане проводят митинг в память о защитниках Родины. Есть в городе улица и под названием 13 апреля.

Вечно в Бессмертном полку города Саки будут проходить в одном строю девять Героев Советского Союза: Н.И. Поддубный, П.В. Велигин, И.Т. Тимошенко, М.А. Задорожный, Г.Н. Захарченко, П.А. Иванов, А.Ф. Симоненко, М.-З. Абдулманапов, В.А. Ершов; лет-

чики – Герои Советского Союза: гвардии старший лейтенант авиации Д.А. Стариков, гвардии майор авиации В.В. Лобозов, гвардии майор В.А. Дегтярев; Герой Советского Союза Ф.И. Сенченко; герои-подпольщики С. Кулида, В. Галушкин, К.Т. Иванова, Ф.Ф. Иванов, Л.М.Лосева, Н.Халилов, И.А.Тертышный; В.П.Прохоров.

Слава тех не умирает, кто за Отечество умрет! Вечная Слава Героям!

Вальченко Людмила Юрьевна г. Евпатория

6 июля 2019 года Евпатория, ставшая известным в 60-х годах XX века на географической и литературной картах мира благодаря повести Бориса Балтера «До свидания, мальчики», вновь собрала людей, влюбленных в творчество автора: южный город с золотыми пляжами отметил 100-летие писателя!

...В сорок два года неизвестный никому писатель Борис Балтер написал повесть «До свидания, мальчики», которая сразу же стала символом нашего курортного города и символом своего времени. В короткое время книга была переведена на 16 языков мира.

С первой страницы до последней повесть держит читателя мощной, пронзительной лирической напряженностью. Где находится исток этого лирического напряжения?

Повесть была написана Балтером на одном дыхании. Писателю уже сорок два года, и за эти сорок два года столько пережито! За плечами две войны, обморожение, несколько ранений, последнее оказалось очень тяжелым и привело к инвалидности, несостоявшаяся военная карьера, трагедии в жизни матери, ложные обвинения в растрате государственных средств, сомнения в своей литературной одаренности.

Борису Балтеру помог Константин Паустовский – талантливый учитель, обладающий редкой человеческой, литературной и педагогической проницательностью. «Паустовский приучал к мысли, что настоящая литерату-

ра неотделима от живого человека, от его поступков, от того, что происходит с ним в действительности» (Белянинов А.С.).

Балтер нравился Паустовскому, они не были похожи внешне. Но было то, что их крепко связывало друг с другом. Владимир Карпов в рассказе «Семинар» так описывает Бориса Балтера: «Борис Балтер отличался сочным голосом, как у "диктора Всея Руси" Левитана, и категоричностью суждений». Об этой прямолинейности, честности, категоричности суждений, резкости Балтера вспоминают все участники семинара. А вот что говорит Паустовский о том, какой должен быть писатель: «Настоящий писатель не должен иметь гибкий позвоночник: преклонение и угодничество с писательской профессией несовместимы. Объективность и правда – ваш постоянный маяк <...> Вы все видите и описываете честно».

Многие выпускники семинара Паустовского вспоминают одну из бесед с Константином Георгиевичем. Речь зашла о том, какое качество он больше всего ценит в писателе. Ответ последовал сразу же:

- Верность себе и дерзость...
- А самое отвратительное качество писателя?
- Подлость. Торговля талантом.

Честь, верность, справедливость, прямота были свойственны Б.Балтеру.

Паустовский любил его. В интервью английской газете «The Observer Weekend Review» от 27 декабря 1964 г. на вопрос журналиста, как он относится к писателю Балтеру, Константин Георгиевич ответил: «Балтер вернулся с войны серьезно раненым. Война для него была тяжелым психологически и даже политически тяжелым испытанием. Он был передовым человеком в самом хорошем смысле этого слова. Его нельзя было сломать».

Только в конце 1950-х Борис Балтер возвращается в Москву из Абакана, где руководил литературным отделом Хакасского НИИ языка и устраивается консультантом в «Литературную газету», и снова встречается с Паустовским.

Как необходимы были ему эти душевные беседы с Учителем! Балтер со школьной скамьи предъявлял к себе самые высокие требования. Но ему уже почти сорок лет, а ничего значительного до сих пор не написано. Имена Юрия Трифонова, Владимира Тендрякова, Юрия Бондарева, Григория Бакланова, тех с кем он учился в Литературном институте, уже были хорошо известны советскому читателю. О чем были беседы Учителя и молодого писателя? Паустовский хорошо знал эти состояния штиля в творчестве, но он знал и пути спасения. Он просил Бориса Балтера рассказывать пережитое, как делал не раз он сам, беседуя на семинарах с учениками, и, всматриваясь в лицо своего собеседника, искал отражение особого настроения сердца, живую жизнь памяти.

Наконец, Балтер заговорил с Учителем о школе, о друзьях юности, о городе у моря, вспомнил не покидающее его в школьные годы чувство разрастающегося счастья в груди, ощущение того, что завтра будет прекраснее дня сегодняшнего. И Константин Георгиевич сразу понял: да, это то духовное русло любви, которое принесет его ученику – имя, а русской литературе – славу.

«Уловить настроение» события жизни, удержать его в себе и написать об этом искренне и тонко, как пишут письма только самым близким людям, – так учил писать Паустовский.

Родилась повесть «До свидания, мальчики» – повесть-письмо, адресованное друзьям юности, стертым с лица земли в мясорубке истории, но оставшимися живыми в сердце писателя; письмо, адресованное городу юношеских надежд, когда «жизнь казалась понятной и простой и была наполнена ожиданием счастья». Вот истоки лирического родника балтеровской повести!

Название повести носит концептуальный характер. Думаю, нам стоит обратить внимание на то, как оно было написано на обложках первых изданий книги, на первых афишах фильма и на афишах первых спектаклей, как оно было написано в одноименном фильме Михаила Калика, и взглянуть на обложки первых переводов книги на иностранные языки.

В названии книги нет восклицательного знака. А это меняет смысловое наполнение названия повести. Автор стихотворения «Ах, война, что ты сделала подлая» не раз заявлял, что тема его стихотворения не военная, но анти-военная, поэтому восклицательный знак в конце предложения у Булата Окуджавы нес вполне однозначную смысловую нагрузку. Борис Балтер называет повесть строчкой из стихотворения своего друга, но убирает восклицательный знак.

Повесть «До свидания, мальчики» написана легко, полна доверительности и поэзии чувства – это поэзия юности и южного города, поэзия надежды и любви, но это и доверие открытого сердца, ничем не защищенного перед судом читателя, сердца, исповедующего историю боли и страдания.

Балтер-писатель находит гениальный литературный прием: искренняя доверительность повести, сотканная из поэтики счастья юности, рвется, как может рваться нежная шелковая ткань, авторскими размышлениями и воспоминаниями – другие времена и другие истории врываются с ними в текст повести, расширяют ее временное пространство, и все события, пережитые нашим народом от 30-х до 60-х годов XX века, вдруг заговаривают в повести разом, как вершины деревьев, застигнутые ветром.

Временные границы повести раздвигаются, и перед читателем уже не повесть о счастливой юности, но повесть и о репрессиях, и о войне, и о мужчине, чье сердце, «когда-нибудь, споткнувшись... остановится навсегда». В названии повести звучит горькое прощание с мальчишескими надеждами. «Кем я был? Эгоистом? Юнцом, не способным глубоко задуматься и чувствовать? <...> Но теперь, наедине с собой, в долгие бессонные ночи, я понимаю, что знал очень мало <...> Самые сложные явления жизни я сводил к упрощенному понятию добра и зла. Я жил, принимая упрощения за непреложные истины».

Сколько горького прощания звучит в названии повести, прощания с мальчишеским счастьем и надеждами...

горького прощания со своими школьными друзьями Сашкой Кригером и Витькой Аникиным.

Жена Паустовского, Татьяна Алексеевна, на вопрос английского журналиста о том, как такой человек, как Балтер, мог жить в сталинские времена после войны и оставаться писателем, ответила: «Вы должны прочитать повесть «До свидания, мальчики». Она написана с большой горечью, на нее Борис потратил большую часть жизни, массу сил и времени. В жизни Балтера было много разочарований, ему пришлось искать новую почву взамен выбитой из-под ног».

Вальченко Людмила Юрьевна
г. Евпатория

Литературной студии имени писателя Бориса Балтера – 20 лет!

Мы хотим поздравить всех, кому не безразличен русский язык и отечественная культура, с этим праздником юности нашей литературы.

Литературная студия им. писателя Бориса Балтера теперь уже легендарна. Она была создана в конце 1990-х гг. в городском Детско-юношеском центре (ныне – ЦДЮТ «Ровесник»). Идею создания подсказала поэтесса Елена Жаркова, она же предложила назвать студию именем Бориса Балтера. Это был первый шаг в восстановлении исторической памяти писателя. Елену Жаркову поддержала директор Детско-юношеского центра Елена Резник. Две Елены заставили город вспомнить писателя.

С рождением Литературной студии имя писателя стало появляться в прессе, звучать на литературных конкурсах, напоминать о себе на страницах детских литературных журналов «Солнечный зайчик», которые издавались Детско-юношеским центром.

Иначе и быть не могло, ведь юных балтеровцев окормляли известные литераторы Крыма. В течение первых пяти лет в студии работали талантливая поэтесса и редактор Елена Жаркова (1998 – 1999 гг.), поэтесса, прозаик, журналист, член Союза писателей России Анна

Зенченко (1999 – 2002 гг.), писатель, литературовед, член Союза писателей России Евгений Никифоров (2002 – 2003 гг.). Каждый из этих ярких личностей смог найти своих учеников, которые сегодня известны в мире журналистики и литературы.

Последние 17 лет студией руководит автор этой статьи – Людмила Вальченко. Поэт, филолог, учитель русского языка и литературы, редактор и составитель крымских литературных сборников и альманахов, автор статей и методических разработок по работе с одаренными детьми.

В студию меня пригласили работать в 2003 году. Тогда мне казалось, что студия прекратила свое существование навсегда. Не было ни одного ученика и не было никаких устоявшихся традиций, никаких программ, никаких наработок. Не было ничего. Но... начинать с нуля всегда хорошо. Создание своей программы, своей методики обучения, свобода в педагогическом эксперименте. В первый же год собралась группа детей более 30 человек.

Для студийцев имя Балтера было незнакомо, оно было стерто и в литературном сознании Крыма. С 2003 г. я объездила с воспитанниками литературной студии весь Крым, мы часто бывали в Киеве, Запорожье, Северодонецке, нас приглашали в Санкт-Петербург, мы ездили в Польшу, и мне не раз приходилось объяснять участникам литературных фестивалей и членам жюри, кто такой писатель Борис Балтер и как правильно пишется его фамилия. Это было то время, когда воспитанники студии были едва ли не единственными горячими сердцами, кто пробуждал народную память о писателе.

Лишь через двенадцать лет, в 2009 г., к Борису Балтеру-писателю вновь пробудился интерес. Благодаря Якову Фоменко, выпускнику гимназии им. И. Сельвинского, вышло юбилейное издание книги «До свидания, мальчики!», приуроченное к 90-летию автора. Литературная студия принимала самое деятельное участие в праздновании юбилея и подготовила альманах «Солнечный зайчик № 12», в который вошли не только произведения юных авторов, но никогда прежде не публиковавшиеся материалы

из биографии писателя. Впервые были опубликованы материалы и фотографии из Личного дела № 0676037 майора Бориса Исааковича Балтера, полученные Яковым Фоменко из Центрального архива Министерства обороны Подольска и переданные Литературной студии.

В 2010 г. студия получила еще одно рождение на базе ЕУВК «Гимназия им. И. Сельвинского». По просьбе двоюродного брата писателя – Виктора Есипова, известного литературоведа, поэта и наследника авторского права Б. Балтера – студия сохранила имя писателя в своем названии: Литературная студия им. Бориса Балтера МБОУ «Гимназия им. И. Сельвинского». Эта просьба ученого была не случайна. В Евпатории Борис Балтер учился и блестяще окончил школу № 2 им. Постышева – старейшее учебное заведение города, бывшую женскую гимназию, ныне – МБОУ «Гимназия им. И. Сельвинского».

Мне часто говорят о том, что художественное лицо студии узнаваемо. При всем разнообразии стилей, жанров, тем, языкового материала, ритмов, в которых работают мои воспитанники, они узнаваемы в литературном сообществе отсутствием штампов, высоким требованием к своим текстам, нравственными границами, продиктованными совестью, максимальной открытостью души, самоотдачей в творческом процессе.

В рецензии на сборник поэзии, прозы и художественных переводов выпускников студии «Юность, любовь и море!» доктор гуманитарных наук Елена Коницкая пишет: «Хочется надеяться, что для выпускников студии их путь уже, так или иначе, определен: в современном мире, в котором много хаоса, деструкции, они – те, которые помнят и знают, что такое Любовь, Надежда, Вера, те, в чьих сердцах уже поселилась Мудрость (даже если они сами еще не подозревают об этом). Не прервется линия осмысленной, одухотворенной человеческой жизни, ибо такие люди есть соль жизни. Хочется пожелать балтеровцам, чтобы они помнили это, чтобы с гордостью чувствовали, что они – звено в непрерывном потоке Культуры, благодаря которой мы можем называться людьми».

А призовые места достаются студийцам упорным трудом, усталостью. Они знают, что такое слезы отчаяния и неуверенность. Множество побед, которые украшают студию, – это результат самоотречения, результат бессонных ночей и вдохновенного труда. За время моего руководства студией воспитанники завоевали около 600 международных, республиканских, всероссийских и всеукраинских побед.

В 2013 г. Михаил Чолий вошел в число 33 лауреатов мира. Был приглашен в Польшу, где ему вручили награду, а его стихотворение «Мир против зла и насилия» было переведено на польский, белорусский, немецкий языки и отправлено президентам четырех стран в поддержку мира на земле.

Три золотых и одну серебряную медаль завоевали Нина Пиходчук, Ксения Солодухина и Светлана Полянская на ежегодном Всеукраинском конкурсе молодежной поэзии памяти Л. Киселева в рамках Международного конкурса «Каштановый дом» (в 2008, 2009, 2010, 2011 гг.) в Киеве.

В 2011 г. Ксения Солодухина блестяще защитила научно-исследовательскую работу на Всеукраинском конкурсе научно-исследовательских работ учеников-членов Малой академии наук Украины в секции «Литературное творчество». Поэтический сборник, представленный автором комиссии, назывался «Дельта рассвета». Он принес городу долгожданную победу на этом сложнейшем конкурсе-защите.

Конкурсы-защиты МАН Украины были самыми сложными. Они состояли из трех туров. Первый – создание творческой папки, в которую входили поэзия, художественная проза и эссе. Второй – сдача базовой дисциплины (украинский язык). Третий – защита творческой (научно-исследовательской) работы.

Для защиты в МАН Киева требовалось не только написать базовую дисциплину и провести защиту на украинском, но сам сборник творческих работ перевести с русского на государственный язык. Прозаикам было проще. Поэтам приходилось не сладко. Надо сказать, что

и члены комиссии в Киеве (секция литературное творчество) относилась к юным поэтам Крыма жестко. Для того чтобы привезти в Крым победу из Киевской Малой академии наук, поэту требовались не только талант и знание, но мужество и дипломатия. Дома, перед отъездом на защиту, мы отработывали ответы на возможные вопросы комиссии, касающиеся сложных тем.

Это же касалось и литературных конкурсов, проводившихся под патронатом Союза писателей Украины. Помню, как я привезла на Банковскую переводы американских поэтов XX века на русский язык, однозначно талантливые, выполненные моими воспитанниками. Но на переводы даже не глянули, ответили просто: «Переведите все работы еще раз. На украинский язык».

Знать государственный язык было жизненной необходимостью. И ребята продолжали писать и на русском языке, и на украинском, и вновь переводили свои переводы зарубежной поэзии и прозы с русского на украинский. Все эти трудности только закаляли студийцев, учили их твердости духа и умению не сдаваться. В результате появились сборники прекрасных стихотворений, написанных на украинском языке Ксенией Солодухиной, Наталией Швайко, Шасне Сулеймановой.

Конечно, такое отношение не могло не порождать сомнение в необходимости творчества на родном языке, но лечилось оно другими конкурсами и другими городами. Ежегодно на Международном фестивале детского творчества «Подводные фантазии» в Донецке (количество участников более пяти тысяч человек) коллекции работ Литературной студии им. Бориса Балтера признавались лучшими и награждались медалями, грамотами и благодарностями.

С 2014 г. воспитанники студии принимают участие не только в детских и юношеских литературных конкурсах, но в творческих конкурсах профессиональных писателей. Каждое участие балтеровцев в этих конкурсах означало победы, которые они привозили родной Евпатории: места, кубки, медали. Имена Нины Лернер, Анны Байда были включены в десятку лучших поэтов 2016 года.

В 2017 г. балтеровцев пригласили участвовать в Национальном молодежном патриотическом конкурсе «Моя гордость – Россия!». Результаты были столь блестящи, что на их основании в 2018 г. ФОУ «Межрегиональный центр поддержки одаренной и талантливой молодежи» выдал свидетельство МБОУ «Гимназии им. И. Сельвинского» как организации, осуществляющей работу с одаренными и талантливыми детьми. Иванов Георгий, Пенхерская Алена, Нестерова Анна, Кобзарь Алиса, Меджитова Асине, Катревич Анастасия, Картавцева Ангелина стали лауреатами конкурса.

В 2018 г. толстый литературный журнал «Таврия литературная» проводил всероссийский творческий конкурс, посвященный 5-летию воссоединения Крыма и Севастополя с Россией. Результат снова был ошеломляющий – пять медалей: три золотых и две серебряных.

Студийцы ведут очень яркую литературную жизнь, они встречаются с пишущей молодежью, с поэтами и писателями, выступают в конкурсных программах, участвуют в поэтических телемостах. Создают свои словари штампов, смешных слов, новообразованных слов, ярких метафор.

Многие из них уже имеют публикации на сайтах: <https://www.stihi.ru/>, <http://www.poezia.ru/>, <https://www.proza.ru/>, ведут литературные блоги, выпускают свои сборники переводов, поэзии и малой прозы. Их книги издаются в крымских издательствах: «Крымский писатель», «Ариал», «Доля».

Поэзию, прозу и художественные переводы с удовольствием публикуют у себя журналы и альманахи, не только обращенные к детской и юношеской аудитории, но и толстые литературные журналы: «Крым» (Симферополь), «Таврия литературная» (Москва), «Белая скала» (Симферополь).

Обучение литературному творчеству в студии ведется по специально разработанной методике. Воспитанникам знакома и литературная работа, и редакция текстов, и корректура. В 11-х классах желающие знакомятся с версткой.

В старших классах все учащиеся получают звание Действительного члена Малой академии искусств и народных ремесел Крыма. Многие из них вошли в биографический справочник «Одаренная юность Крыма», в «Золотую серию» одаренных детей Крыма и в серию «Новые имена».

С восьмого класса студийцы занимаются научно-исследовательской работой в области литературного творчества, обучаются художественному переводу прозы и поэзии. Более сорока из них являются Действительными членами Малой Академии Наук.

Усилиями студийцев делаются макеты книг и альманахов. Это и журнал «Солнечный зайчик № 12», и книга С.Н. Сергеева-Ценского «Стихи для детей» – первое издание детской поэзии писателя, и книга «Юность, любовь и море», посвященная 100-летию писателя Б. Балтера и 20-летию студии.

В студии издаются и внутрестудийные литературные журналы. Одно из таких изданий «Слово» было отмечено поэтессой Беллой Ахмадулиной.

Ребята собирают документальный материал для литературного музея студии о жизни и творчестве Бориса Балтера. Встречи с писателями, поэтами, участие в презентациях новых книг, ежегодные выступления на Пушкинских и Сельвинских чтениях, на поэтических марафонах, посвященных Анне Ахматовой, Владимиру Маяковскому, Сергею Есенину, формируют у них сопричастность миру литературы, делают одним целым с литературным сообществом не только своего города, но всей творческой вселенной.

Не менее важную роль в этом преображении играет личность учителя, его умение открывать творческое «я» воспитанника, его влюбленность в свое дело, ведь только тогда художественный текст может стать для ученика областью исследования, областью творческого соперничества, областью любви, только тогда ученик сможет оценить то величайшее богатство, которое оставили ему его великие предшественники в русской литературе, богатство, которому нет равных ни в одной стране мира.

Власюк Алена Олеговна
Рук. – Лисицкая Оксана Витальевна
с. Варваровка
Советский район

Мы поведаем историю трагической любви купеческой дочери Варвары к бедному юноше. По преданию именно в честь Варвары названо наше село – Варваровка.

Давно это было. Среди степного Крыма, среди прекрасной его природы затерялся небольшой хутор, на котором жил один купец. Он был богат, роскошные сады и виноградники приносили огромные доходы. Торговля была налажена, товар этого купца славился на всю округу. Все знали, что лучшего вина не стоит и искать. Все восхищались хозяином хутора: он был умен, предприимчив и очень любил свои земли.

Часто купцы с окрестных хуторов приезжали к нему, чтобы увидеть его владения. Особенно красиво было весной, когда цвели сады и расцветала розовая плантация.

Но основным сокровищем купца было не это. С каждой весной, вместе с садами, все более цвела, вырастая, его прекрасная дочь – Варвара. С ее красотой не могла сравниться ни одна девушка в округе. И была она не только красива, но и чрезвычайно умна. А в ее сердце хватало места для любви ко всему живому.

Отец не чаял души в дочери, она была его гордостью. Рано оставшись без любимой жены, он посвятил всю свою жизнь ненаглядной дочери. Так они и жили – спокойно и размеренно.

Вскоре на хутор стали приезжать молодые люди, просить у отца ее руки. Но Варвара была гордой девушкой, строптивой и не принимала предложения женихов. Отец недоумевал. Ему не верилось, что ни один из юношей так и не пришелся по сердцу его дочери.

Но он ошибался. Варвара любила – искренно и нежно, всей душой! Но она тщательно скрывала свои чувства от отца, так как знала – он никогда не одобрит ее выбор, несмотря на безграничную любовь к дочери.

А избранником Варвары был бедный, но трудолюбивый юноша. Он любил Варвару так же сильно, как и она его. И часто порывался пойти к отцу возлюбленной, чтобы испросить благословения, надеясь убедить его в искренности своих чувств. Но девушка, опасаясь отцовского гнева, останавливала любимого. И тогда, не найдя другого выхода, влюбленные решили бежать.

Но планам молодых не суждено было сбыться. Накануне побега о нем узнал отец. Гневу его не было предела. Юноша был убит, потому что, по мнению отца Варвары, он хотел посмеяться над его дочерью, посягнув на ее доброе имя.

Не вынесла Варвара жестокости отца. Пожелав остаться навеки с любимым, она свела счеты с жизнью. А безутешный отец, похоронив любимую дочь, решил оставить память о ней, назвав свой хутор Варваровкой.

Таково предание – давно минувших лет...

Гергель Оксана Анатольевна
Донецкая Народная Республика

Благословенная земля, облитая солнцем, заросшая виноградниками и лавандовыми полями. Кажется, создана для того, чтобы человек был счастлив. Оказавшись здесь, непостижимым образом глохнешь и слепнешь для всего, кроме солнечного тепла, проникающего под кожу.

И если вдруг напомнят тебе, что и на этой земле есть страх, боль, страдание, – досадливо отвернешься или не поверишь, как повзрослевший ребенок перестает верить в чудовищ...

– Я люблю море. На пляже лежать, как сейчас, нам было некогда. В будни работаешь, в выходные работаешь... Дом строили, дети, огород, козы... На море ходили вечером. И купались, и стирали – все в море, вода была чистая. А питьевую воду носила коромыслом от автостанции.

Всю жизнь прожила на море, а плавать не умею, боюсь. Я тонула. Мы плыли в эвакуацию из Керчи. Мне

семь лет было. И баржу разбомбили с самолета. Столько людей перетонуло, а меня мама держала крепко, вцепилась в руку и вытащила. Мы до войны жили не здесь, а в Береговом. Пришлось из Керчи идти пешком обратно. Ночевали в поле, отошли в сторону и где попадали, там и ночевка. Идем, а навстречу нам немцы. Веселые, смеются, угощают нас – добрые. А потом по поселкам собрали всех мужского пола, мальчиков, кто старше восьми, всех расстреляли... Добрые...

Нам деться было некуда. Дом сгорел, жили у людей в сарае. Какая там баня или душ – и умыться нечем было, лишний раз боялись нос высунуть. Мы такие завшивленные были, хуже собак бродячих. Помню, мама наклонила меня и стала волосы руками ерошить, а их с меня напало – аж на земле черно.

Я заболела тифом. Меня соседка посмотрела, говорит: «Надо везти в больницу, в город. Здесь умрет». Мама пошла к старосте проситься на подводу, везти меня в город. У старосты тоже сын тифом заболел, и он его как раз в город вез. А меня не взял, прогнал маму. И сам же из местных, а не помог, такой мужик был злющий.

Не знаю, как меня в больницу отвезли. Худая была, как жердь, ноги не держали. И вот я выжила, а старосты сын умер. Мама за мной приехала и привезла мне пирожок с картошкой. Я вкус этого пирожка по сей день помню! Мы голодали, мы такое ели, что страшно вспомнить. Хлеб пекли из червивой муки. Я ребенком была, не понимала, с водой замешаю и пеку. Так с червями и ели. А сейчас сын меня ругает: «Ты собаку голодом держишь!» Глянь на этого голодного, кашу не ест, ждет чего получше! Мне б в те годы такую кашу.

Маме врач тогда сказал: «Раз сейчас выжила – долго жить будет». Так и есть. Мужа схоронила, сына схоронила, а сама до таких лет дожила. Я работой живу. Утром, кажется, встать не смогу, каждая жилка ноет. А надо. Кур, собаку кормить, огород поливать; оно же все свое, своим трудом добытое, потому и жалко. Вот так и расхожусь. Все болезни от лени и от того, что люди себя жалуют. Если б не работа, я б давно уже на кладбище была.

Сейчас молодежь жалуется, устает на работе, тяжело. Разве мы так работали? Мы падали от работы.

А врача того расстреляли...

Наш разговор то ходил по кругу, но не надоедал, как не надоедает любимая пластинка, то прерывался приходом соседки или телефонным звонком от бесчисленных друзей, знакомых, родственников (она, даже запертая в силу возраста в доме, умудрялась не выпадать из деревенской общественной жизни), то начинался заново, когда она садилась рядом, давая отдых искривленным работой и болезнью ногам, всегда прямо держа спину, положив на колени руки, похожие на старые, заскорузлые узловатые веревки. Всегда в фартуке, перепачканном землей и соком травы, с ниткой янтарных бус на шее и крупными цыганскими серьгами-подковами, уже назначенными внучке после смерти. В ее жизни все уже распределено и решено, подчинено раз и навсегда заведенному порядку. Она простодушно радуется вовремя прошедшему дождю и распутившемуся в палисаднике розовому кусту; и искренне огорчается самому незначительному урону в хозяйстве – промокшему спичечному коробку или недозревшей тыкке, которую она сослепу срезала с лозы вместо сухого листа.

— Я знаю цену копейке. Я побиралась, по людям кусок хлеба просила. Маму забрали в гестапо, и она сошла с ума. Работать уже не могла. Иной раз все понимала, иной раз совсем не в себе была. Мы росли, как бурьян под забором. Нас кто пожалеет, а кто прогонит, могли и стукнуть.

Помню, уже после войны, иду по улице, а в луже кусок хлеба лежит, кто-то уронил. Как я обрадовалась! А он уже раскисший, я его до крошечки выловила и в подол собрала, так и бежала домой. Дома высушили и съели, а он на зубах хрустел от земли.

Вот так мне мама на всю жизнь досталась, хуже дитя малого.

Я и замуж так вышла. Он спросил: «Пойдешь за меня?» Я сказала: «Пойду, если мама с нами жить будет». Какая любовь? Мы и не знали, что это такое. Нищета, голые, угла своего не было. Разве тут до любви? Это сейчас все любовь ищут. Мужей, жен бросают, детей рожают, сами не знают, от кого. Все любовью оправдывают. Какая же это любовь? Это распутство, а не любовь. Но он, правда, никогда тещу не обидел и меня ею не попрекнул.

От людей всякое видели: и дразнили, и мне сколько раз говорили, чтоб сдала ее в интернат. А сами жили богаче нас. Чем человек богаче, тем у него злости больше. Я по всей улице бегала – мне рубль никто не дал... Прибежала в обед с работы, а дом заперт. Зову, стучу – не открывают. Мама придумала, что это воры лезут, и заперлась. А тут как раз керосин на улицу привезли, и мне надо было рубль до вечера одолжить. Никто не дал.

У меня на всю жизнь страх, что у меня чего-то не будет. Я спички зря не израсходую. Вот так меня этот рубль научил.

Перед моими глазами проходит чужая бесхитростная жизнь, наполненная горестями и обидами.

Сколько их таких, не воевавших, но перемолотых войной, нищетой, голодом, необразованных, но мудрых какой-то по-детски наивной, уже недоступной нам мудростью, не видевших счастья, но точно знающих, что это такое. Они уходят по невозвратной дороге один за одним, оставляя нам эту землю, как след, как неоплатный долг – долг памяти...

Записано со слов З. Елены Ивановны, город Феодосия

*Грошева Янина Станиславовна,
Соловьева Любовь Александровна
Рук. – Арихина Светлана Дмитриевна
г. Евпатория*

Сердоликовый талисман

Тем, кто верит, во благо дан...

Иоганн Вольфганг Гете

У Александра Сергеевича Пушкина имелось семь колец с самоцветами, и поэт верил в их чудодейственную благотворную силу. Бирюза, изумруд, сердолик... Пушкинских перстней с сердоликовой вставкой было два: один – камей, другой – инталия, и каждый из них обладал особой, уникальной судьбой. Однако для нас, евпаторийцев, самым важным и удивительным из этих двух украшений является бесследно исчезнувший золотой перстень со вставленной в него резной сердоликовой печаткой-инталией. Этот перстень – талисман великого поэта – породил немало легенд, а затем и сам превратился в легенду. На протяжении полутора столетий было множество попыток проследить и расшифровать его историю. К сожалению, и до настоящего времени в судьбе перстня и связанных с ним пушкинских стихотворений еще много загадочного.

В подавляющем большинстве исследователи сходятся на том, что перстень-талисман, которым Пушкин чрезвычайно дорожил и с которым не расставался всю жизнь, представлял собой сердолик-инталию, то есть камень с углубленной рельефной надписью (в отличие от камей, которая выполняется в технике выпуклого рельефа). Обычно драгоценные и полудрагоценные камни-инталии служили печатками на сургуче или воске, которыми в старину запечатывали письма, ведь конвертов тогда еще не существовало.

Талисман, он же амулет или оберег, – магический предмет, в «обязанность» которому вменялась защита его обладателя от бедствий, привлечение удачи, предупреждение об опасности. Талисман обычно носили с собой. Впервые характеристику амулету дал древнеримский ученый Гай Плиний Старший (77 год до н.э.) в своей

«Естественной истории»: он считал, что амулет оберегает человека от яда, от несчастий, дает ему сверхъестественные способности, отражает злые чары. Арабы подобные предметы характеризовали словом, которое в переводе означало «носить», а к нам перешло как «талисман».

Первые документальные сведения о пушкинском сердоликовом обереге принадлежат поэту Василию Андреевичу Жуковскому. В письме литератору-любителю Сергею Михайловичу Соковнину, своему другу, 20 июля 1837 г. Жуковский сделал приписку: «печать моя есть так называемый талисман; надпись арабская, что значит – не знаю. Это Пушкина перстень, им воспетый и снятый мною с мертвой руки его».

О том, что Пушкин относился к сердоликовому амулету с необыкновенной серьезностью, свидетельствуют, например, такие строки первого пушкинского биографа Павла Васильевича Анненкова в его «Материалах к биографии А.С. Пушкина» (1855 год): «Пушкин, по известной склонности своей к суеверию, соединял даже талант свой с участью перстня, испещренного какими-то кабалистическими знаками и бережно хранимого им».

Описание загадочного талисмана оставил нам один из посетителей первой пушкинской выставки 1880 года. Описание было напечатано в 1899 г. в газете «Лодзинский листок»: «Этот перстень – крупное золотое кольцо витой формы с большим камнем красноватого цвета и вырезанной на нем восточной надписью. Такие камни со стихом Корана или мусульманской молитвы и теперь встречаются на Востоке».

В своем библиографическом очерке мы предприняли попытку проследить биографию пушкинского перстня до самых ее истоков. Наше небольшое литературно-краеведческое «расследование», основанное на многих твердо установленных фактах и мнениях авторитетных пушкинистов, позволит вам, уважаемый читатель, выйти на евпаторийский след драгоценного талисмана и познакомиться с его первым владельцем – видным караимом, евпаторийским городским головой Хаджи-ага Бобовичем...

Кому неведом прекрасный портрет Пушкина кисти известного русского живописца Василия Андреевича Тропинина, написанный в 1827 г., за десять лет до трагической гибели поэта? Художник по совету друзей Пушкина изобразил его в домашнем халате, ворот рубашки охвачен шейным платком, непокорные волосы не стеснены прической. Таким Пушкин был дома, когда работал.

На правой руке поэта, на большом пальце, виден перстень с каким-то темным камнем (возможно, изумруд), а на указательном пальце – золотое кольцо. Есть мнение, что это и есть сердоликовая печатка, только повернутая камнем внутрь, подальше от посторонних глаз...

Если же внимательно рассмотреть первый посмертный портрет Пушкина, выполненный шведским художником Карлом Мазером в 1839 г., то мы увидим сердоликовый перстень на большом пальце левой руки. Портрет был сделан по заказу и при активном содействии друга Пушкина – Павла Воиновича Нащокина, который тщательно проследил за соответствием бытовых деталей.

Именно этому перстню с сердоликом Пушкин придавал особое значение, ибо кольцо было подарено ему графиней Елизаветой Воронцовой, в которую поэт был влюблен во время своей ссылки в Одессу. Перстень же попал в руки Воронцовой... из Евпатории: он был привезен в Одессу евпаторийским градоначальником Симой Соломоновичем Бабовичем (другой вариант фамилии – Бобович), представителем знатного караимского рода.

Для того чтобы уяснить запутанную историю этого драгоценного подарка, познакомимся сначала с четой Воронцовых.

Михаил Семенович Воронцов (1782 – 1856) – российский государственный деятель, участник Отечественной войны 1812 года, почетный член Императорской Санкт-Петербургской Академии наук. Граф, а с 1845 г. – светлейший князь. В 1823 – 1844 гг. – новороссийский и бессарабский генерал-губернатор. Одесса обязана Воронцову небывалым расширением своего торгового значения и увеличением благосостояния. Благодаря деятельному губернатору расцвела одна из важнейших от-

раслей новороссийской промышленности – разведение тонкорунных овец. В Крыму при нем было усовершенствовано и бурно развивалось виноделие, умножились разные виды хлебных и других полезных растений, производились первые опыты в области лесоводства, устроено превосходное шоссе, окаймляющее южный берег полуострова, получило начало пароходство по Черному морю. В Алушке граф построил великолепный дворец, известный сегодня под именем Воронцовского.

Его супруга Елизавета Ксаверьевна Воронцова (1792 – 1880) была полячкой по отцу (урожденная графиня Браницкая) и русская по матери (ее мать – урожденная Энгельгардт, племянница светлейшего князя Потемкина-Таврического). Браницким, одному из самых знатных и богатых польских аристократических семейств, принадлежали десятки крупных поместий на Правобережной Украине, а их «столицей» была Белая Церковь.

Замуж за графа Елизавета Ксаверьевна вышла в 1819 г., в возрасте 27 лет.

19 мая 1823 г. Михаил Воронцов был назначен новороссийским генерал-губернатором и полномочным наместником Бессарабской области. А осенью этого же года городской голова Евпатории Сима Бабович принял поездку в Одессу с ответственной миссией – представиться новому генерал-губернатору.

Сима Соломонович Бабович (Хаджи-ага Сима Бабович, Симха бен Шеломо Бабович) родился в 1788 или в 1790 г., умер в 1855-м. Он был состоятельным купцом и просвещенным человеком, филантропом и благотворителем. С его именем связано сооружение кафедральной кенасы в Евпатории, реставрация ханского дворца в Бахчисарае, издание караимской литературы, ведение образцовых садовых хозяйств в Крыму. Представляя интересы караимов, Бабович встречался с русскими государями, крупными чиновниками, поддерживал отношения с высшим духовенством христиан и мусульман. С кавалерийским взводом караимов-джигитов сопровождал императора Николая I в Бахчисарай и Джуфт-Кале. В середине 1820-х гг. он возглавлял Евпаторию. В 1837 или 1839 г.

Бабович был избран официальным гахамом (духовным главой) крымских караимов в России.

В Евпатории Бабовичу принадлежала усадьба «Ганн-Яфа» («Прекрасный сад») – каменный двухэтажный особняк в восточном стиле. В этом доме, который сохранился и по сей день, останавливались российский император Александр I и великий польский поэт Адам Мицкевич.

По прибытии в Одессу Хаджи-ага Бобович вручил Воронцову, в числе прочих подарков, два старинных золотых кольца с резными восьмиугольными сердоликами. Одно из них предназначалось графу, другое – его супруге. Изготовлены перстни были в знаменитом караимском городе-крепости Чуфут-Кале. Однако граф остался к этим ювелирным изделиям равнодушным и передарил их Елизавете Ксаверьевне.

Конечно, все могло быть и немного иначе. Возможно, евпаторийский градоначальник преподнес оба перстня лично графине, что и дало ей впоследствии право распоряжаться ими по своему усмотрению, без ведома все-сильного мужа...

С этого момента сердоликовая печатка начала новую жизнь. Никто, в том числе и ее прекрасная владелица, не мог бы предугадать дальнейшую удивительную судьбу евпаторийского подарка...

В июне 1823 г. 24-летний Пушкин, находившийся в своей второй южной ссылке, был переведен из Кишинева в Одессу, где и прожил до августа 1824 г., числясь на службе в канцелярии графа Воронцова.

6 сентября 1823 г. в город приехала Елизавета Ксаверьевна. Вскоре состоялось знакомство с нею Пушкина.

«Ей было уже за тридцать лет, – вспоминает сотрудник Воронцова Филипп Вигель, чиновник, получивший со временем известность как мемуарист, – а она имела все право казаться самою молоденькою... с врожденным польским легкомыслием и кокетством желала она нравиться, и никто лучше ее в том не успевал. Молода была она душою, молода и наружностью. В ней не было того, что называют красотою; но быстрый, нежный взгляд ее миленьких небольших глаз пронзал насквозь;

улыбка ее уст, которой подобной я не видал, казалось, так и призывает поцелуи».

Вторит Вигелю и писатель Владимир Александрович Соллогуб, знавший Воронцову, когда ей было уже около шестидесяти: «Небольшого роста, тучная, с чертами несколько крупными и неправильными, княгиня Елизавета Ксаверьевна была тем не менее одной из привлекательнейших женщин своего времени. Все ее существо было проникнуто такою мягкою, очаровательною, женственною грацией, такой приветливостью, таким неукоснительным щегольством, что легко себе объяснить, как такие люди, как Пушкин, герой 1812 года Раевский и многие, многие другие, без памяти влюблялись в княгиню Воронцову».

Зимой 1823-24 гг. Одесса жила полной светской жизнью. 12 декабря у Воронцовых – большой бал, 25 декабря – большой обед, 31 декабря – маскарад, 6 января – маскарад у Ланжеронов, 13 ноября – публичный благотворительный маскарад, устроенный Воронцовой и Ольгой Нарышкиной, 12 февраля – второй маскарад у Воронцовых. Пушкин бывал, вероятно, на всех этих вечерах. Постоянно его можно было видеть и в доме Воронцовых, среди гостей графини (она и ее муж принимали гостей каждый у себя), ежедневно обедал у них – «в столовой к обеду сходились вместе».

Пушкин, по словам его брата Льва, нравился женщинам: «он бывал с ними необыкновенно увлекателен и внушил не одну страсть на веку своем. Когда он кокетничал с женщиною или когда был действительно ею занят, разговор его становился необыкновенно заманчив. Должно заметить, что редко можно встретить человека, который объяснялся так вяло и так несносно, как Пушкин, когда предмет разговора не занимал его. Но он становился блестяще красноречив, когда дело шло о чем-нибудь близком его душе. Тогда-то он являлся поэтом, и гораздо более вдохновенным, чем во всех своих сочинениях. О поэзии и литературе Пушкин говорить вообще не любил, а с женщинами никогда и не касался до сего предмета. Многие из них... и не подозревали в нем поэта...».

В Одессе Пушкин создал первые главы «Евгения Онегина», и на полях его рукописи все чаще стали появляться наброски портретов графини Воронцовой. Между нею и Пушкиным возникло, по мнению многих исследователей, обоюдное пылкое чувство... И это не укрылось от внимания графа. Отношения ссыльного поэта и могущественного генерал-губернатора начали стремительно портиться...

Пушкин собирался отметить свое 25-летие в Одессе в кругу одесских друзей. Но его планы были нарушены предписанием Воронцова, отправляющего поэта в середине мая 1824-го в поездку по Херсонскому, Елизаветградскому и Александровскому уездам для сбора сведений о местах наибольшего скопления саранчи. Однако ни в Херсон, ни в другие предписанные ему города Пушкин не поехал. Он отпраздновал свой юбилей в имении своего знакомого Льва Добровольского, предводителя елизаветградского дворянства. Там вслух была зачитана друзьям первая глава «Евгения Онегина».

Вернувшись в Одессу, Пушкин представил насмешливый отчет о командировке, чем вызвал недовольство генерал-губернатора. Воронцов просил министерство иностранных дел подыскать строптивому подчиненному другое место службы.

14 июня 1824 г. Воронцов в сопровождении жены и высшего одесского общества отправился в Гурзуф, где у него была дача. Пушкин приглашения не получил. Он был демонстративно оставлен в Одессе — дожидаться распоряжений министерства иностранных дел о его судьбе. 24 июля Елизавета Ксаверьевна вернулась в Одессу одна — гости остались в Крыму. А муж ее поехал в служебную командировку. Теперь никто и ничто не мешало влюбленным встречаться, и в самый разгар любовного романа из столицы пришло предписание: 30 июля Пушкину надлежало немедленно выехать в свое имение Михайловское.

Прощаясь, Воронцова подарила Пушкину на память свой портрет в золотом медальоне, а затем достала из шкатулки два одинаковых перстня с сердоликом. Один

надела на палец себе, другой – Пушкину. Ее просьба, а может быть, невысказанное напутствие отозвалось в стихах поэта спустя несколько лет:

...Сохрани мой талисман:

В нем таинственная сила!

Он тебе любовью дан.

Пушкин очень дорожил этим перстнем и практически никогда не снимал его с пальца. Таинственную надпись, вырезанную на камне, он ошибочно считал цитатой из Корана. Расшифровать ее удалось лишь в 1880-х гг., спустя почти полстолетия после гибели Пушкина. Переводчиками и интерпретаторами в разное время выступили профессор Даниил Авраамович Хвольсон – один из основателей российской иудаики, московский старший раввин Зелик (Соломон Алексеевич) Минор, российский востоковед и гебраист Авраам Яковлевич Гаркави. Оказалось, что надпись сделана на древнееврейском языке. Ее буквальный перевод таков «Симха Бен Р. Иосиф старый п. б.», что означает: «Симха, сын честного господина Иосифа старца, да будет благословенна его память» (пер. А.Я. Гаркави).

Графика букв и особый орнамент – две розетки, а между ними фигура из волнистых линий и кружков – говорят о караимском происхождении пушкинского амулета. Это подтверждает гипотезу о том, что и перстень, и надпись были сделаны в Крыму, в конце 18 или начале 20 столетия; а сам сердолик, возможно, местный или малоазиатский. Талисман оказался не чем иным, как простой именной печатью...

Эта, казалось бы, ничем не примечательная надпись о давно умершем Симхе и стала тайным паролем в переписке Пушкина и Воронцовой. Сестра поэта Ольга Сергеевна Павлицева рассказывала первому биографу Пушкина Анненкову, что в 1824 году, примерно через месяц после приезда Пушкина в Михайловское, он получал письма из Одессы с печатью, украшенной точно такими же «кабалистическими знаками», которые находились и на его перстне. Получив такое письмо, он запирался у себя, никуда не выходил и никого не принимал. На конвер-

те в качестве отправителя одесских писем фигурировал кто-то другой. И лишь знакомая печатка сразу давала понять адресату, от кого письмо.

По словам Анненкова, Пушкин вообще старался нигде и никогда не упоминать о Елизавете Воронцовой, как бы желая сохранить для одного себя тайну этой любви. Письма от графини он по ее просьбе все уничтожил. Но его рукописи на протяжении многих лет пестрели многочисленными профилями прекрасной женской головы спокойного, благородного, величавого типа...

Именно к декабрю 1924-го или январю 1925 г. относится стихотворение «Сожженное письмо»:

*Прощай, письмо любви! прощай: она велела.
Как долго медлил я! как долго не хотела
Рука предать огню все радости мои!..
Но полно, час настал. Гори, письмо любви.
Готов я; ничему душа моя не внемлет.
Уж пламя жадное листы твои приемлет...
Минуто!.. вспыхнули! пылают – легкий дым,
Виясь, теряется с молением моим,
Уж перстня верного утратя впечатление,
Растопленный сургуч кипит... О провиденье!
Свершилось! Темные свернулись листы;
На легком пепле их заветные черты
Белеют... Грудь моя стеснилась. Пепел милый,
Отрада бедная в судьбе моей унылой,
Останься век со мной на горестной груди...*

Для такой секретности имелась и еще одна важная причина: вскоре после отъезда поэта из Одессы оказалось, что Воронцова беременна. Видимо, это событие обсуждалось между ними в довольно оживленной переписке. 3 апреля 1825 г. графиня родила дочь Софью – брюнетку, более похожую на Пушкина, чем на блондина Воронцова. Кстати, сам поэт считал ее своей дочерью. Граф признал девочку своей лишь спустя много лет.

В начале ноября 1827 г. Пушкин вновь встречается Воронцову, уже в Петербурге. Этой встречей навеяно романтическое, с восточным и даже, пожалуй, с крымским колоритом стихотворение «Талисман», сочиненное

поэтом 6 числа, ночью. Стихотворение проникнуто любовью, в нем точно указана география событий и ряд других обстоятельств, связанных с пребыванием Пушкина на юге. Под одним дошедшим до нас черновиком этого стихотворения поэт поставил пять сургучных оттисков сердоликовой печати.

Бесценным перстнем Пушкин запечатывал многие письма, отпечатки резного сердолика встречаются на полях различных пушкинских рукописей. Поэт нередко рисовал свой перстень. Он, кажется, верил, что не будь у него этого таинственного оберега, ослабел бы его дивный стихотворный дар. Поэтому и носил перстень не снимая.

Во время роковой дуэли 1837 года подарок прекрасной графини был с ним, однако не смог защитить своего обладателя от смертельного ранения – в полном согласии со словами ласковой волшебницы из пушкинского стихотворения «Талисман»:

*От недуга, от могилы,
В бурю, в грозный ураган,
Головы твоей, мой милый,
Не спасет мой талисман...*

После смерти Пушкина сердоликовый перстень перешел к поэту Василию Андреевичу Жуковскому, которого Пушкин считал своим поэтическим наставником и другом. Жуковский был очарован перстнем, носил его постоянно на среднем пальце правой руки рядом с обручальным кольцом. Как мы уже знаем, он тоже был уверен в арабском происхождении резной надписи, о чем и сообщил в письме своему другу С.М. Соковнину.

В 1870-х гг. сын Жуковского, художник Павел Жуковский, передал перстень Ивану Сергеевичу Тургеневу. Не подарил, а именно передал, ибо после смерти писателя пытался через суд получить перстень обратно...

Сохранились запечатанные пушкинским сердоликом тургеневские письма. Тургенев писал: «Я очень горжусь обладанием пушкинского перстня и придаю ему так же, как и Пушкин, большое значение. После моей смерти я бы желал, чтобы этот перстень был передан графу Льву Николаевичу Толстому... Когда настанет и "его час",

гр. Толстой передал бы мой перстень по своему выбору достойнейшему последователю пушкинских традиций между новейшими писателями».

В 1878 г. Тургенев ездил в Англию и брал с собой перстень, чтоб просить какого-то знаменитого ориенталиста разъяснить таинственную надпись.

С 1880 г. перстень хранился в специальном футляре, сделанном для знаменитой петербургской пушкинской выставки, приуроченной к открытию московского памятника Пушкину. Это была первая в истории русской культуры публичная выставка пушкинских реликвий, находившихся в семейных собраниях, в частных картинных галереях и библиотеках, в домашних музеях, в музеях закрытых учебных заведений, а также в малодоступных государственных учреждениях. Выставка работала четыре дня в июне 1880 года. На ней экспонировался и знаменитый сердоликовый талисман.

Тургенев все свое состояние завещал той, которую горячо любил, – известной французской певице Полине Виардо. Она в 1887 г. подарила перстень от своего имени Пушкинскому музею Александровского лицея – как национальную драгоценность. Но из этого музея бесценная реликвия была украдена в марте 1917 года. В собрании нынешнего музея А.С. Пушкина сегодня можно увидеть лишь сиротливый сафьяновый футляр, слепки сердоликового перстня и его отпечатки на воске и сургуче, а также записку Тургенева, объясняющую, откуда у него появился перстень. След похищенного талисмана утерян...

Что же до талисмана-близнеца, принадлежавшего Воронцовой, то известно, что она хранила его до конца своих дней. Елизавета Ксаверьевна умерла 15 апреля 1880 г. в Одессе, пережив на сорок три года своего поэта... Перстень, по всей видимости, перешел по наследству к сыну Семену – ни мужа, ни других ее детей к тому времени уже не было в живых. Как распорядился перстнем Семен Воронцов, сведений нет. Умер он бездетным.

И хотя дальнейшая судьба обеих сердоликовых реликвий до сих пор неизвестна, память о них сохранится навечно в русской поэзии. Кроме стихотворений «Со-

жженное письмо» и «Талисман», подарок Воронцовой мы встречаем и в других произведениях поэта.

В черновых набросках Пушкина сохранилось незаконченное стихотворение, которое он написал в конце 1825 г., находясь в ссылке в Михайловском:

*В пещере тайной, в день гоненья,
Читал я сладостный Коран,
Внезапно ангел утешенья,
Влетев, принес мне талисман.*

Его таинственная сила

.....

*Слова святыя начертила
На нем безвестная рука.*

В стихотворении точно указано, что талисман он получил «в день гоненья», когда узнал, что одну ссылку заменили другой.

«Отпечаток» перстня, свидетеля и залога романтической любви великого поэта, мы находим и в таком шедевре пушкинской лирики, как «Храни меня, мой талисман...». Стихотворение написано, предположительно, в августе 1824 – первой половине 1825 года. В нем тоже есть слово «гоненье»; а обращаясь к талисману, Пушкин произносит: «Ты в день печали был мне дан».

***Довгопол Эвелина Александровна
Рук. – Гавриленко Марина Николаевна
г. Севастополь***

По следам подвига

Изучение истории 365-й зенитной батареи мы начали по заданию школьного краеведческого музея. Нашу школу связывают с батареей многие мероприятия. Ежегодно в лесном массиве недалеко от батареи проводится школьный туристский слет. На протяжении многих лет 13 июня, в день гибели батареи, обучающиеся нашей школы, отдыхающие в «Летней школе «Зодиак», проводят здесь Митинг памяти. Наши учащиеся – активные участники экологических десантов, посадки деревьев и кустарников.

Мы приглашали в школу командира поискового отряда «Память» Запорожко Александра Павловича. Он рассказал нам о результатах 20-летней поисковой работы на территории батареи, в результате которой были обнаружены останки 64 зенитчиков, установлены имена многих из них. С помощью Александра Павловича составлен текст экскурсии по территории батареи, которую для своих сверстников проводят юные экскурсоводы школы. Именно тогда и возникла мысль продолжить изучение боевого пути батареи, создать исследовательскую работу, которая познакомила бы школьников Севастополя с яркой страницей второй обороны Севастополя и Великой Отечественной войны – подвигом 365-й зенитной батареи.

Актуальность темы работы подтверждается огромным вниманием общественности к истории 365-й зенитной батареи, массовое посещение жителями и гостями города места ее дислокации. Например, обучающиеся разных школ Севастополя ежегодно проводят на батарее общегородской Поход Памяти. Изучаемая тема актуальна еще и потому, что существует опасность уничтожения этого памятного исторического места в ходе индивидуального строительства. Мы понимаем, такое отношение к «Высоте Героев» недопустимо и является предательством по отношению к героям, отдавшим свои жизни за Отечество. По сути, это – уничтожение истории России. Мы уверены, что легендарная батарея заслуживает внимания, сохранения и поклонения ныне живущего поколения.

Изучая историческую литературу, которая была посвящена событиям Героической обороны Севастополя, мы в первую очередь обратились к воспоминаниям командира 365-й зенитной батареи – Николая Андреевича Воробьева и к книгам ветерана Великой Отечественной войны, участника героической обороны Севастополя Е.А. Игнатовича. Так мы узнали историю создания и боевого пути батареи. Она познакомила нас с событиями, которые предшествовали обороне Севастополя.

Батарея № 365 была сформирована в Севастополе 1 июля 1941 года и входила в состав 114-го зенитного дивизиона.

8 июля 1941 года командование батареей принял младший лейтенант Николай Андреевич Воробьев. 30 октября началась Героическая оборона Севастополя. Местом дислокации для батареи была определена высота с отметкой 60,0 недалеко от железнодорожной станции «Мекензиевы горы».

Выбор этой высоты для батареи, как мы выяснили в ходе полевых исследований местности, был обязан тому, что она господствовала над стратегическими объектами — железнодорожной станцией «Мекензиевы горы», железной и автомобильной дорогой, прилегающей местностью.

Ночью, не зажигая огней, с большими предосторожностями батарейцы устанавливали зенитки, монтировали «ПУАЗО-1» (прибор управления зенитным огнем), укрепляли в двориках орудийные тумбы, накатывали стволы и загружали боезапас. К утру 1 ноября батарея была приведена в полную боевую готовность. Об этом мы узнали из книги самого Н.А. Воробьева.

Орудия замаскировали, так как высота хорошо просматривалась, и расположение зениток могла легко определить авиация противника. На вооружении 365-й батареи стояли устаревшие зенитные пушки системы «Лендера» образца 1915–1928 гг. калибра 76,2 мм. Но сноровка, быстрота и точность комендоров батареи были доведены до такого автоматизма, что немецкое командование считало батарею вооруженной новейшими автоматическими зенитными орудиями. По состоянию на 1 ноября 1941 года батарея представляла собой бетонированный командный пункт (далее — КП) с открытым дальномером, вокруг которого располагались 3 каменных блиндажа и 4 открытых круглых дворики для зенитных орудий. Позиция была обнесена проволочным и минным заграждением. Вокруг батареи были разбросаны полевые опорные точки, 20 пулеметных и снайперских гнезд, а также 4 пулеметных ДОТа.

До 5 ноября линия фронта пролегла в 20 километрах от батареи. На таком расстоянии подлететь к батарее незамеченным было практически невозможно, а так как кратчайший маршрут подлета вражеской авиации к Се-

востополю лежал через позицию батареи, ей приходилось открывать огонь практически каждый день. Немецкое командование, принимая видимые на фотографиях аэрофотосъемки дореволюционные земляные укрепления за мощные оборонительные сооружения, присвоило позициям 365-й батареи кодовое название «Форт Сталин», под которым она и известна в западной историографии.

Мы неоднократно бывали на позиции батареи. Нам удалось определить места нахождения оружейных дворишков, командного пункта, блиндажей. Поисковые работы подтвердили расположение фортификационных сооружений.

Батарея отлично показала себя в отражении второго штурма Севастополя. Немецкое наступление началось 17 декабря 1941 года. Бои сразу же приобрели ожесточенный характер. Нас особенно заинтересовали высказывания противника об этих боях. Вот несколько выдержек из боевых донесений 22-й пехотной дивизии Вермахта, наступавшей в 4-м секторе обороны Севастополя, где находилась 365-я батарея: «...Чтобы подавить огонь ДО-Та, находившегося северо-восточнее «Форта Сталин», который сопротивлялся 2 дня в условиях полного окружения, пришлось одного за другим уничтожить всех его защитников...»; «...Русские пленные, захваченные легкоранеными, часто разоряют конвоиров и с трофейным оружием возобновляют сопротивление в ближайшем тылу немецких войск...».

27 декабря 1941 года немецкие войска заняли важную стратегическую точку – железнодорожную станцию «Мекензиевы горы». С этого момента батарее обстреливала не только артиллерия, но и минометы, а немецкие корректировщики с ближайших высот стали точнее корректировать огонь.

Упорное сопротивление 365-й батареи не осталась незамеченным немецким командованием. Командующий 11-й немецкой армией фельдмаршал Эрих фон Манштейн в своих мемуарах «Утерянные победы» вспоминал: «В боях за упорно обороняемые противником долговременные сооружения войска несли большие потери...

острие наступающего клина приблизилось к «Форту Сталин», взятие которого означало бы, по крайней мере, овладение господствующим над бухтой Северной НП [наблюдательным пунктом] для нашей артиллерии».

28 декабря радиоразведка Приморской армии, оборонявшей Севастополь, перехватила немецкий приказ, переданный в эфир открытым текстом: «Ударом с воздуха и с земли уничтожить батарею противника на отметке 60,0». Далее последовал еще один приказ: «Вечером роты сосредоточить в районе Мекензиевых гор. Никакого отдыха. Только небольшие группы. Задача будет очень трудной».

Мы узнали интересный факт, что атаковавшие батарею фашисты были одеты в легкие френчи. Командование запретило выдавать теплую одежду, пока «Форт Сталин» не будет взят.

30 декабря усилия немецких артиллеристов увенчались успехом: два крупнокалиберных снаряда почти одновременно попали в орудийные дворики батареи, в результате чего два ее расчета погибли полностью. Удалось выжить лишь командиру одного из орудий – сержанту Ивану Стрельцову, находившемуся в это время на КП. Его зенитка получила повреждение – был пробит ствол.

Когда положение оборонявшихся стало критическим, Николай Воробьев вызвал огонь на себя. Огонь соседних батарей отогнал немцев. Особое ожесточение приняли бои 31 декабря, когда немецкое командование решило любой ценой захватить батарею. К концу этого последнего дня 1941 года на территории батареи было убито и ранено более 300 немцев. В общей сложности по высоте 60,0 севастопольскими орудиями в этот день было выпущено 854 снаряда. За проявленный героизм командиру батареи Николаю Андреевичу Воробьеву было присвоено звание Героя Советского Союза.

Свой последний бой «Форт Сталин» принял без старшего лейтенанта Воробьева. 7 июня 1942 года он был тяжело ранен в голову и эвакуирован в Новороссийск. А 8 июня командование принял лейтенант Е. М. Матвеев, но ненадолго: 9 июня во время боя прямым попаданием

снаряда было разрушено перекрытие, под которым он находился.

Когда лейтенанта извлекли из завала, он ничего не слышал и очень плохо видел. Санинструктор Пономаренко перочинным ножом без наркоза ампутировал командиру руку из-за опасности гангрены. Ефим Матвеев был отправлен в тыл.

10 июня командование батареей принял старший лейтенант И.С. Пьянзин, прибывший на высоту вместе с двумя матросами. Бои не прекращались ни на один час. Немцы упорно рвались к Севастопольской бухте.

13 июня 1942 года настал последний день 365-й зенитной батареи. Начиная с 3:00 она подвергалась массированным атакам пехоты и бронетехники противника. Командир батареи старший лейтенант И.С. Пьянзин лично подбил три вражеских танка и уничтожил до взвода гитлеровцев. К полудню все орудия батареи вышли из строя, однако защитники батареи продолжали вести неравный бой.

Об их героизме говорит содержание последних телефонных переговоров И. С. Пьянзина с командованием:

«12–03. – Нас забрасывают гранатами, много танков, прощайте, товарищи, встречайте победу без нас!»;

«13–07. – Ведем борьбу за ДЗОТы, только драться некому, все переранены!»;

«16–10. – Биться нечем и нечем, открывайте огонь по компункту, тут много немцев!

– Не спешишь, Иван?

– Нет, – открывайте огонь, немедленно... Вызываю огонь на себя!»

Изучая подробно историю батареи, мы были потрясены героизмом каждого батарейца. И если имена Героев Советского Союза Ивана Пьянзина, Николая Воробьева хорошо известны в нашем городе, то имена и подвиги других батарейцев требуют дополнительного внимания. К примеру, героически сражался краснофлотец Петр Липовенко, которому удалось выйти живым с позиции 365-й. Свой последний бой он принял на соседней 366-й батарее. Оставшись в живых один, боец про-

должал стрелять из зенитной пушки по противнику. Окружив храбреца, фашисты закололи его штыками.

Из воспоминаний оставшихся в живых батарейцев мы узнали о самых последних часах боев за батарею. Когда немцы уже занимали позиции батареи и собирали своих убитых, из-под разрушенного блиндажа открыл огонь чудом уцелевший расчет пулемета. Руины блиндажа были забросаны гранатами, и немцы решили, что добились всех. Но ночью из-под обломков выбрались командир отделения Иван Шелег и краснофлотцы Михайлов, Марченко, Ванюшенко. Им удалось ползком пробраться к своим, а спустя сутки бойцы одного из наблюдательных постов нашли и вынесли с батареи окровавленного, но еще живого сержанта Ивана Стрельцова.

Участвуя в обороне Севастополя в течение 213 дней, 365-я зенитная батарея сбила 5 самолетов противника, подбила 7 танков, отбила пятнадцать вражеских атак. Почти все батарейцы пали смертью храбрых. Из личного состава батареи трое – два ее командира, старшие лейтенанты Воробьев и Пьянзин, а также краснофлотец Петр Липовенко – получили звание Героя Советского Союза. Двое последних – посмертно. 365-я зенитная батарея является единственной за всю военную историю батарей, воспитавшей трех Героев Советского Союза!

Более двадцати лет на позиции батареи ведут работу поисковые отряды Региональной общественной организации «Долг» под руководством командира отряда «Память», известного в Севастополе краеведа, поисковика с сорокалетним стажем Запорожко Александра Павловича.

Судьба одного из героев обороны, бойца легендарной зенитной батареи на Мекензиевых горах, стала известна всего несколько лет назад.

18 октября 2016 года во время укладки электрического кабеля были обнаружены останки трех бойцов. На месте находки поисковики отряда «Память» подняли из земли фрагменты металлической печки, ящика с инструментами (скорее всего для обслуживания и ремонта орудий), ложки, котелка. Но главной находкой стала обнаруженная медаль «За боевые заслуги», по номеру кото-

рой было установлено имя награжденного – Пономаренко Степан Филиппович. Это был тот самый старшина санинструктор, который спас жизнь командиру Матвееву. А награжден был Степан Филиппович, как стало известно из архивной справки, за то, что «в декабрьские бои вынес из-под огня 13 человек раненых своих товарищей и оказал им соответствующую медицинскую помощь». Находка была обнаружена за несколько дней до 75-й годовщины со дня начала Героической обороны Севастополя. Может быть, это было напоминание нам, ныне живущим, что еще не время забывать о событиях и героях Великой Отечественной войны и стирать с лица Земли такие места, как позиция зенитной батареи № 365.

Мы не зря затронули вопрос сохранения исторических мест нашего города. К сожалению, и сегодня батарея продолжает сражаться. Только уже не с фашистами, а с равнодушием и черствостью современных граждан.

На батарею наступает частное строительство, идет вырубка леса, сбрасывается бытовой мусор. Всеми усилиями мы стараемся сохранить батарею и отвоевать ее у таких «благодарных потомков».

В 2018 году нашему руководителю, Гавриленко Марине Николаевне, удалось добиться присвоения 365-й зенитной батарее статуса «вновь выявленного объекта культурного наследия». В адрес Правительства Севастополя мы выступили с предложением о создании на позиции батареи Мемориального комплекса «Высота Героев». Кстати, в 2000 году именно по инициативе наших поисковиков решением Городского Совета депутатов высота 60.0 получила имя «Высота Героев».

Большой интерес к истории батарее проявило Правительство Ямало-Ненецкого автономного округа. Благодаря материальной поддержке Губернатора ЯНАО на братских могилах у подножия памятника батареям заменены мемориальные доски, установлены QR-коды с информацией об истории батареи. На позиции батареи прошли мероприятия Международных акций «Знамя Победы» и «Наша история – наша Победа».

В 2020 году инициативная группа наших учащихся представила свой социальный проект «Высота Героев» на Всероссийский конкурс «Добро не уходит на каникулы!». Проект стал Победителем конкурса, и мы получили Грант для его реализации.

Мы продолжаем инициативу наших предшественников. Мы неоднократно размещали в средствах массовой информации материалы о батарее, давали интервью на телевидении. А совсем недавно, в ноябре 2020 года, по нашему предложению одна из улиц Северной стороны получила имя комиссара батареи – Ивана Уварова.

Вокруг нас сплотилось много людей. В благоустройстве батареи нам помогают родители учащихся, местные жители, казаки Нахимовской Терской сотни, депутаты Нахимовского муниципалитета, активисты-общественники Севастополя.

13 июня 2020 года исполнилось 78 лет со дня героической гибели батареи, защищавшей Севастополь в период второй обороны, вызвавшей огонь советской артиллерии на себя и героически погибшей. И наш долг – сохранить память о героях-батарейцах, провести своих сверстников по следам подвига и рассказать о нем следующим поколениям.

У войны не женское лицо...

У войны, как известно, не женское лицо, хотя слово «война» и женского рода. Женщина дает начало новой человеческой жизни – именно в этом и состоит ее высокое призвание. Женщина – хранительница домашнего очага. Но в годы военного лихолетья, когда смертельная опасность нависла над ее детьми, родной землей, она смело встала на их защиту.

Немало женщин сражалось на оборонительных рубежах Севастополя с оружием в руках. Имена трех из них: снайпера Людмилы Павличенко разведчицы Марии Байды, пулеметчицы Нины Ониловой – среди пятидесяти четырех Героев Советского Союза выбиты на гранитной плите у Вечного огня на главной площади города-героя Севастополя.

Имена этих героинь хорошо известны в истории Великой Отечественной войны. А сколько их, молодых, красивых, смелых до отчаяния, нежных и беззащитных, осталось за страницами книг и учебников? В период Великой Отечественной войны в армии служили 800 тысяч женщин, а просились на фронт еще больше. За заслуги в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны свыше 150 тысяч женщин были награждены боевыми орденами и медалями...

Многие ученики нашей школы живут на улице имени Аллы Оношко. Улица расположена в микрорайоне школы. Во время экскурсии для ребят начальной школы в нашем Школьном краеведческом музее «Наследие» мы убедились, что многие даже не знают, почему улица носит такое название. Мы стали собирать материал об Алле Оношко. Работали в архивах города, писали письма в Гуляйполе, родной город Аллы, даже нашли старожилов Севастополя, имеющих прямое отношение к истории жизни и гибели этой девушки. Все собранные материалы: воспоминания мамы Аллы, Марины Степановны, фотографии из семейного архива, письмо Аллы с фронта, архивные документы – теперь находятся в нашем школьном музее. А на улице имени Аллы Оношко появился памятный знак, сделанный руками мальчишек из школьного поискового отряда «Память», командиром которого является Александр Павлович Запорожко, известный в Севастополе поисковик, краевед, автор книг о Великой Отечественной войне.

Алла не дожила несколько дней до своего двадцатилетия. Умная, красивая девушка, дочь актрисы театра, она могла бы прожить долгую, счастливую жизнь: мама Аллы имела возможность эвакуироваться с дочерью в глубокий тыл. Но обе женщины остались на фронте для обучения в школе военной разведки штаба Приморской армии.

Родным Алла писала: «Мы живем замечательно. Настроение очень хорошее, бодрое. Да иначе и быть не может. Ведь вы знаете, что быть в Красной армии всегда было моим желанием».

11 апреля 1944 г., выполняя разведывательное задание штаба Приморской армии, Алла совершает прыжок с парашютом в районе села Гончарное, что вблизи Севастополя. Сильный порыв ветра, которые часто случаются в горах Крыма, бросает парашютистку на острые скалы... Утром следующего дня погибшую Аллу найдут местные жители и захоронят на окраине села. До освобождения Севастополя от фашистов оставалось меньше месяца...

Судьба так распорядилась, что на улице имени Аллы Оношко в доме № 15 проживала Кадыкова Валентина Георгиевна (умерла в 2016 году). И когда учащиеся нашей школы, поисковики отряда «Память», вместе с командиром отряда Запорожко Александром Павловичем решили установить на улице памятный знак, она, как и многие жители улицы, вышла из дома, заинтересовавшись работой ребят. Из рассказа Валентины Георгиевны мы узнали, что четырнадцатилетней девочкой она была среди тех людей, которые хоронили Аллу в 1944 году. А через два года помогала матери перезахоронить дочь на «Кладбище Коммунаров» в Севастополе. Вот такая удивительная встреча.

В базе данных о безвозвратных потерях Министерства обороны на сайте «Подвиг народа» мы нашли документ о том, что 19 мая 1944 г. Алла Ивановна Оношко была награждена орденом Отечественной войны II степени посмертно. В архивах межшкольного краеведческого музея «Севастопольского центра туризма, краеведения и спорта» мы обнаружили письмо Аллы с фронта домой, датированное 19 февраля 1944 г.

Когда мы рассматриваем фотографии Аллы Оношко, невольно приходит мысль: каких красивых малышей могла бы она родить. А сейчас у нее уже были бы внуки и правнуки...

Сколько юных, красивых женских жизней унесла война – даже подумать страшно!

Материалами нашей поисковой работы заинтересовались работники Государственной телерадиокомпании Севастополя. Созданный режиссером Светланой Сташевской художественно-документальный фильм «Прерван-

ный полет» получил приз на кинофестивале «Победили вместе». А после открытия памятного знака на улице Аллы Оношко, благодаря корреспондентам средств массовой информации, о нашей Алле узнал весь город. В день рождения Аллы Оношко мы посещаем ее могилу на кладбище Коммунаров. Букет весенних цветов – это наша признательность юной героине.

Александр Павлович Запорожко более 40 лет руководит поисковым отрядом «Память». Известный в городе поисковик, краевед, Александр Павлович сам стал живой энциклопедией. Он часто рассказывает учащимся нашей школы о результатах поисковых работ. Поведал он нам и историю следующей героини.

Мария Денисовна Берилова жила в маленьком домике недалеко от Михайловской батареи. Еще девочкой Мария видела и запомнила трагические события 1905 г. – расстрел мятежного крейсера «Очаков».

22 июня 1941 года ворвалась в тихие мирные дома людей Великая Отечественная война. Просто и даже буднично решила свою судьбу Мария Денисовна, найдя свое место в общей беде: продала скудное домашнее имущество и купила на вырученные деньги медикаменты, бинты. Оставила из нажитого лишь коровенку. Молоко относил в госпиталь, раненым, и в столовую – морским летчикам. По городу стали организовывать бригады помощи фронту. Маша вместе с фронтовыми хозяйками Старосеверной балки, склонившись над корытом, стирала воинское обмундирование, белье, бинты. По тревоге не уходила в бомбоубежище: решила, что теряет много времени. Земляные погребки вблизи Михайловского форта стали для женщины укрытием от осколков и пуль.

С 19 июня 1942 г. началась героическая трагедия старого форта. Налетели бомбардировщики. Одновременно в атаку фашистами были брошены три танка, пехота, орудие крупного калибра. Под их натиском разрушались стены, заживо погребая защитников под обвалами.

К вечеру из развороченной стены крепости немцы вывели около ста двадцати израненных, полузадушенных дымом русских солдат. Конвоиры повели их мимо ко-

лодца. Женщины поспешили с водой и хлебом к обессиленным бойцам. Подбежала с кружкой молока и краюхой хлеба и Мария Денисовна. Улучив момент, протянула их перебинтованному моряку, но тут же получила страшный удар фашистского солдата прикладом в спину. С трудом дошла домой. Больше месяца не вставала с кровати, а через некоторое время совсем слегла.

Пенсию Мария Денисовна не получала, так как во время фашистской оккупации ее документы сгорели. После войны восстановить их не удалось. Но Марию Бериллову все же наградили медалью «За оборону Севастополя».

В 1975 г. Марию Денисовну пригласили в городской исполнительный комитет для вручения юбилейной медали «30 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1942 гг.». Прибыть нужно было в зал для конференций на третьем этаже. Видимо, чиновники не знали, что награжденная уже много лет не выходит из дома, лежит... Потрясает их равнодушие и черствость!..

Вспоминая о военных днях, все просила Мария Денисовна раскопать подвалы Михайловской крепости. Все чудились старой женщине крики и стоны бойцов.

Больше года работали поисковики Севастопольского городского объединения поисковых отрядов «Долг» под стенами Михайловской крепости – там, где, по словам Марии Денисовны, сражались защитники Севастополя. Из завалов камня, земли, с трехметровой глубины были извлечены останки 17 советских воинов и торжественно, с воинскими почестями захоронены.

Завершился земной путь простой русской женщины Марии Берилловой на Братском кладбище Северной стороны, рядом с защитниками первой и второй оборон Севастополя...

В нашей школе учился Артем Стародуб. Он часто рассказывал о своей бабушке – Ковалевской Галине Романовне – ветеране Великой Отечественной войны. Каждый год для ветеранов нашего микрорайона в школе проводятся праздничные встречи. Пригласили мы и Галину Романовну. Ее рассказ все слушали, затаив дыхание...

В сентябре 1941 г. Галя Немкова вместе с другими севастопольскими девушками работала в 224-м санитарном батальоне, который базировался в Балаклаве. Война стала для девушек тяжелым испытанием. Санбат с первых дней войны стал им домом. Вот отрывки из воспоминаний командира 13-й роты П. Кузнецова:

«...Телеграфная гора объята пламенем с утра до ночи. Грохот не смолкает ни на минуту. Вокруг смерть, кровь, раненые бойцы... Мне и теперь помнится высокая, стройная и очень добрая девушка Галя Немкова, обслуживавшая нашу палату. Молоденькая, а выхаживала нас, словно мама, умудренная житейским опытом. В минуты отчаяния и неверия в себя она умоляла: "Родные мои, братишки, моряки не сдаются невзгодам. Держитесь!" И мы держались».

Июль 1942-го стал для Севастополя трагическим. Город горел, крошечный ад царил в нем...

Когда колонну военнопленных, где находилась Галина Немкова, вели по городу, то через строй конвоиров к девушке бросилась пожилая женщина с криком: «Моя дочка, отпусти, умоляю тебя!». Солдат прикладом грубо вытолкнул Галину на дорогу. Девушка стремительно побежала, ожидая выстрела в спину.

Затем была тяжелая жизнь в городе под гнетом оккупантов и, наконец, долгожданный день освобождения города – 9 мая 1944 года. С моряком-черноморцем Михаилом Ковалевским она создала семью. Родились две дочки, Лариса и Ольга, сын Сергей. Сергей Ковалевский ныне мичман запаса Черноморского флота. У младшей дочери Галины, Ольги Стародуб, двое сыновей, и оба они – офицеры ВМФ России. Братя, капитан 3 ранга Андрей Стародуб и старший лейтенант Артем Стародуб, достойно служат Отчизне.

После войны однополчане часто встречались в Севастополе. Галина Романовна всегда была окружена вниманием и благодарностью ветеранов войны. Веселая, энергичная, она и сейчас поддерживала их словом и делом...

Совсем недавно хоронили медсестру Галину все жители Северной стороны Севастополя: и однополчане,

и соседи, и все, кто знал эту добрую, неунывающую бабушку Артема Стародуба...

Труженицы тыла... Как много значил их труд для фронта! Ветераны труда старейшего предприятия города, Севастопольского морского завода, рассказали нам историю другой нашей героини.

Чаус Анастасия Кирилловна родилась в деревне Семеновка Сумской области. Голод 1933 года, смерть родных заставили ее покинуть родную деревню. Анастасия добралась до Симферополя и устроилась работать штамповщицей на консервный завод. В начале Великой Отечественной войны завод был эвакуирован в тыл, а Настя перебралась в Севастополь на «Севастопольский морской завод им. Серго Орджоникидзе». Теперь ее умелые руки изготавливали не консервные банки, а гранаты и мины для фронта.

В начале ноября 1941 г. во время налета вражеской авиации 25-летняя девушка была тяжело ранена – потеряла левую руку. Однако от эвакуации категорически отказалась. Выписавшись из госпиталя, вернулась к станку в подземный комбинат № 1, в штольни Троицкой балки, куда были переведены заводские цеха. Много дней Анастасия Чаус заново осваивала свою рабочую специальность и все-таки сумела не только выполнить норму, но и довести выработку до 200-230%. О Чаус говорили: «У Насти такой характер. За счет характера она выжала еще 100%». За трудовой подвиг в феврале 1942 г. Анастасия Чаус была награждена орденом Красной Звезды. После войны она жила в Белоруссии.

Среди экспонатов краеведческого музея нашей школы есть противопехотная мина севастопольского производства. Такие мины изготавливали в последние месяцы обороны города на том самом подземном спецкомбинате № 1. Мину обнаружили поисковики при проведении работ на боевых рубежах Севастополя. Может быть, к корпусу этой мины прикасались и руки мужественной девушки – труженицы Анастасии Чаус...

*Доскаева Эльвина Шевкетовна,
Липовка Даниил Денисович
Рук. – Подорожко Артем Геннадьевич
с. Морское
г. Судак*

Судак славен партизанскими именами. Это и первый почетный гражданин нашего города, командир 4-го отряда Восточного соединения Яков Михайлович Кушнир, и казненный, но не сломленный врагом Смаил Чалаш, командиры Судакского отряда Эмирхан Юсуфов и разведки Леонид Хавриенко, разведчик Николай Сандетов, командир 6-й бригады Южного соединения партизан Михаил Самойленко, павшие в боях Никита Холод, Елизавета Чебышева, Илларион Петрович и Алексей Сысоевы, партизанские семьи Сацюк и Козенцевых, связной Михаил Маляров и многие другие.

В поселке Морское жил участник партизанского движения Мухтар Кадыр-Аметов. Исходя из архивной справки, найденной Эльвиной Доскаевой – его праправнучкой, он родился в 1879 году, был членом КПСС с 1929-го. С 1917 по 1922 г. работал в нашем поселке Морское. С 1922 по 1929 г. являлся членом садоводческой артели «СОЗ», а с 1929 по 1930 г. – председателем сельсовета в деревне Шелен, сегодняшней Громовке, которая располагается недалеко от Морского. В Судак с 1930 по 1933 г. заведовал подсобным хозяйством санатория «Кубчук», а с 1933 по 1937 г. был председателем колхоза «Иллери», также до оккупации работал инспектором сельхозартели. Мухтар Кадыр-Аметов с ноября 1941 по 30 октября 1942 г. избирался членом судакского райкома и Крымского обкома партии. В годы войны являлся бойцом судакского отряда партизан Крыма. 30 октября 1942 года расстрелян фашистами. О гибели отца его сын Асан Мухтарович рассказал следующее.

Известно, что партизаны не давали возможности гитлеровцам спокойно чувствовать себя на оккупированной, но не покоренной ими крымской земле. Народные мстители небольшими группами обстреливалидвигающиеся по горным склонам немецкие конные обозы и ко-

лонны с боевой техникой и снаряжением. Отвлекая немалые силы противника, партизаны облегчали положение защитников осажденного тогда Севастополя, оказывали поддержку участникам морских десантов во время осуществления керченско-феодосийской наступательной операции, а затем при окончательном разгроме немецко-фашистских захватчиков в апреле 1944-го.

В составе одной из партизанских групп, выполнявших боевое задание в районе деревни Отузы (нынешняя Щебетовка) в октябре 1942 г. находился и Кадыр-Аметов. В неравном бою гитлеровцам удалось схватить четверых партизан, которых доставили в судакскую тюрьму. Весть об этом дошла до Капсихора (Морского). Жена Мухтара собрала сумку с продуктами и отправила сына Асана в Судак. Когда мальчишка добрался до райцентра, пешком преодолев расстояние в 20 километров, караульный, охранявший вход в тюрьму, на крымско-татарском языке сообщил, что свидания с арестованными запрещены. Но охраннику все же стало жаль парнишку, и он на свой страх и риск разрешил ему в своем присутствии встретиться с отцом. Свидание длилось не более 5 минут. Из всего того, что при той встрече говорил отец, Асан теперь уже мало что помнит, но отцовский наказ навсегда остался в памяти: «Братья и сестры должны слушаться мать и беречь друг друга...»

Через 3 дня Асан, уже вместе с братьями, вновь пришел в Судак, но вход в тюрьму охранял другой полицейский, сообщивший мальчишкам, что их отца расстреляли. Вместе с Кадыр-Аметовым были казнены еще трое партизан, в том числе бывший секретарь райкома комсомола Шпак...

Спустя годы Асан Мухтарович встретился с председателем городской организации общества охраны памятников истории и культуры Дьяченко Г.Х. и стал расспрашивать у него, не остались ли какие-нибудь сведения о боевых делах отца. Григорий Харитонович сообщил Асану Мухтаровичу, что в честь подвигов партизан, погибших на территории судакского района, у села Лесного и в самом городе, на холме Славы, установлены па-

мятники с мемориальными досками, на которых высечены имена павших героев, краткие сведения о причинах их гибели. Эти сведения запечатлены и в районной Книге Памяти. Но оказалось, что нигде не значатся имена ни Кадыр-Аметова, ни его племянника Смаила, ни бывшего секретаря райкома Шпака.

Со временем Асану Мухтаровичу удалось добиться того, чтобы в честь имени его отца в поселке Морское была названа улица, на которой Асан Мухтарович прожил до конца своих дней...

Несколько слов о других героях, имена которых мы упомянули.

Смаил Кадыров, родившийся в 1906 году, до войны работал председателем колхоза Суук-Су в теперешнем Лесном. Перед началом гитлеровской оккупации районов он, как и его дядя Мухтар Кадыр-Ахметов, ушел в партизаны. При выполнении боевого задания Смаил был захвачен фашистами в селе Шалхал (Мельники) Белогорского района. Оттуда каратели привезли его в судакскую тюрьму и, как и его дядю, расстреляли в окрестностях райцентра. Копия справки, выданная крымским партизанами дочери Смаила Кадырова, хранится в музее села Морского.

*Запорожко Александр Павлович,
Гавриленко Марина Николаевна
г. Севастополь*

«На той стороне меня искать не надо...»

К октябрю 1941 г. 95-я стрелковая дивизия занимала рубежи в западном секторе Одесского оборонительного района. К середине октября обстановка потребовала незамедлительного перевода войск из Одессы для защиты Крыма и Севастополя.

Операция по переброске войск прошла блестяще. Уже к 24 октября 1941 г. дивизия ведет оборонительные бои севернее Джанкоя. Под натиском противника войска крымского фронта отходят вглубь полуострова. Серьезность положения заставила генерала Петрова созвать со-

вет командиров и комиссаров полков и дивизий для принятия согласованных действий в селе Экибаш. Большинство голосов принято решение отходить на защиту главной базы Черноморского флота – Севастополя.

После боев в Крыму и прорыва к Севастополю боевой состав трех стрелковых полков составлял 971 человек. Под давлением противника к 20 июня войска 4-го сектора были прижаты к внутреннему рубежу обороны, состоящему из дотов, батарей и опорных пунктов Константиновской, Михайловской крепостей, Инженерной пристани и казарм местного стрелкового полка полковника Баранова. На личный состав легла главная задача – дать возможность основным силам сектора перейти на южный берег города для продолжения борьбы.

История дивизии – это судьбы тысяч ее бойцов и командиров. О судьбе одного из них нам удалось узнать подробно...

Севастополь, Северная сторона. 15 декабря 2006 года. Пасмурно. С неба сеет холодный дождь. Неожиданный звонок из полиции: необходимо прибыть на место обнаружения останков красноармейца в район строительного участка на улице имени Героя Советского Союза Владимира Симонка. Мы выехали незамедлительно.

Мы – это поисковик отряда «Память» севастопольского объединения «Долг» Антон Степанов и авторы этих строк. Как оказалось, при прокладке траншеи строители обнаружили фрагменты человеческих останков и личных вещей. Приступаем к работе. Сначала обследовали почву в отвале. Необходимо было торопиться, так как при такой погоде можно утратить самое главное – имя бойца. Находим новые артефакты: очки с темными стеклами, кошелек с несколькими довоенными монетками разного достоинства, карабин без затвора образца 1891 г., остатки ткани красноармейской формы. И вдруг в затвердевшем куске глины обнаружен солдатский медальон. У этой находки быстро собралась вся бригада строителей. Все взволнованы. Мы их успокоили тем, что пообещали первым сообщить имя бойца после исследования вкладыша капсулы. Бригадир попросил сфотографировать всех вместе на ме-

сте находки. Позже мы выслали каждому участнику фотографию и сообщили прочитанное имя бойца.

При вскрытии медальона оказалось, что вместо вкладыша в нем находились незаполненный бланк краснодарского военкомата и квитанция о получении повестки. На бланке – сделанная карандашом надпись: «1-я пуль. рота, 161-й стрелковый полк. Шляпин Никифор Васильевич». На второй стороне: «Жена Шляпина Наталья Афанасьевна». Все казалось ясным. Но в действительности оказалось сложнее. Военкомат Краснодарского края, откуда призвался боец, судя по найденным документам, ответил: «Сведений не имеем»...

Останки красноармейца вместе с его боевыми товарищами, найденными поисковиками объединения в ходе работ за год, были торжественно со всеми воинскими почестями захоронены на Мемориальном кладбище Великой Отечественной войны 5 мая 2007 года.

Судя по месту находки останков и времени отхода 161-го стрелкового полка, можно с большой долей вероятности назвать дату гибели Никифора Васильевича Шляпина – это 19 или 20 июня 1942 года. Осколки и воронка наводят на мысль, что погиб он при взрыве немецкой минометной мины калибра 50 мм.

Прошло десять лет. В конце апреля 2017 г. раздался звонок из Краснодара. Звонила внучка Никифора Васильевича – Татьяна Кулаковская...

Из ее письма мы много узнали о герое обороны Севастополя.

«Здравствуйте, уважаемая Марина Николаевна!

Я – внучка Шляпина Никифора Васильевича.

Спасибо Вашим поисковикам за их титанический труд. Хочу рассказать Вам о своем деде то, что знаю от своего отца и его бабушки. Родился Никифор Васильевич в Херсонской области, село Малая Лепетиха, в 1896-м году. В 1915-м году был призван на царскую службу. В гражданскую войну он был на стороне большевиков, партизанил и в станице Тимашевской познакомился с моей бабушкой Бондаревой Натальей Афанасьевной. Бабушка – потомственная кубанская казачка. Ее отец вла-

дел кожевенными заводами в г. Краснодаре. В 1923-м году дедушка и бабушка узаконили брак, о чем свидетельствует сохранившийся документ. В семье родилось два сына: старший Николай, 1925 года (умер в десятилетнем возрасте от менингита), и младший, мой отец – Виталий. До 1936-го года дед с семьей жили в калининском районе Краснодарского края, а в 1936-м году государство выделило ему квартиру в Краснодаре, по улице Красной, д. 160 за его заслуги в гражданскую войну. Из рассказов отца я помню, что у деда была наградная шашка, которая висела на стене почти до самой войны. А перед самой войной квартиру обокрали и вынесли все, так пропала и шашка. В 1938-м году, бабушка рассказывала, что деда арестовало НКВД по доносу. То ли из-за ее отца, то ли из-за работы дедушки. На тот момент он работал бухгалтером-ревизором, но за отсутствием каких-либо улик был освобожден. Никифор Васильевич был членом ВКП(б). Папа очень часто рассказывал, какой дедушка был честный и порядочный человек, какой был аккуратный и очень ответственный.

В декабре 1941-го года он ушел на фронт. Перед этим дедушка, бабушка и мой отец сфотографировались. Это последнее, что осталось от него. Были еще всего два письма, больше он не успел отправить, но они не сохранились. Со слов отца, последнее пришло примерно в конце июля 1942-го года, где дед писал, что идут очень тяжелые бои за Севастополь. Отступать некуда, стоять будут до последнего. Еще писал, что выжить вряд ли удастся, но на той стороне и в плену его искать не надо! В 1943-м году пришло извещение о его гибели, вернее о том, что он пропал без вести, а где – не сообщалось. В 1946-м году моего папу призвали в армию. До 1952-го года он служил в летных войсках и оттуда делал запросы в Министерство обороны о гибели своего отца. Каким-то образом ему удалось узнать, что отец погиб за Севастополь – и все. Мой папа очень переживал по этому поводу, а бабушка и вовсе, не веря в его гибель, порвала «похоронку», извещение. То, что мы нашли деда, большая заслуга мужа племянницы – Виктора. Он очень много

переискал материала и пересмотрел о битве за Севастополь, пока не вышел на Ваше поисковое объединение.

А я низко-низко склоняю перед Вами голову за то, что помогли найти дедушку, восстановить о нем память».

В тот же год обе семьи, внучка Татьяна из Красnodара и внучатые племянники из Москвы, приехали на могилу героического деда. Самый младший участник поездки – шестилетний правнук Добрыня – теперь хорошо знает историю своего боевого прадеда. А поездка в Севастополь в канун Дня Победы стала для семьи героя ежегодной традицией...

За время боев в рядах 95-й стрелковой дивизии сражались десятки тысяч бойцов и командиров. Большинство погибших из них стали безымянными, без вести пропавшими солдатами. За этим стоят горе и страдания родных и близких и их робкая надежда, что правда торжествует и имя павшего родного человека будет возвращено из небытия.

***Запорожко Александр Павлович,
Гавриленко Марина Николаевна
г. Севастополь***

Прохоровское поле комиссара Уварова

«Ваня Уваров, уроженец села Подъяруги, Прохоровского района. Там он окончил школу, затем агрономические курсы в селе Козьминка, хотел дальше совершенствоваться в избранной профессии, но был призван служить на Черноморский флот. Во время службы стал курсантом, потом старшим политруком, избран депутатом городского Совета», – так начиналась статья корреспондента Сергея Новожилова «О Севастополе и русской славе в газете «Голос Белогорья» от 23 июля 2008 г.

А это строки из письма дочери Уварова – Тамары Ивановны: «Я родилась в Севастополе в 1939 году на улице Ленина, д. 36. Конечно, я сама ничего не помню, но почему-то я всю жизнь всегда думала об отце, видела его во сне, будто он мне улыбался откуда-то с неба, с Солнца во время Пасхи. Я оставила его фамилию, когда

выходила замуж, да и сейчас он как бы согревает меня. По рассказам соседей, родственников созданся образ доброго, улыбчивого и честного человека».

Войну семья Уваровых встретила в Севастополе. Отец и мать были призваны на фронт, а детей переправили на Большую землю. «Да вот только встречать было некому, — пишет Тамара Ивановна. — Нас направили в детский дом, где мне пришлось выживать до конца войны. Антонина Семеновна Зенина, жена Ивана Ивановича, моя мама, в первые дни войны была тяжело ранена, затем эвакуирована. Долго лечилась в госпитале, откуда писала письма по розыску отца и меня».

11 января 1944 г. Антонина Семеновна получила извещение о гибели мужа, политрука Уварова Ивана Ивановича, при защите города Севастополя. На письмо Зениной от 3 июня 1951 г. к начальнику музея Черноморского флота капитану 2-го ранга Болгари последовал ответ: «Ваш муж Уваров И.И. был комиссаром 365-й батареи, которой командовал старший лейтенант Воробьев, ныне Герой Советского Союза». С мамой Тамара Ивановна так и не встретилась, о судьбе отца узнала намного позже.

Комиссар Уваров прибыл на батарею уже в дни третьего штурма Севастополя в июне 1942 года. 7 и 8 июня немцы подвергли батарею ожесточенной бомбардировке и артобстрелу, а после пошли в атаку. Орудийный расчет под командованием сержанта Данича самоотверженно боролся и умело уничтожал врагов. Подступы к батарее были устланы многочисленными трупами вражеских солдат.

Ночью, когда наступило относительное затишье, на батарее было проведено открытое партийное собрание. Комиссар батареи Уваров коротко и откровенно рассказал о положении на фронте вообще и на участке батареи в частности. «Враг в третий раз штурмует Севастополь, — говорил Уваров. — Враг собрал огромные силы и, не считаясь с потерями в людях и технике, стремится прорваться в город. Немцы будут остервенело лезть на нас. Силы наши неравны, но отступать нам некуда. Позади нас Се-

востополь. За нами Родина. Великий Сталин требует от нас стоять насмерть. Нам предстоит жестокая битва. Может быть, многие из нас погибнут, но мы отсюда не уйдем. Будем уничтожать врагов, пока хватит сил, будем биться до последнего человека, до последнего патрона, до последнего дыхания».

После комиссара выступили другие товарищи, и собрание приняло клятву любимому вождю. В этой клятве говорилось: «Враг рвется к славному Севастополю. Ни шагу назад. Клянемся, тебе, Родина, тебе, народ-богатырь, тебе, великий Сталин, лечь костями на поле брани, но не посрамить знамя Советов».

Снова начались тяжелые бои с вражеской пехотой, танками. Атака следовала за атакой. Батарея занимала выгодную в стратегическом отношении высоту, и поэтому немцы всеми силами старались ею овладеть.

Комиссар Уваров все время находился на позиции, он часто беседовал с бойцами, вселяя в них уверенность в победе над врагом. В эти дни командир батареи Николай Воробьев был ранен и отправлен в тыл. Заменивший его лейтенант Матвеев также вскоре был ранен. Командиром батареи стал старший лейтенант Иван Пьянзин.

11 июня батарея подверглась ураганному обстрелу из орудий и минометов. Ряды бойцов таяли. А немцы вновь и вновь атаковали позицию батареи. Утром 12 июня начался мощный минометно-артиллерийский обстрел, который продолжался непрерывно 16 часов. Вечером на батарею приехал ее бывший комиссар Донюшкин. Вместе с Уваровым они провели открытое партийное собрание, на котором присутствовали делегаты с боевых постов. Комиссар Уваров зачитал приветственную телеграмму товарища Сталина, в которой тот писал: «Горячо приветствую доблестных защитников Севастополя, красноармейцев, краснофлотцев, командиров и комиссаров, мужественно отстаивающих каждую пядь советской земли и наносящих удар немецким захватчикам и их румынским прихвостням. Самоотверженная борьба севастопольцев служит примером героизма для всей Красной Армии и Советского народа. Уверен, что славные защит-

ники Севастополя с достоинством и честью выполняют свой долг перед Родиной. И. Сталин».

В ответ на эту телеграмму собрание присоединилось к торжественной клятве, которую принимали во всех частях и подразделениях. На рассвете 13 июня Донушкин и Уваров обходили посты. Они побывали на орудиях, в дзотах и окопах, беседовали с бойцами. Лица бойцов говорили о решимости драться с врагом до последней капли крови.

Близилась последняя решительная схватка. Фашисты, еще ночью окружившие батарею, не спешили с атакой. Они ждали подкрепления. Утром начался бой. Вражеские танки подошли близко и вели бешеный огонь по орудиям батареи. Ряды бойцов редели. Ожесточение боя нарастало. У орудий оставалось все меньше бойцов...

У единственной оставшейся целой пушки расчета Стрельцова не было больше снарядов. Последний снаряд послал в гущу немцев и командир орудия Данич. Оставшиеся в живых артиллеристы с винтовками и гранатами ползут к дзотам и блиндажам. Слышен только один миномет, но вот и он замолчал. Кончились мины. А враг все наглее, рвется вперед. Советские бойцы бросают последние гранаты в наседающего врага. Батарея еще живет. Командный пункт пока в руках ее защитников. Старший лейтенант Пьянзин передал по радио следующее сообщение: «Танки противника расстреливают нас в упор, пехота забрасывает гранатами. Прощайте, товарищи! За Родину! За Сталина!» И через час, теряя силы, Пьянзин передает последнее донесение: «Отбиваться нечем. Почти весь личный состав вышел из строя, открывайте массированный огонь по нашей позиции и командному пункту». Фашисты уже праздновали победу и предвкушали расправу над оставшимися в живых советскими бойцами. Но рано.

Плотный огонь четырех наших батарей накрыл их в тот момент, когда они этого никак не ожидали. Так смертью героев погибли бойцы героической 365-й зенитной батареи. Вместе с командиром, старшим лейтенантом Пьянзиным, и комиссаром Уваровым. 213 дней сража-

лась в обороне Севастополя эта батарея. На ее боевом счету 5 сбитых самолетов, ею уничтожено 7 танков, разгромлены автоколонна и обоз. Зенитчиками истреблено не менее 800 гитлеровцев. Личный состав батареи отразил 15 ожесточенных атак противника. Батарейцы до конца выполнили свой долг перед Родиной. О героической борьбе бойцов и командиров 365-й зенитной батареи подробно описано в книге бывшего командира этой батареи Героя Советского Союза Н.А. Воробьева. Называется она «Батарея 365», издана в 1945 году.

«Со своей стороны, у нас большая просьба к Вам. Пришлите нам фотографию Вашего мужа и какие-либо личные вещи. На этих реликвиях мы будем рассказывать молодому поколению о подвигах старших товарищей, отдавших свою жизнь за наше счастье и свободу», – закончил свое письмо жене И.И. Уварова начальник музея ЧФ капитан 2-го ранга Болгари.

«С первой своей зарплаты (42 руб. 50 коп.) я поехала в Севастополь, так как к тому времени я узнала, что кто-то Воробьев, командир батареи №365, был ранен и выжил, написал книгу "Батарея 365", – рассказывает дочь комиссара. – Я ехала прямо к нему, совершенно не знакомому человеку, чтобы побольше узнать об отце, но было уже поздно: он умер от инфаркта».

Находясь в Севастополе, Тамара Ивановна посетила музей Черноморского флота, где в одном из залов экспонировалась картина, на которой изображены последние защитники 365-й зенитной батареи. В экспозиции были также представлены немногие личные вещи, в том числе планшетка комиссара батареи Уварова. Тамара Ивановна побывала на легендарной высоте 60.0, где совершили свой подвиг краснофлотцы и командиры батареи. Долго стояла у памятника зенитчикам, на изрытом воронками, траншеями, окопами многострадальном севастопольском Прохоровском поле...

Такова короткая история севастопольской семьи, наполненная драматизмом лихолетья, героизмом защитников своей земли, Родины.

213 суток стояла насмерть 365-я зенитная батарея, 240 дней сражалась 30-я бронебашенная береговая батарея, 250 дней и ночей вел беспримерную борьбу Севастополь. Ровно через год после этих событий, 5 июля 1943 года, на русском поле брани у села Прохоровка, на родной земле комиссара Уварова, сошлись в жесточайшем сражении советские войска и немецко-фашистские полчища. Только одних бронетанковых дивизий на стороне немцев было 16. Бои продолжались до 12 июля, когда операция «Цитадель» не выдержала. На Прохоровском поле был впервые сломан стальной хребет вермахта. Жертвенными оказались бои для советской стороны. Одна лишь цифра: каждодневные потери убитыми и ранеными на протяжении одиннадцати суток составили более 9 тысяч человек. Эти бои явились переломным событием в Великой Отечественной войне. Без всякого сомнения, мужество и стойкость солдата на малых и больших полях сражений явились результатом Великой Победы 1945 года. И история 365-й зенитной батареи – часть этой Победы.

Поисковиками севастопольского объединения «Долг» на позиции батареи подняты останки 64 героев-зенитчиков. Не всех удалось опознать. Но комиссар Уваров, скорее всего, среди них.

Каждый год, 13 июня, в день героической гибели батареи, у подножия памятника собираются потомки героев – вспомнить, какой ценой завоеван мир, и рассказать об этом своим детям и внукам.

*Иванов Георгий Андреевич
Рук. – Вальченко Людмила Юрьевна
г. Евпатория*

Сладкая рябина

Эта история началась более ста лет назад. В одном степном селе в двух семьях родились мальчик и девочка.

Мальчика назвали Федор (дар Божий), потому что родился он долгожданным сыночком в семье, где были уже четыре дочери.

А девочку называли Мавра, дома ее звали Маруся. Нелегкое было у Маруси детство. В восемь лет умерла ее мама, и отец остался один с четырьмя детьми на руках. Отдал он Марусю в услужение в богатую еврейскую семью. Там Марусю научили шить, читать, убирать и готовить. Маруся была резвая и голосистая, на все у нее была своя присказка и меткое словечко.

Жила она с Федей на одной улице. Часто дети играли вместе, ссорились и мирились. Так незаметно и выросли Федька по прозвищу Джиджеря и Маруся-щебетушка и превратились в красивых парубка и девушку. И фамилии у них были казацкие – Добродий и Беда. Проводили Федю с песнями в армию, и обещала Маруся его ждать. И дождалась.

Пришел Федя из армии бравым солдатом. Сыграли они свадьбу, и увез Федя Марусю в Крым, где был военный аэродром в поселке Кача. Там Федя проходил службу авиамехаником. Маруся устроилась на работу в офицерскую столовую, а Федор Иванович служил на аэродроме. И так им было хорошо и ладно вместе, что много-много лет спустя, на закате своей жизни, любили они вспоминать эти годы в Крыму как самые лучшие. И дети, и внуки слышали с самого детства: Севастополь, Балаклава, Форос, Инкерман – и видели, как освещались улыбкой их глаза.

Через год после переезда в Качу родился у них мальчик Володя. Еще через несколько лет – Василек. Но Василек тяжело заболел, и его не смогли спасти. Потом появились на свет две девочки – Дина (старшая) и Неля, как день и ночь: Дина голубоглазая со льняными кудрями, а Неля – темноволосая и темноглазая. Жить бы Марусе и Феде и горя не знать, да пришла великая беда – началась война.

Володе исполнилось тогда уже восемь лет, маленькой Дине три годика, а Неле не было и года. Все мужчины ушли на фронт. В части остались одни женщины с детьми. И стали в часть приходить коллаборационисты и выгонять женщин: «Уходите отсюда, а то мы вас всех перережем». Потом приехали немцы на грузовике, всех

женщин с детьми посадили в кузов и куда-то повезли. Надо сказать, что маленькая Дина своими небесно-голубыми глазами и белыми кудряшками очень умиляла немцев, может, потому что походила на немецких девчушек. Через несколько часов у реки Альма грузовик остановился, и немцы почему-то вытолкнули из него Марусю с тремя детьми и какого-то старого мужчину, а остальных женщин повезли дальше. Что с ними случилось, Маруся так и не узнала.

Куда идти бедной Марусе с маленькой Нелей на руках, малышкой Диной и 8-летним Володей? И решила Маруся идти в родное село, где остались сестры мужа и его мама. На последние деньги купила Маруся в ближайшем поселке худую лошадку и возок. Положила на возок детей, пожитки, и поехали они в сторону Джанкоя. Володя по дороге подстреливал голубей, их жарили, этим и питались.

Вскоре оказалось, что лошадь больна коростой, от нее заразились дети. Маленькая Неля все время плакала. Добрались до какой-то железнодорожной станции. Дину немцы стали угощать печеньем и сахаром. А один вдруг наставил на малышку пистолет. У Маруси обмерло сердце. Немец громко сказал: «Пиф-паф» – и засмеялся.

Ночью Маруся тихо пробралась с детьми в пустой вагон, и им удалось немного проехать в сторону Джанкоя. Но под утро маленькая Неля громко расплакалась, и Марусю с детьми выгнали из вагона. Дальше шла Маруся с маленькими детьми пешком, на ночь остановились в селе у местных жителей. А ночью услышала Маруся, как сын хозяина спрашивал у отца: «Зарежем их?» Отец ответил: «Не трогай, пусть идет».

По степи Маруся с детьми пришла в родное село. Пришла, а в селе голод, бедность – никому лишние рты не нужны. Накинулись на нее свекровь и золовки: «Где гуляла? Где Федя?» И пришлось Марусе терпеть их попреки.

Спустя время услышала она, как рассказывают люди, что под Николаевом есть большой лагерь для военнопленных и будто бы там видели Федю и других одно-

сельчан. А еще говорили, что будут гнать колонну пленных пешком до вокзала, а потом погрузят в поезд и отправят в Германию. Забилося сердце у Маруси и сказала она свекрови, что пойдет искать Федю. А та ей в ответ: «Сиди дома! Не нагулялась еще?» А Маруся ее не слушает, верит, что найдет своего Федю.

Пошла Маруся, а пленных с того места уже увели, и пришлось ей вернуться домой ни с чем. Хорошо, добрые люди сказали, куда увели пленных, что Федю тоже видели там. Пошла Маруся во второй раз, а путь неблизкий – сто пятьдесят километров в одну сторону. Пришла Маруся на ту дорогу, где должны пленных вести, а вдоль дороги стоят женщины и своих мужей и сыновей по имени выкликают, по полдня выкликают и не уходят. Стала и Маруся громко кричать: «Федя Добродий из Малой Лепетихи! Федя Добродий из Малой Лепетихи!»

И вдруг как кинется к ней худой оборванный солдат с перебинтованной ногой: «Маруся, это – я!» Маруся быстро протянула ему хлеб, а он в рубаху его прячет да быстрее пытается съесть, пока не отобрали немцы. Другие пленные тоже подбежали к ней, хлеба просят, руки протягивают. Маруся и им в руки кладет – кому яичко, кому кусочек хлеба, а Федя сердится. Руками еду выхватывает и прячет.

Потом уже, спустя много лет, Федор Иванович рассказывал, что в лагере для военнопленных их совсем не кормили. Картофельные очистки считались лучшей едой. И еще часто повторял: «Как хорошо, что Маруся меня нашла. Я не знал, жива ли она с детьми или погибла, где она, что с ней. А когда увидел Марусю, обрадовался и появилось у меня желание выжить, несмотря ни на что».

А Маруся радостная вернулась домой. Рассказала родным, что Федя жив. Как все обрадовались! И потекла молитва к Богу, чтобы Федя вернулся домой живым. А надо сказать, что во время войны женщины и дети много молились. И маленькая Дина, и Неля, еще не умевшая говорить, вставали на коленочки, и Дина говорила: «Дай, Бозе, чтобы папка домой присел».

Решил Федя во что бы то ни стало бежать из плена. Вскоре пленных пригнали на железнодорожную станцию и начали загонять в вагоны. Сговорился Федя с одним товарищем оторвать в полу вагона доски и через это отверстие убежать. Другие пленные их отговаривали: «Ничего у вас не выйдет! Поймают! Расстреляют!»

Но Федя твердо решил бежать, пока их недалеко увезли от дома. Начали расшатывать доску. Когда заглядывали часовые, доску прикрывали или кто-то из пленных ложился на пол. Когда же все было готово, поздно ночью на одной из станций, как только поезд тронулся, Федя и его друг выпрыгнули и легли на рельсы, пока не проехал над ними весь состав. Было очень страшно. Потом раненого Федю спрятали у себя добрые люди, кормили, ухаживали за ним, дали ему одежду. Когда Федя поправился, он вернулся на фронт. Закончил войну в Болгарии.

И возвратился Федор Иванович домой. В большом бараке, где жила после войны Маруся с детьми, Федя был единственным мужчиной, пришедшим с войны. После войны, через два года, в очень голодное и трудное время родилась моя бабушка.

Много горестей было потом у Феди и Маруси: и голод, и нужда, и болел Федя лихорадкой, которая его чуть не погубила, и тяжелый труд в колхозе. Но все Маруся и Федя преодолели, и вырастили они четверых детей и одиннадцать внуков. И всегда оставались добрыми и приветливыми и жили с людьми в ладу.

Я, Георгий Иванов, — правнук Федора и Маруси. Мама мне часто пересказывает историю нашего рода, говоря о том, что самое важное для человека — знать свои корни, знать, что пережили его прадеды, знать, как воевали они против нацизма и победили, как они выжили в тяжелое послевоенное время.

Если мы, потомки, не сохраним память об этом, как тогда мы сможем защитить честь и достоинство своего народа, своего рода, своей семьи сейчас, когда лживо переписывается наша история, когда у нас хотят украсть

право на моральный авторитет народа-победителя нацизма во Второй мировой войне.

Будем достойны подвига нашего народа и сохраним память о его Великой Победе!

*Карпухина Ксения Михайловна
Рук. – Гавриленко Марина Николаевна
г. Севастополь*

Самый севастопольский писатель

Литературный мир Севастополя богат и разнообразен. Мне кажется, можно составить целую литературную энциклопедию из произведений, посвященных нашему легендарному городу. Мы благодарны всем летописцам Севастополя за это литературное наследие. Мы, нынешнее поколение, видим историю Севастополя через призму их произведений, оставленных нам в наследство. Для тех, кто часто держит в руках книгу, город оживает в разных исторических эпохах. И ты вдруг видишь, как Екатерина Великая восхищается молодым Черноморским флотом, слышишь голос адмирала Нахимова. А перед зданием со следами осколков Великой Отечественной войны в твоей памяти всплывает картина подвига защитников Севастополя: горящие улицы, тонущие корабли, идущие на смерть морские пехотинцы...

Мне кажется, ни один город на Земле не оставил такой глубокий след в литературном мире. В череде тех, кто отразил в своем творчестве восхищение, уважение, любовь к Севастополю, очень известные люди. Еще в 1804 г. Александр Николаевич Радищев писал о своем современнике поэте Семене Сергеевиче Боброве, прочитав его «лирическое песнопение» о Севастополе: «...автор сей книги отворяет новую дверь в российскую поэзию».

Из-под пера одного из самых образованных людей своего века Ивана Матвеевича Муравьева-Апостола после посещения Севастополя вышли такие строки: «Живал я в Лиссабоне... живал в Неаполе... восхищался берегами Тага, заливом Неапольским, Везувием... и после этого

прельщаюсь живописными бухтами севастопольскими...». В этом же ряду Александр Сергеевич Пушкин, потрясенный Георгиевским монастырем на мысе Фиоленте в пригороде Севастополя.

А известный русский писатель-маринист Константин Михайлович Станюкович насквозь севастопольский! Здесь он родился, здесь провел свои лучшие детские годы, здесь он мальчишкой участвовал в первой обороне Севастополя. Был награжден бронзовой медалью на георгиевской ленте «В память войны 1853-1856 гг.» и серебряной на Андреевской ленте «За защиту Севастополя». Лучшие свои книги Константин Станюкович посвятил городу, в котором родился: «Севастопольский мальчик», «Маленькие моряки», «Грозный адмирал». Именем Станюковича названа библиотека в городе, а на том месте, где стоял дом, в котором жил писатель, висит мемориальная доска.

Первая оборона Севастополя 1854-1855 гг. всколыхнула лучших писателей и поэтов России. Не мог молчать и поэт Федор Иванович Тютчев – один из самых замечательных поэтов. Тяжело переживал Тютчев смерть адмирала Нахимова, падение Малахова кургана, гибель тысяч защитников Севастополя. Эти события нашли отражение в произведениях поэта.

Нельзя не вспомнить Льва Николаевича Толстого, который приехал в осажденный Севастополь в ноябре 1854 года и пробыл здесь ровно год. В самые трагические для Севастополя дни поручик Толстой командовал батареей на четвертом бастионе и здесь же начал писать свои знаменитые «Севастопольские рассказы». Посетив севастопольское Братское кладбище, самый многочисленный некрополь русских воинов, поэт Афанасий Фет напишет свои известные строки:

*...Из каменных гробов их голос вечно слышен,
Им внуков поучать навеки суждено,
Их слава так чиста, их жребий так возвышен,
Что им завидовать грешно...*

Посетит Севастополь и американец Сэмюэль Клеменс, он же Марк Твен. Из записных книжек писателя

видно, какую боль вызвали в его сердце севастопольские пепелища: «Помпея сохранилась куда лучше Севастополя. В какую сторону ни глянь, всюду развалины, одни только развалины! Тут и там ядра застряли в стенах, и ржавые слезы сочатся из-под них, оставляя на камне темную дорожку...» Писатель увез с собой несколько пушечных ядер с Малахова кургана и хранил их всю жизнь.

Наш город-герой оставил след в творчестве Александра Николаевича Куприна, Антона Павловича Чехова, Максимилиана Александровича Волошина, Анны Ахматовой, Константина Георгиевича Паустовского и, конечно же, Александра Грина с его фантастическим Зурбаганом.

Севастопольцы считают «своим писателем» Сергея Николаевича Сергеева-Ценского. Действительно, не много найдется таких литераторов, которые бы посвятили столько вдохновенных строк нашему городу. Это много томная эпопея «Севастопольская страда», «Флот и крепость», «Синопский бой»... А в годы Великой Отечественной войны из-под его пера рождаются очерки и статьи, посвященные сражающемуся городу: «Героический Севастополь», «Русские моряки», «Севастополь», «Севастопольцы», «Гордость русских моряков», «Город славы»... В это время, можно сказать, мир смотрел на оборону Севастополя глазами ее лучших представителей – писателей, волею судьбы ставших летописцами эпохи.

Среди них достойное место занимает и Александр Хамадан. Поэт, писатель, военный корреспондент, он мечтал написать книгу о том, как возвратятся в Севастополь моряки, как выбьют фашистов с каменистой, пропитанной кровью, земли... Но сделать ему это не было суждено: контуженный, он был взят в плен в районе Камышовой бухты. 29 мая 1943 года, выданный провокатором, Александр Хамадан был казнен.

Пожалуй, я убедила вас, что литературный мир Севастополя охватывает несколько эпох, соединив судьбы многих известных поэтов и писателей.

Но есть еще один человек, который подарил свой Севастополь нам, детям, и потому стал для нас самым

понятным и близким. Мы, живущие сегодня, увидели его глазами послевоенный Севастополь, возрожденный Севастополь, Севастополь наших дедушек и бабушек, наших мам и пап, в то время, когда они были такими же, как мы сейчас. Это писатель Владислав Петрович Крапивин, в творчестве которого не менее двух десятков книг посвящены городу-герою Севастополю. Современники назовут его «самым севастопольским писателем».

Крапивин был родом из Тюмени, где родился 14 октября 1938 года в семье педагогов Петра Федоровича и Ольги Петровны Крапивиных. Он был третьим ребенком в семье. Призванный в 1942 году в Красную армию, отец Крапивина после войны в семью не вернулся. В 1946 году у Крапивина появился отчим, отношения с которым у мальчика так и не сложились. Но с мамой он был очень дружен и любим ею. Несмотря на послевоенный голод и суровые тюменские зимы, детство Славы было счастливым. Свободное время пролетало в увлекательных детских играх: строили голубятни, ловили рыбу, сражались в шашки, играли в волейбол. Слава много читал, а свой первый художественный текст, рассказ о пиратах «Остров приведения», написал в неполные восемь лет. Рассказ очень понравился одноклассникам. Маленький Слава увлекся книгами о морских путешествиях, морях, пиратах... Живя за тысячи километров от моря, мальчик начинает грезить кораблями, штормами, приключениями. Он учит названия парусов и корабельные снасти. И продолжает придумывать интересные истории, которые рассказывает своим друзьям, пишет стихи. В «Тюменском комсомольце» даже печатают Славины стихи о дружбе, учебе, школьных годах. И на первый литературный гонорар, 25 рублей, Крапивин покупает два тома Жюль Верна.

В 1956 году, окончив школу, Крапивин поступил на факультет журналистики Уральского государственного университета имени А. М. Горького. В годы студенчества занимался в литературном кружке под руководством редактора «Уральского следопыта» В.Н. Шустова. Весной 1960 года в журнале вышел первый рассказ Влади-

слава Крапивина. Несколько лет В.П. Крапивин работал в этом журнале. А затем был принят на работу в газету «Вечерний Свердловск». В 1964 году Крапивин был принят в члены Союза писателей СССР. В 1970–1980-е годы являлся членом редколлегии журналов «Пионер» и «Уральский следопыт».

Жизнь и творческая деятельность В.П. Крапивина в основном связана с Уралом, но Севастополь занимал особое место и в жизни, и в творчестве писателя. Детская мечта Владислава стать капитаном дальнего плавания не давала покоя. Но в училище он не поступил из-за здоровья. Став журналистом, писателем, он будет создавать книги о море. Первая книга В.П. Крапивина «Рейс «Ориона» увидит свет в 1962 году в свердловском издательстве. Еще студентом, после практики в «Комсомольской правде» в Москве, Владислав Петрович побывал в Севастополе. О встрече с городом он вспоминал: «Город ошеломил меня ощущением сбывшегося сна. Он оказался в точности таким, каким я представлял его себе: с синими бухтами, запутанными белыми улицами, лестницами-трапами, старыми бастионами. С высокими мачтами над причалами, с жизнерадостными матросами, с курантами, отбивающими севастопольский Гимн... Кое-где на стенах еще видны были следы осколков и пулеметных очередей, но это лишь подчеркивало героизм удивительного города...»

Изучая историю Севастополя, Владислав Петрович много времени проводил в библиотеках. Поэтому его повествование всегда основано на реальных событиях, как давно бы они ни произошли.

Владислав Крапивин относится к тем редким взрослым людям, которые до седых волос остаются мальчишками, романтиками, мечтателями, ищущими приключений, в самом хорошем, чистом значении этого понятия. Он умел дружить, быть смелым, отстаивать свое мнение, не признавал трусости и предательства. Именно такими были и герои его книг, и многие из них, такие как Алька Вихрев из повести «Шестая Бастионная», имели реальных прототипов в жизни.

В одном из интервью Владислав Крапивин говорил: «Во сне я никогда не вижу себя стариком и даже пожилым. Я всегда вижу себя юношей-студентом или мальчишкой. И соответствующие приключения переживаю, а потом их описываю. Так и живу».

Писатель, любящий и мечтающий о море, далеко от моря, в Уральских горах, организовал детский клуб «Каравелла». У мальчишек, занимающихся в клубе, был девиз: «Я вступлю в бой с любой несправедливостью, подлостью и жестокостью, где бы их ни встретил, я не стану ждать, когда на защиту правды встанет кто-то раньше меня».

В.П. Крапивин стал серьезно заниматься проблемами детства и детского общественного движения, изучал основы педагогики. И вскоре становится неформальным лидером детского движения на Урале. Писатель вспоминал: «Когда я писал «Мальчика со шпагой», рядом со мной, вместе со мной, рос и работал отряд юных моряков, юнкоров и фехтовальщиков. Не будь этих ребят, не было бы и книги, и потому я посвящаю ее матросам, барабанщикам, штурманам и капитанам отряда "Каравелла"».

Побывав однажды в нашем городе, Крапивин стал приезжать в Севастополь каждый год. Он обошел все уголки города, познакомился с матросами и капитанами кораблей, рыбаками, мальчишками и девчонкам севастопольских школ. Эти люди и стали прототипами героев будущих книг. А сам Севастополь писатель в своих произведениях называл не только Севастополем, как, к примеру, в романе «Давно закончилась осада», но и Южнинском, Византийском или просто – Город. Именно так он назовет Севастополь в одном из самых известных произведений – «Трое с площади Карронад».

Мы легко узнаем в книге окраинные севастопольские улочки и известные исторические места. Улица Шестая Бастионная, о которой все поклонники Крапивина читали в книгах, существует на самом деле. Это исторический центр города, но вся улочка состоит из частных домов. Сегодня здесь уже построены новые коттеджи, но

сохранились и старенькие одноэтажные домики. Тот же виноград, заплетающий стены, те же толстые сытые коты и заборы из «дикого» камня. А вот описание одного из любимых мест писателя – Херсонеса: «Мраморные колонны разрушенной базилики – древнего храма в Херсонесе – кажутся с моря белыми свечками. Словно кто-то расставил их среди желтых камней. А море синее-синее, и лишь у самого борта лодки оно как бутылочное стекло. В этом зеленом стекле висят медузы, похожие на большие прозрачные пуговицы. А ближе к берегу просвечивают бурые и косматые, как шкура мамонта, водоросли. Они качаются туда-сюда вслед за волной». Сегодня территория Музея-заповедника «Херсонес Таврический» очень изменилась. Новое время, новые взгляды, новое руководство. Иногда даже в ущерб старому, а вернее древнему. Но море осталось таким же, как в книге Крапивина. И даже удивительно, что по-другому и не опишешь. Кстати, и площади, названной писателем «площадью Карронад», местные жители просили дать такое имя

На страницах произведений Крапивина Севастополь навсегда сохранится таким, каким он был когда-то, как в старом кино или на старой фотографии из семейного альбома. И в этом ценность творчества писателя.

Удивительно, но Владислав Петрович задолго до событий 2014 года, до «Русской весны», был уверен, что наш город не может быть отрезан от России навсегда, что его любимый Севастополь вернется в родную гавань. В 2010 г. Крапивин написал повесть «Прыгалка», где он предсказал конфликт между Россией и Украиной и возвращение Севастополя в страну, в которой он должен находиться по историческому праву. Многих тогда удивил сюжет повести, но еще больше удивило предвидение писателя, предсказавшего события, произошедшие через четыре года.

В марте 2014 г. Владислав Петрович скажет в интервью: «Севастополь – часть русской земли, гордость русского народа, и стремление националистов и бандеровцев зачислить его в местные пригороды и запретить жителям его говорить и писать по-русски – это посяга-

тельство на логику и здравый смысл... Надо понимать, что Севастополь в любом случае НАШ город и что при звуках песни «Легендарный Севастополь» у многих из нас сжимаются сердца».

За свои 80 с лишним лет Владислав Крапивин написал более двухсот романов, повестей, рассказов, сценариев. На разных языках мира выпущено более двухсот изданий его книг. С 2006 г. присуждается ежегодная Международная детская литературная премия имени В.П. Крапивина.

Год назад, 1 сентября 2020 года, писателя не стало. Он скончался после перенесенной коронавирусной инфекции в городе Екатеринбурге. Но с нами навсегда остались его книги, его герои, его взгляды, его отношение к жизни, наш общий любимый Севастополь.

У меня подрастает младший брат, пятиклассник. Я думаю, что как раз в этом возрасте книги Крапивина могут формировать характер, понятия о дружбе, чести, патриотизме, крепком мужском слове. Я хочу, чтобы все мальчишки читали книги Владислава Крапивина, чувствовали и поступали, как его, «крапивинские мальчишки», и выросли настоящими людьми!

*Килеса Вячеслав Владимирович
г. Симферополь*

Четыре брата

Взвивавшееся вверх пламя колыхнулось под порывом ветра, выхватывая из темноты бородатые лица сидевших у костра вооруженных мечами русичей. Осыпавшие небо звезды, отражаясь в водах реки Биюк-Карасу, суетились, перескакивая с волны на волну, подталкивая приткнувшуюся к берегу новгородскую ладью.

– Напрасно в Карасубазаре не остановились, – продолжая разговор, сказал Федор. – Село маленькое, грязное, и все же не на земле ночевать.

– В лесу спокойнее, – пожал плечами Иван, поправляя кольчугу. – Тем более с ужином повезло: Афанасий вовремя свинью подстрелил.

Тот, о ком шла речь, привстав, покрутил лежавший на вкопанных в землю рогатинах огромный вертел с нанизанными на него кусками свинины. Аромат жареного мяса заставил всех вострепнуться в ожидании близкого ужина.

Четверо расположившихся у костра мужчин были братьями, везущими из Новгорода меха, кожу и мед на продажу в Судак.

— Если б от каравана не отстали: были бы уже на месте, — вздохнул младший брат, Никита, рассматривая лежавший у него на ладони желудь. — А так еще дня два пути, и не столько по воде, сколько по земле на катках. Мелеют реки: видно, дождей долго не было.

— Зато обратно вместе с караваном пойдем: обещали нас подождать в Судаке, — рассудительно заметил Федор. И, обращаясь к Никите, произнес:

— Что ты этот желудь баюкаешь? С начала пути как с дитем с ним возишься.

— Мечта у меня: посадить на крымской земле новгородский желудь, — объяснил Никита, пряча семя в прикрепленный к поясу мешочек. — Дед говорил, что дуб больше тысячи лет живет. Представляете: нас давно не будет, а память в веках останется.

— Дуб — великое дерево, — согласился Иван. — Не зря Перуну посвящено. Там, где дубовые срубы колодцев, вода никогда не «цветет», всегда студеная и чистая. Дуб и в воде не гниет, и шашель его не «берет». Солнце, мороз — ему все нипочем!

— Дед говорил: чем больше живет дерево, тем выше качество древесины, — вспомнил Афанасий. — Ободья и полозья гнут из дуба в возрасте сто пятьдесят — двести лет. А какие из него бочонки! Молодец младшой, хорошо придумал!

— Ужинать пора! — поднялся с земли Федор — и, бросив взгляд в сторону кустов орешника, с криком: «Разбойники!» прыгнул к лежавшим возле костра щитам. Мгновенье — и братья, закрывшись щитами и ошетилившись мечами, стали спиной друг к другу, отбиваясь от

выскочивших из кустов двух десятков человек с кривыми саблями и ножами.

Крепка новгородская кольчуга и остра сталь: шесть нападавших лежало убитыми вокруг умело сражавшихся братьев. Заколебались разбойники, надумали отступить, — и сделали братья ошибку: разомкнули круг, решив преследовать врага. Тотчас каждый оказался в окружении. И вот, взмахнув руками, упал Иван от удара в бок, уронил щит изнемогший от ран Афанасий.

— Беги! — крикнул Федор, придя на помощь младшему брату. — Спасайся: я отвлеку!

Замешкался Никита, — и потерял мгновение. Нырнул в кусты, но поздно: догнал его, пробив кольчугу и ударив в спину, нож, брошенный разбойничьим предводителем. Недолго бежал младший брат — и опустился, захлебываясь кровью, на траву. Было слышно, как, в последний раз выкрикнув: «За Русь! За Новгород!», замолчал Федор, и стихли звуки битвы. Послышались голоса: оставшиеся в живых разбойники приближались в поисках младшего брата. Выхватил кинжал Никита, быстро выкопал ямку и положил туда вытащенный из мешочка желудь. У него еще хватило сил засыпать ямку землей и встать, чтобы встретить смерть так, как встречают герои: лицом к лицу. Изрубленный саблями, он упал, и его кровь, пропитав землю, стала той влагой, которая пробудила дремавшую в желуде жизнь.

Прошли годы, сложившиеся в века. Вырос из желудя громадный дуб. Десять человек не могут его обхватить, восемнадцати метров достигла его вершина. Именуется дуб Суворовским: под ним в 1777 году вел русский полководец перед битвой переговоры с посланником султана. Но чаще, глядя на ствол, из основания которого отходят четыре больших сросшихся ветки, напоминающих стоящих друг к другу спинами мужчин, называют дуб «Четыре брата» — в память о русских купцах, привезших желудь из далекого Новгорода.

Килеса Вячеслав Владимирович
г. Симферополь

Город Белогорск (до 1944 г. Карасубазар) – город в Крыму. Согласно российскому административно-территориальному делению – центр Белогорского района Республики Крым, образует городское поселение Белогорск. Расположен на реке Биюк-Карасу в 42 километрах к востоку от столицы Крыма Симферополя. Историческое название города – Карасубазар (измененное после депортации крымских татар), в переводе с крымскотатарского означает «рынок на Карасу». Карасу – небольшая река, на которой расположен город. Ее название дословно переводится на русский как «черная вода» (qara – черный, suv — вода), в тюркских языках так называют реки, начинающиеся выступающими из-под земли родниками (в отличие от aqsuv – белой воды, текущей с горных ледников).

Долина реки Биюк-Карасу была обжита людьми уже 100-150 тысяч лет тому назад. Археологи изучили в белогорской округе несколько стоянок древнего человека эпохи мустье (100-40 тыс. лет до н.э.). По количеству культурных слоев, каменного инвентаря, костей животных этим археологическим памятникам нет равных во всем ближнем зарубежье. Особенно ценны костные останки пяти детских особей неандертальцев.

Более определенная информация о древнем Белогорске относится к V в. до н.э. В это время античные греки создавали свои колонии в Причерноморье. Именно тогда в долине Карасу появилось селение Партакра, которое переросло в крепость Маврон Кастрон (черный замок). К III в. до н.э. эта крепость переходит в руки скифов. В течение пяти столетий скифы владели этими землями. За это время их укрепление дважды разрушалось в войнах и восстанавливалось. Это связано с борьбой Боспорского царства и Херсонеса между собой. Окончательно государство скифов пало в середине III в. н.э. под ударами готов и уже не возрождалось. Но готы не задержались здесь надолго, в 375 г. их вытеснили гунны. Племена гуннов осели на берегах Карасу надолго, их хозяй-

ство было в основном животноводческим. Земледелием они не занимались и ограничивались сбором дани с жителей долины Карасу.

После Рождества Христова, в бурное начало первого тысячелетия, когда целые народы переходили с насиженных мест, создавались и распадались государства, древний город в долине Карасу жил своей, в основном торговой и ремесленной жизнью. Торговля процветала благодаря выгодному расположению города: здесь пересеклись дороги с запада на восток и с юга на север. Из-за гористого рельефа выход к морю был только здесь по линии Белогорск – Приветное. Ближайший перевал на западе – Симферополь – Алушта (Каллистон), на востоке – Грушевка – Судак. В это время Византийская империя осваивает южное побережье Крыма и распространяет здесь христианство. В IV столетии вдоль дороги на перевал Каллистон формируются селения с христианским населением. Жили христиане и в древнем Белогорске. В начале 14 столетия францисканцы имели здесь монастырь.

Почти 800 лет назад на крымских равнинах впервые раздался топот конницы чингизидов, пришедших завоевывать полуостров. Крым становится улусом Золотой орды, а Карасубазар – торговым центром Крымского ханства. Город перенял название реки Карасу, на берегах которой он расположился. В 1768 г. Карасубазар являлся центром одного из 6-ти каймаканств, административно-территориальных округов, разделявших полуостров. В состав Карасубазарского каймаканства входило 10 калдыков, число деревень в которых насчитывалось 342. В Крыму это было крупнейшее по территории и количеству деревень каймаканство.

В 1771 г. русская армия захватила и сожгла город. В нем в то время было до шести тысяч домов, две церкви (греческая и армянская), 38 мечетей и до 50 мельниц. Город пришлось отстраивать заново. Война России с Турцией закончилась тем, что 1 ноября 1772 г. крымский хан Сагиб Гирей подписал с князем Долгоруковым Карасубазарский договор, по которому Крым объявлялся независимым ханством под покровительством России.

Дважды в истории Карасубазар был столицей Крыма. В первый раз Карасубазар стал главной ханской резиденцией в 1737 г. Бахчисарай в тот год лежал в руинах, сожженный и разоренный русскими войсками. Вскоре российские войска ударили и по Карасубазару, причинив городу серьезные разрушения, и новой столицей Крымского ханства он так не стал. А во второй раз город обрел столичный статус в 1783 г., сразу после завоевания Российской империей Крыма. 8 апреля 1783 г. манифестом Екатерины II Крым вошел в состав Российской империи. 28 июня (9 июля) 1783 г. светлейший князь Потемкин, стоя на вершине скалы Ак-Кая, принимал присягу у новых подданных ее императорского величества. Первыми присягала верхушка местного общества и лица духовного звания, а за ними уже – все простолюдины. По распоряжению князя Карасубазар стал административным центром полуострова и был им до конца 1784 г.

Жители Карасубазара занимались ремеслом и торговлей. Особенно было развито кожевенное и сафьяновое производство. Были построены христианские храмы: Никольский, Ильинский и армяно-католический. Во время Крымской войны (1854-56 гг.) в городе были развернуты несколько госпиталей, где лечили раненых. За время войны сюда было перевезено около трех тысяч солдат и офицеров. В 1869 г. в городе открывается телеграфная станция.

Главное богатство города Карасубазара и его окрестностей – фруктовые сады. В Карасубазарском районе до 2000 гектаров садов, дающих фрукты, преимущественно яблоки высокого качества, вывозимые на север и за границу. По долинам рек Большой и Малой Карасевок развито огородничество.

В городе было три табачных фабрики, четыре кожевенных и несколько сальносвечных и мыловаренных заводов. В деревнях население, по свидетельству ученого-крымоведа В.Х. Кондораки, занималось хлебопашеством, садоводством, пчеловодством, выделкой сафьянов, приготовлением седел, обуви, уздечек, плеток, кушаков и кисетов, бурок и войлока, трубок из черной и красной глины.

Карасубазар стал в эти годы родиной многих людей, прославившихся своими деяниями. Здесь похоронен Лазарь Маркович Серебряков (до службы на флоте – Казар Маркосович Арцатагорцян; 1792-1862) – российский адмирал, участник Кавказских походов и Крымской войны, член Адмиралтейского совета. 15 (27) мая 1893 г. в Карасубазаре появился на свет в семье чабана Бекир Ваапович Чобан-заде – крымско-татарский поэт, ученый-тюрколог, специалист в области тюркских языков и литературы. 5 февраля 1899 г., пятый из восьми детей в семье мела-меда, родился в городе Карасубазаре ученый-медик, специалист по костному туберкулезу Арон Зусьевич Соркин, лечивший одно время Льва Троцкого. 5 сентября 1903 г. в г. Карасубазаре в многодетной крымчакской семье (одиннадцать детей) родился Евсей Исаакович Пейсах – просветитель, публицист, исследователь истории и культуры крымчакского народа. Довольно интересной является личность народного героя, борца за справедливость, «крымского Робин Гуда» Алима Азаматоглу, прозванного в народе Алима Айдамак («Разбойник»).

К началу XX в. население Карасубазара уменьшалось и составляло по переписи 1910 г. 17122 человека. Имелось 24 храма: 15 мусульманских, 5 иудейских, 2 православных, 1 католический, 1 армяно-григорианский. Действовало 24 школы с 1229 учениками, был один банк и 18 постоянных дворов. Было два врача, два фельдшера и сорок повивальных бабок, 102 дворянина и 163 служащие церкви. Ремеслом занимались 598 человек, торговлей – 1071 человек.

В первое десятилетие XX в. в Карасубазаре намечается промышленный рост: появляются четыре кожевенные заводы и две винокурни, два черепичных предприятия, возобновляют работу табачные фабрики, в мастерских изготавливают бочки для вина и тару для фруктов. На реках Большой и Малой Карасевки мололи зерно 5 вальцевых мельниц, снабжавших мукой население южного берега Крыма. Был построен аэроплановый завод Адаменко, на котором 500 рабочих собирали летательные аппараты «Ньюпор». В 1906 г. в Карасубазаре про-

живали 14580 человек: 7728 лиц мужского пола, 6852 лица женского пола.

В начале марта 1917 г. в Карасубазаре, как и в других городах Крыма, был создан орган Временного правительства – комитет общественной безопасности, руководящая роль в котором принадлежала кадетам. Как и раньше, продолжала действовать городская дума. В марте в городе образовались Советы рабочих и солдатских депутатов. Вскоре они объединились. 22 марта (4 апреля) 1917 г. состоялось первое заседание Карасубазарского Совета рабочих и солдатских депутатов. Большинство в ней принадлежало меньшевикам и эсерам. В марте 1917 г. в городе появились три профсоюзные организации: «Металлист», «Пищевик», «Рабочземлес». 6 января 1918 г. в Карасубазаре была установлена советская власть. Председателем первого городского военно-революционного комитета стал рабочий аэропланного завода Я. Вороненко; членами комитета – командир Карасубазарского красногвардейского отряда К.Ф. Карнаухов, начальник штаба этого отряда Г.Х. Коваленко, рабочий А.И. Слюсаренко и др.

В феврале-марте 1918 г. Германия по договору с Центральной радой ввела на Украину свои войска. 29 марта 1918 г. по соглашению с Австро-Венгрией Германия включила Крым в зону своих интересов, а уже 18 апреля германские войска, в нарушение условий Брестского мира, захватили Перекоп и вторглись в Крым. В июне 1918 г. они создали крымское правительство во главе с генералом Сулькевичем, в состав которого вошли русские монархисты, немецкие помещики, татарские националисты.

После поражения Германии и ухода немцев в Севастополь вошли войска Антанты. К началу 1919 г. союзники высадили в Севастополе порядка 5,5 тысяч солдат, к апрелю 1919-го интервентов было уже до 22000 (по 2 французских и греческих полка, а также порядка 7000 сенегальских стрелков). Было создано новое крымское краевое правительство во главе с С. Крымом, крупным землевладельцем и промышленником, членом царского Государственного совета.

В июне 1919 г. Крым захватывает Добровольческая армия генерала А.И. Деникина. Сменивший А.И. Деникина главнокомандующий П.Н. Врангель решил сделать Крым своеобразным «опытным полем», на котором можно было бы создать «модель Белой России», альтернативную «России большевицкой».

В ноябре 1920 г. в Крыму установилась советская власть в лице Крымского революционного комитета. На местах были созданы уездные, городские, волостные, сельские революционные комитеты, существовавшие до июля-октября 1921 г., то есть до окончания работы по организации органов советской власти – Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

Большие бедствия нанес голод 1921 г., во время которого погибло много людей, закрылись почти все предприятия города. В поисках работы и хлеба тысячи жителей выезжали из Карасубазара. Население уменьшилось до 5 тысяч человек. В это тяжелое время в город приехал М.И. Калинин. Выступив на митинге, он рассказал трудящимся о мерах советского правительства, направленных на борьбу с голодом. Были созданы комитет взаимопомощи, бесплатная столовая, проводился сбор денег для помощи голодающим. Для этого ставились платные спектакли. В лесу на заготовке дров для пуска предприятий работали все трудоспособные мужчины в возрасте от 18 до 45 лет.

В 1924 – 1926 гг. в Карасубазарском районе действовали следующие предприятия и хозяйства: племенной совхоз «Чотть», совхозы «Эшкинэ», «Аргануг», «Мариано», «Новая Бурульча», госмельница «Шавхал». 21.10.1925 г. в двухэтажном здании сельскохозяйственного техникума прошла выставка сельхозпродукции и животноводства. Было представлено 30 голов скота, несколько хозяйств премировано. На площади вблизи выставки были устроены соревнования по татарской борьбе и скачки на лошадях с выдачей призов. Играла татарская музыка, бил барабан. 5.11.1925 г. произведен подсчет урожая в Карасубазарском районе: пшеницы с 10544 десятин собрано 957,4 тысяч пудов, ржи собрано с 551 де-

сятин 328 тысяч пудов. В Карасубазаре в эти годы квартирует 7-й стрелковый полк во главе с командиром Вахутинским.

В 1932 г. в Карасубазаре начала издаваться районная газета «Коммунист», ее рабселькоровский актив насчитывал 153 человека. Одним из первых редакторов газеты был Хаялиев. В апреле 1935 г. в городском кино-театре установили звуковую аппаратуру.

Для созданных в Карасубазарском районе колхозов и совхозов необходимо было централизованное орошение, и в результате с января 1934 по 1 ноября 1938 г. на Джайваганской балке – левом притоке реки Биюк-Карасу – трудами заключенных исправительного лагеря и отчасти местных жителей создается самое крупное водохранилище Крыма – Тайганское водохранилище (название – в честь соседнего села Тайган). Все работы велись кирками и лопатами, изредка на самые тяжелые работы привлекались лошади. В 1970 г. для орошения сельскохозяйственных земель рядом было построено Белогорское водохранилище.

В октябре-ноябре 1941 г. немецко-румынские войска оккупировали Крым (кроме Севастополя и Балаклавы, захваченных в июле 1942 г.), и на его территории началось создание органов оккупационной администрации, которая складывалась из трех основных ветвей: гражданской, военной и полицейской. Карасубазар захватил 42-й корпус 170-й пехотной дивизии немцев 1 ноября 1941 г., уйдя дальше на Симферополь. С 1 ноября 1941 по 13 апреля 1944 г. город находился под оккупацией германских войск. Карасубазарский район стал ареной боевых действий партизан с немецкими войсками. Командиром Карасубазарского отряда партизан был директор карасубазарского лесхозага В.Л. Тимохин. В Зуйском отряде стал командиром председатель Зуйского райисполкома Литвиненко. Позже командиром Карасубазарского отряда стал Зарецкий, комиссаром – Каманский.

12 мая 1944 г. Красная армия при поддержке партизан уничтожила находившуюся в Крыму 17-ю армию вермахта.

За день же этого, 11 мая 1944 г., И.В. Сталин подписал Постановление Государственного Комитета Обороны СССР № ГОКО-5859 о выселении всех крымских татар с территории Крыма. Операция по депортации началась рано утром 18 мая и закончилась в 16:00 20 мая 1944 г. Депортации из Крыма подверглись и другие народы. Еще в августе 1941 г. было депортировано более 60 тысяч российских немцев. Вместе с крымскими татарами в списки на переселение попали турки, цыгане, караимы. 27 июня 1944 г. произошло выселение болгар, греков, армян. Указом Верховного Совета СССР от 30 июня 1945 г. Крымская АССР преобразована в Крымскую область.

За послевоенные годы в юго-западной части города выросли новые жилые кварталы. Только в 1972 г. построено 86 новых квартир, капитально отремонтировано 19 домов общей площадью 1943 кв. метра. На центральной магистрали города – улице Луначарского – вместо старых низких домов возведены двухэтажные светлые здания. Улица широкая, асфальтированная, с красочными клумбами цветов и тенистыми деревьями. Любимым местом отдыха трудящихся Белогорска стал городской сад, посаженный после войны, а также пионерский сквер, в центре которого установлен памятник В.И. Ленину. На окраинах города с помощью общественности работники коммунального хозяйства посадили сосновый бор. На реке Большой Карасевке благоустроен пляж.

В городской торговой сети в те годы насчитывается 44 магазинов и ларьков, торгующих продовольственными и промышленными товарами, а также ресторан, кафе, на предприятиях открыты столовые и буфеты. К услугам населения – две обувные, пошивочные мастерские, ателье мод, мастерская по ремонту бытовой техники, три парикмахерские, фотоателье, бюро добрых услуг. Выстроены новые две школы, больничный комплекс, музыкальная и спортивная школы, универсамы.

В 1989 г. в Белогорске проживали 18045 человек, в 2001 г. – 18 420 чел. (37% русских, 28% крымских татар, 24% украинцев). По итогам переписи населения в Крымском федеральном округе по состоянию на 14 октября

2014 г. численность постоянного населения города составила 16354 человека.

В настоящий момент сельскохозяйственную отрасль района представляют 58 сельскохозяйственных предприятий всех форм собственности и 35 фермерских хозяйств, на которых занято более 2 тысяч человек. Из них наиболее успешно решают вопросы увеличения объемов производства сельхозпродукции ЧСП «Украина», ЧСП «Агрофирма «Зеленогорск», ООО «Содружество», ООО «Эра-21», ООО «Новожиловский», фермерские хозяйства «Пионер», «Лаванда», «Базис-99» и др.

Промышленность города представлена сейчас следующими предприятиями: ООО «Ульяновские известняки», ООО «Белогорское карьероуправление», ООО «Белогорский завод строительных материалов», ПК «Дорожник-61» (основной вид деятельности – добыча и реализация строительных материалов), ГП «Белогорское лесное хозяйство», ООО «Белогорский инкубатор». Развивается малый бизнес. Стабильно работает Белогорский государственный лесхоз, образованный в 1931 г. на базе частных, государственных и коллективных лесов. Предприятие обеспечивает комплексное ведение лесного хозяйства. Успешно осуществляет деятельность по привлечению туристов бывшее охотничье хозяйство руководителя СССР Н.С. Хрущева – фазаний питомник-заповедник «Холодная гора», а также созданный на его базе гостиничный охотничий комплекс.

Социальную сферу города представляют 3 дошкольных учреждения образования, 4 общеобразовательных школы, из них одна школа-гимназия и одна школа-лицей, профессионально-техническое училище сельскохозяйственного назначения, 2 лечебных учреждения (районная больница и поликлиника), Дом культуры, 3 библиотеки, историко-краеведческий музей, музыкальная школа и школа искусств, кинотеатр 3D Imax, детская спортивная школа, стадион, центр детского и юношеского творчества. Рядом с городом находится сафари-парк «Тайган», в котором около 50 африканских львов свободно живут на площади более чем 30 гектаров.

В районе тиражом более 3,3 тысяч экземпляров дважды в неделю выходит общественно-политическая газета «Сельская новь».

В городе функционирует православный Свято-Никольский храм (1793 г. постройки), 2 мечети, музей греческого поселения «Карачоль».

Килеса Вячеслав Владимирович
г. Симферополь

Мы теряем, не приобретая. Мы переходим от одного дела к другому, от предмета к предмету, считая это главным, словно не догадываясь, что наиважнейшее для человека – это жизнь, где главным всегда было общение, сопереживание, сосуществование поколений.

Честно говоря, День крымской литературы в городе Севастополе ни в каком календаре не отмечен и праздником не считается. Он был придуман для встреч, и они состоялись: с 26 по 28, в дни жаркого августа 2006 года, когда небо еще не успело стать облачным, а море продолжало притягивать к себе отдыхающих. Писатели из Симферополя, Бахчисарая, Евпатории, Белогорска с удовольствием ощутили себя гостями, для которых в Центральной городской библиотеке имени Л.Н. Толстого были организованы интересные мероприятия, говорились речи, читались стихи и пелись песни. В.П. Казарин, Т.А. Эссин, В.С. Бушняк, В.С. Фролова, Т.А. Воронина, Н.Ф. Тарасенко очертили своими выступлениями официальную часть, тогда как героями неофициальной, концертной, части были поэты Сергей Овчаренко, Ольга Голубева, Николай Ярко, Андрей Агарков, Виктор Ингеров, Борис Бабушкин, барды Владимир Губанов, Виталий Фесенко, Сергей Кузнецов и другие, другие...

Разговоры, прогулки по севастопольской набережной, снова разговоры... Нужно успеть выплеснуть, рассказать, поделиться тем, что накопилось: прошел год с предыдущей встречи, и не все виделись в этом промежутке, а если и виделись, то на бегу, от дела к делу. Пути, ведущие мимо человека, и только здесь, в Севастопо-

ле, можно остановиться, оглянуться и сказать: «Здравствуй, это я».

Автобус, Черноморская эскадра, поделенная политиками на русскую и украинскую, а для писателей оставшаяся единой, краснофлотской, отстаивавшая Севастополь в годы войны. Экскурсии по кораблям, обмен стихами, песни, внимательные глаза мальчиков в матросской форме, рукопожатия и улыбки офицеров, телефонные звонки Т.А. Эссин с благодарностью. Вымпел, врученный капитаном второго ранга Сергеем Соколиком вместе с написанным за время концерта стихотворением. Жизнь, существующая рядом: незаметная в мирные дни и основная в военные годы.

Ночь в общежитии, а утром – Херсонес с его знаменитым Владимирским собором и остатками строений древнейшей цивилизации. Музейные экспонаты, помнящие другие времена скульптуры. Солнце: то самое, белое, из кинофильма. Усыпанный камнями берег, неохотно пропускающий босые ноги к воде. «У моря, у синего моря со мною ты, рядом со мною...». Гитара, стихи, разговоры. Неожиданное знакомство с председателем киевского Дворянского собрания. Фотографии на память, обещания встреч: сколько их, не выполненных и несостоявшихся?!

А потом – дорога, у каждого своя. До свидания, Севастополь! До следующего года!

*Клименко Светлана Викторовна
с. Новосельское
Черноморский район*

В марте 1929 года рокот тракторов разбудил ковыльную и полынную, каменистую и засушливую тарханкутскую степь. В этот год, год первой советской пятилетки, на освоение крымских целинных земель прибыло более двухсот бывших красноармейцев, юношей и девушек тех далеких тридцатых годов.

Село было основано в 1929 г. – как будущий центр вновь создаваемого совхоза «Евпаторийский». В этом го-

ду в Крыму было организовано всего четыре совхоза: «Евпаторийский», «Феодосийский», «Симферопольский № 1» и «Симферопольский № 2».

Первыми жителями совхоза «Евпаторийский» были евреи, татары и переселенцы из Украины и Казахстана. Костяком села стали моряки, уволенные в запас и на суше получившие профессию тракториста. Это нынешние старожилы села А.Назаровский, И Залевский, С.Сиборов. Первым директором этого молодого хозяйства был А.Горбань, начальником политотдела И.Снятков, секретарем комсомольской организации А.Гукасян, старшим агрономом С.Бодыгин. Под их руководством выращивали первый урожай молодые рабочие А.Бабаевский, С.Сиборов, А.Журавлева, К.Бузицкий и др.

В 1934 г., после злодейского убийства С.Кирова, совхоз был переименован в совхоз имени Кирова. На территории совхоза было организовано четыре отделения: в с. Журавлевка – отделение № 1, в с. Степное (этого села уже нет) – отделение № 2, в с. Леоновка – отделение № 3, в с. Красная Поляна – отделение № 4. Управляющими на этих отделениях были А.Горбунков, С.Галицкий, В.Олейников, К.Бузицкий.

До 1932 г. центральная усадьба находилась в селе Красная Поляна, а в 1934 г. ее перевели в совхоз им. С.М. Кирова. В этот период в совхозе были построены три двухэтажных дома, барак, а также улица с двадцатью шестью домами для переселенцев. После массового заезда переселенцев из Украины и Казахстана началось строительство центральной улицы Ленина.

Большим уважением пользовались в хозяйстве супруги Александр Матвеевич и Дарья Яковлевна Меняйло. Они были первыми строителями совхоза «Кировский». В 1932 г. Дарья Яковлевна окончила курсы трактористов. Она была единственной женщиной-трактористом в селе. В 1935 г. стала участницей слета лучших механизаторов области в Симферополе.

В предвоенные сороковые в совхозе имелось 90 отечественных тракторов, 18 автомобилей, свиноферма на 150 свиней и коровник на 140 голов крупного рогатого

скота. Посевная площадь составляла 11 тысяч гектаров. Со временем были построены баня, пекарня, мельница, маслобойня (в с. Дозорное), столовая, детский сад, чулочная фабрика, центральная ремонтная мастерская, кузница.

Но мирный труд был нарушен фашистскими извергами. Стар и млад встали на защиту нашего Отечества. Многие «кировчане» приближали день Победы с оружием в руках на фронтах Великой Отечественной войны и в подполье. Многие не вернулись с полей сражений, защищая честь и свободу нашей Родины, но дело погибших с удесятеренной силой продолжали вернувшиеся с фронта солдаты Великой Отечественной: братья Василий и Иван Мымриковы, П.Пиндюра, Н.Лупенко, В.Семенцов, В. Дудинов и многие другие. Они поднимали из руин родное село, разграбленное румынскими солдатами. После освобождения Черноморского района от немецко-фашистских захватчиков 17 апреля 1944 г. к обязанностям директора совхоза приступил кадровый военный С.Егошин.

Старожилы рассказывают, как создавалось богатство хозяйства руками сотен и тысяч людей, какой подвиг они совершали во имя сегодняшнего дня. Об этом свидетельствует и приказ директора совхоза, сохраненный в архивах за № 18 от 22 июня 1944 года: «Приказываю,* кошение производить рано утром с перерывом в сильную жару, и после обеда косить до самой темноты. Немедленно переключить на сбор колосков всех свободных рабочих и детей. За недобросовестную работу будете привлечены к уголовной ответственности...» Сейчас даже трудно представить вот такие документы, которые писались руками руководителей хозяйств, МТС, районных организаций. Время было не из легких, потому повсеместно требовалась высокая дисциплина, организованность.

Вторым директором совхоза был И.Горбань, третьим А.Румянцев, председателем сельского совета — Г.Сукнистый.

В совхозе выращивали зерновые, кукурузу. С 1950 по 1951 г. была попытка выращивать хлопок, но климатические условия не были пригодны для этой культуры.

* Пунктуация документа сохранена.

С 1957 по 1959 гг. под лозунгом «Превратим земли Крыма в цветущие сады и виноградники!» пустующие земли стали засаживать виноградниками, начало бурно развиваться садоводство.

Расцвет совхоза начался с приходом в него на должность директора Федора Павловича Кухтина. Началось интенсивное строительство жилых домов, расширялось животноводство. Увеличилось поголовье коров, свиней, была построена птицеферма. При этом директоре были построены больница, детский комбинат, аптека, школа, универсам, дом культуры.

В 1967 г. были созданы два первых механизированных звена: 1 звено – звеньевой Петр Евгеньевич Микишенко, 2 звено – звеньевой Леонид Афанасьевич Ихно.

Профессия механизатора была самой уважаемой в селе, т. к. от результатов работы механизаторов зависело наполнение складов зерном для кормления коров, свиней, кур.

В 1972 г. Федор Павлович Кухтин умер. Продолжили его дело С.Гриценко, В.Кустов...

История села Кировское очень богата. Мы должны знать свою историю и помнить, для того чтобы не исчезло бесследно прошлое, чтобы наше подрастающее поколение знало свою культуру, традиции, обычаи, свой родной язык. Плох тот народ, который не помнит, не ценит и не любит своего прошлого.

Климчук Валентина Александровна
г. Керчь

Ежегодно в последнее воскресенье мая в Керчи отмечают День партизан. Эта традиция уходит своими корнями в начало 1930-х гг. и непосредственно связана с Аджимушкайскими каменоломнями.

Что представляют собой Аджимушкайские каменоломни? Это группа подземных выработок, расположенных под поселком Аджимушкай (микрорайон города Керчи). Здесь издавна добывался известняк-ракушечник для строительных целей. Подземная добыча камня нача-

лась во 2 пол. 19 в. и велась с перерывами до начала Великой Отечественной войны (после войны добыча была полностью прекращена).

Точное время возникновения пос. Аджимушкой неизвестно. Впервые название поселка встречается на одной из ранних карт Керченского полуострова, составленной русскими военными топографами в 1772 г. В топографическом описании инженер-полковника Томилова указывается «... 5) Хадчи-Мышкой, где черкесы жили...». В документах 19 в. название поселка пишется «Аджи-Мушкой» и созвучно современному. Предположительно, оно взято из тюркского языка и имеет несколько значений: «серый камень», «человек, совершивший Хадж» (паломничество в Мекку). Действительно, белый пыльный известняк, месторождение которого располагалось на этой территории, при воздействии определенных погодных условий становится серым. Отсюда и название – «серый камень». Имеет право на существование и вторая версия. Проживавшие в поселке мусульмане исповедовали ислам. Для них паломничество к храму Кааба в праздник Курбан-Байрам было великим событием. Люди, совершившие хадж, почитались святыми, поэтому не исключено, что в названии поселка зафиксирован именно этот эпизод жизни одного из его жителей. Известный специалист по тюркской топонимике Крыма В.А.Бушаков связывал появление топонима «Аджимушкой» с черкесами (перевод «святой паломник – сын Муша»). В обосновании, которое давалось при подготовке документов по переименованию населенных пунктов в 1948 г., есть упоминание о богатом феодале-татарине по имени Аджи, бывшем муллою. Таким образом, на сегодняшний день исследователи не пришли к единому мнению о происхождении названия поселка.

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 18.05.1948 г. пос. Аджи-Мушкой был переименован в Партизаны. После административного присоединения села к городу Керчь название «Партизаны» вышло из употребления. В настоящее время микрорайон известен под своим историческим названием – Аджимушкой.

Нигде в Керчи так не ощущается связь времен, как в Аджимушкае. История города неразрывно связана с Аджимушкайскими каменоломнями. В годы Гражданской и Великой Отечественной войн они становились очагами яростного сопротивления врагу. В период Гражданской войны здесь базировались партизаны. В 1919 г. Аджимушкайские каменоломни стали центром вооруженного восстания в Керчи, которым руководил председатель Военно-революционного штаба С.Т.Самойленко. Особую известность каменоломни получили в годы Великой Отечественной войны, благодаря действовавшим в них партизанским отрядам (1941 и 1943 гг.) и легендарным подземным гарнизонам (1942 г.), сформированным из остатков частей Крымского фронта, прикрывавших переправы, оказавшихся в окружении и сопротивлявшихся врагу на оккупированной территории на протяжении почти полугода.

В 1967 г. в Центральных Аджимушкайских каменоломнях была открыта подземная экспозиция Музея истории обороны Аджимушкайских каменоломен. В мае 1982 г.а начал работу Мемориальный комплекс «Аджимушкай», который сегодня, кроме подземной экспозиции, включает в себя выставки в пилонах и является памятником Федерального значения.

День партизан, который отмечается в пос. Аджимушкой, связан с базировавшимися в каменоломнях партизанскими отрядами. По аналогии с ними, воинов-окруженцев, сражавшихся в Аджимушкайских каменоломнях в 1942 г., также стали именовать партизанами.

Впервые День каменоломен отмечался 5–6 июня 1921 г. Были проведены массовые торжественно-траурные мероприятия, в ходе которых партизанам-аджимушкайцам в качестве награды за революционные заслуги вручили Красное знамя уездного комитета ВКП(б). В 1953 г. в поселке, на братской могиле партизан, погибших в 1919 г., установили памятник – прямоугольный обелиск, увенчанный изображением серпа и молота. После создания Музея истории обороны Аджимушкайских каменоломен (1967) и открытия Мемори-

ального комплекса «Аджимушкай» (1982) День каменоломен стали называть Днем партизан. Традиционный митинг и театрализованное представление проводились теперь непосредственно у Мемориала – вспоминали героическую 170-дневную оборону каменоломен подземными гарнизонами в мае–октябре 1942 г. «Керченский Брест, непокоренная крепость на Крымской земле», – так называли люди легендарный Аджимушкай за его бессмертный подвиг.

Аджимушкайские каменоломни – наша боль и наша светлая память. Каждый год приходят сюда керчане и гости города в последнее воскресенье мая, чтобы отдать дань памяти героям.

***Клочков Иван Николаевич
Рук. – Гилан Людмила Ивановна
с. Изюмовка
Кировский район***

Я живу в Крыму, учусь в 5 классе общеобразовательной школы села Первомайское. Это в двадцати километрах от города воинской славы Феодосии, рядом с небольшим городком Старый Крым. Хочу рассказать вам о моем прадеде – гвардии лейтенанте Дерябкине Григории Андреевиче, который родился в далеком 1908 году. За свою жизнь он прошел две войны: финскую 1939 – 1940 гг. и Великую Отечественную 1941 – 1945 гг.

Когда началась Великая Отечественная, он был призван на фронт не рядовым солдатом, а командиром взвода пеших разведчиков, так как за его плечами был боевой опыт. Участвовал в двух десантах по освобождению Крыма. В ходе первого, в ноябре–декабре 1941 г., был ранен. В десантной операции 1943 г. получил контузию.

В моем родном селе Изюмовка, расположенном по трассе Керчь – Симферополь, между селом Первомайское и городком Старый Крым, есть памятник воинам-десантникам. Мама мне рассказывает, как освобождали Изюмовку и Старый Крым. Мой прадед был в числе освободителей. Памятник находится на месте бывшего

противотанкового рва, где немцы расстреляли и зарыли воинов-десантников, взятых в плен в Изюмовке, которая еще была занята фашистами, а Первомайское уже было освобождено. Советские солдаты, участвовавшие в операции, в основном были из соседних сел, в том числе и из Изюмовки, как и мой прадед. Несколько лет они не видели родных, не знали, что происходит на оккупированной территории. Командование запретило идти на вражескую территорию, а бойцы упрашивали командиров: дом рядом – рукой подать... Там семьи: жены, дети, старики. Уговаривали и прадеда, но он не мог нарушить приказ, хотя душа рвалась домой...

Я помню бабушку Валю, которая своими руками, будучи тринадцатилетней девочкой, вместе с односельчанами рыла тот самый ров по приказу немцев, в котором враги закопали расстрелянных солдат, пришедших домой ночью. Идя к родным, воины не знали, что дома их пусты (как и дом прадеда Григория, теперь наш): всего за день до освобождения села женщин и детей вывезли в Австрию.

Григорий Андреевич воевал до конца войны. В 1945 году получил орден Красной Звезды и благодарность Верховного главнокомандующего тов. Сталина. До последних своих дней (умер он в 1992 году) не любил вспоминать войну и ордена одевал лишь в самых исключительных случаях. Мама мне рассказывает, что прадед часто вместе с ней ходил к памятнику десантников; держа ее за руку, долго стоял, вздыхая, даже разговаривал с кем-то, называя имена земляков.

Летом мы приезжаем в Феодосию к маяку. Подолгу смотрим на обрывистый глинистый берег, по которому в далеком 1943 году прорывался с боем мой прадед, освобождая Крым от немецко-фашистских захватчиков. Здесь тоже есть памятник воинам-десантникам. Указом Президента России 6 апреля 2015 г., ко дню освобождения Феодосии, городу было присвоено почетное звание – Город воинской славы.

Я никогда не видел своего прадеда, но знаком с семейными реликвиями: это фотографии с фронта, пожел-

тевшие от времени, удостоверение гвардии лейтенанта Дерябкина Г.А. за номером 00163, боевые награды и «Боевая характеристика» 1945 г., где сказано, что «гвардии лейтенант Дерябкин Г.А. в боях за советскую родину проявил себя храбрым, инициативным и дисциплинированным офицером, умеющим разбираться в боевой ситуации и вести бой».

Я горжусь своим прадедом. Хочу быть на него похожим.

***Ковалишина Наталья Евгеньевна
с. Новониколаевка
Ленинский район***

Одной из важных достопримечательностей нашего села является «Этнографический музей им. Ю.А. Клименко». Музей создавали супруги Клименко Юрий Андреевич и его супруга Клименко Валентина Алексеевна.

Юрий Андреевич родился 31 мая 1936 года в деревне Новониколаевка. Ребенком застал войну. После войны Юрий Клименко переростком учился в местной школе. В соседнем Чистополье окончил 10 классов. С детства рисовал. Рисовали братья, родичи. Пошел в армию. Там выучился на шофера. Работал. Заочно окончил Московское художественное училище имени Крупской. Работал в колхозе кузнецом-молотобойцем, мотористом. Плавал с рыбаками в Азовское и Черное моря. В Керчи встретил свою будущую жену – Валентину Алексеевну, которая работала крановщицей. Вернулся-таки в село – к старикам ближе. Жена и друг Валентина Алексеевна во всем его поддерживала и помогала. Она тоже работала в колхозе, сначала крановщицей в строительной бригаде, а потом комендантом колхозного общежития. Заработки у них были небольшие. И когда для покупки интересной вещи возникала нужда в деньгах, они нанимались на какую-нибудь частную стройку, работали допоздна. Подрабатывали, где только могли.

Работал художником в Доме культуры, собирал свою коллекцию. Был председателем сельсовета – соби-

рал. Это – страсть, которая родилась еще в юности. Стариков-родичей у него полсела. Умирают деды. Пока они живы, лежат при них старые вещи. Ведь с ними человеку трудно, почти невозможно расставаться. А умрут – и начинает молодежь гадать, куда деть хлам. Она, молодежь, долго голову не ломает – в сарай, а то и на свалку. Или детишкам на забаву. Те их затаскают, изломают – пропали вещи. А вещам, может, сто лет, а то и больше. Стало жаль: «Отдайте мне, пусть у меня лежат». И стал складывать все в сарайчике, в гараже. Первыми вещами, взятыми на сохранение, оказались керосиновые лампы, постолы... Очень его забавляли и удивляли пословицы и поговорки, особенно местного новониколаевского происхождения. Стал записывать присказки, меткие слова, легенды. Собирал Юрий Клименко песни. Добыл гармошку старую, довоенную, тульский баян... Шло у него это стихийно, случайно. Но подумал как-то: а ведь это все связано. Постолы, лампы, иконы, уздечки, ухваты, горшки, рушники – все они иллюстрируют словесную картину жизни. Так родилась идея коллекции, музея. Ездил в Египет. Видел там пирамиды. Потрясло это все его. Но... Тогда же у тех пирамид и подумал: а ведь моя земля, моя Новониколаевка тоже вполне достойна быть запечатленной, ее история тоже ценна. «Города и села могут быть маленькими, но их история – никогда», – это из материалов учредительного съезда Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Годы двадцатые... Понял тогда Юрий Андреевич, что просто коллекционировать, что под руку попадет, – еще не дело. Дело – в системе, в знаниях, в цели, какую себе ставишь. А цель определилась такая: не склад старых вещей, не коллекция ради коллекции, но – музей. Музей села Новониколаевки, которое «есть пошло» от тех далеких времен конца XVIII века, когда сюда, в сухие крымские степи, переселились предки Юрия Клименко – полтавские крестьяне. Музей – памятник тем, кто первый распахал целину, сухую степь и вырастил первый урожай, тем, кто поставил хату под глиняной или камышовой крышей, а в

ней русскую печь, кто первый испек настоящий пшеничный хлеб.

Знаний было мало. Наладил связь с Ленинградским музеем этнографии. Сам поехал на курсы по музееведению. Там его приняли: понимали, разделяли и страсть, и мысль. И вот он собирает мемуары старожилов. Сфотографировал все старые дома и их владельцев. Записал на магнитофон образцы речи, устные рассказы о тех давних временах. Идея стала шире. Родного села не хватает. Работает над бывшим Феодосийским уездом. Знает все села и поселки на Керченском полуострове. И его знают. Знают не только тут – далеко за пределами Крыма. С Полтавы, с родины своих предков, привез ткацкий станок. Справедливости ради надо сказать, что до него в Новониколаевке тоже были собиратели. В старом амбаре стояла коллекция сельхозинвентаря, которую Клименко сохранил и приобщил к своей. Так что же дальше? Большое дело можно одолеть только сообща. Но жизнь красноречиво говорит нам, что часто, очень часто дело затевает и держит на своих плечах, подобно атланту, энтузиаст-одиночка, подвижник.

Музейного добра накапливалось все больше и больше – в доме, во дворе, сарае, в кладовке всему этому уже не хватало места. Войдя во вкус, Юрий Андреевич начал собирать и крупные орудия крестьянского труда. Слух об этой удивительной усадьбе разошелся по району и области. Зачастили гости из школ и пансионатов. Музею позарез нужно было расширяться, но доводы, которые приводил Юрий Андреевич колхозному руководству, увы, понимания не находили.

В стране началась перестройка. Юрий Андреевич, как и многие, возлагал на нее великие надежды. Покуда же все было смутно и неопределенно, супруги Клименко решили начать обустройство своими силами. Задумка была не простая: переехать с улицы Львовской, где они жили, в просторную усадьбу его матери Клавдии Андреевны по улице Первомайской и переоборудовать ее дом, возведя специально для художественных экспонатов второй этаж. Заманчивость этой идеи была еще в том, что здесь

же рядом стояла полуразвалившаяся хатенка, в которой жили деды-прадеды и в ней же родился сам Юрий Андреевич.

Распад великой державы, тревога за судьбу музея не давали спать по ночам. Бессонница выматывала силы. Начало сдавать сердце. Друзья советовали Клименко переехать с музеем в город, в Керчь или Симферополь – под опеку специалистов и надежной охраны. В сельской же глубинке действительно опасно. Он кивал, соглашался. Но сама эта мысль – покинуть родное село – рвала ему душу.

Между тем жизнь шла, музей продолжал работать. У Клименко были свои произведения: стихи, легенды, краеведческие исследования. На втором этаже дома было художественное творчество хозяев дома. На левой стене – выставка работ Валентины Алексеевны: домотканые ковры, вышитые крестиком пейзажи, портрет мужа – и все это выполнено на высоком профессиональном уровне. А напротив – картины Юрия Андреевича: портрет жены, пейзажи родных мест, репродукции великих мастеров.

Руководство колхоза «Красная заря» решилось на благородный поступок. Оно затеяло строительство большого двухэтажного здания для своей конторы, почты и фельдшерского пункта. Старый же конторский дом был еще неплох, его отремонтируют и передадут музею. Это была победа! Первый этнографический музей в Крыму. 19 мая 1991 года состоялось его торжественное открытие. Это был настоящий праздник – с приезжими, музыкой, речами и подарками. Колхозники поднесли Юрию Андреевичу и его супруге роскошный пахучий хлеб, калач. Целовал, но не стал для пробы отламывать горбушку – передал жене. А дома осторожно выбрал из него пахучую мякоть, хорошо высушил и покрыл бесцветным лаком. Чтобы сохранить память о незабываемом дне.

Последнее время он занимался собиранием местного фольклора, преданий, исторических былей. Сидел над материалами допоздна. Но однажды ему стало худо.

Сельский фельдшер срочно направила его в керченскую кардиологию. А на следующий день в двенадцать часов Юрия Андреевича не стало. Это случилось в 2002 году.

В октябре 2010 года не стало и Валентины Алексеевны Клименко. Вот так просто и с умом прожили супруги Клименко, оставив после себя хороший след – «Этнографический музей им. Ю.А. Клименко».

***Козинская Светлана Ивановна
Рук. – Матвиюк Валентина Сергеевна
с. Новосельское
Черноморский район***

2020-й год объявлен Годом памяти и славы. Памяти о героическом прошлом моей страны, моего села и односельчан. Годы Великой Отечественной войны никогда не забудутся. Сейчас, в год 75-летия Победы нашего народа в Великой Отечественной войне, мы должны снова вспомнить тех, кто подарил нам счастье жить в мире.

Ивана Лукьяновича Чумакова помнит не одно поколение жителей села Новосельское, тружеников колхоза «Большевик». С его именем связано строительство села, интенсивное развитие хозяйства.

Иван Лукьянович Чумаков – фронтовик, ветеран Великой Отечественной войны. 23 июня 2006 г. решением Черноморского районного совета его имя присвоено Новосельской библиотеке – филиалу №8 Черноморской централизованной библиотечной системы.

Тем, кто вернулся с полей сражений, отдыхать было некогда. Они поднимали разоренные колхозы. В 1950 г. артель «Начало» и сельхозартель имени М. Горького согласно решению исполкома Черноморского райсовета объединились в одно хозяйство. Возникло новое хозяйство – колхоз «Большевик». А через 6 лет его возглавил Иван Лукьянович Чумаков, которого в селе Новосельское знали и стар, и млад. На протяжении 30 лет он был бесменным руководителем колхоза. Под руководством И.Л. Чумакова в хозяйстве воспитано не одно поколение хлеборобов, животноводов и виноградарей. Его трудовые

достижения и опыт изучали многие колхозы Советского Союза.

Иван Лукьянович родился 10 сентября 1926 года. Детские годы прошли в Казахстане. В предвоенные годы семья переехала в Крым. До войны жила в Раздольненском районе. В 1943 г. Чумаков И.Л. работал слесарем на авиационном заводе, откуда ушел на фронт. В боях за освобождение Крыма от немецко-фашистских захватчиков на Сиваше был ранен.

После демобилизации Иван Лукьянович возвратился в Крым. Некоторое время работал заведующим паспортным столом Черноморского района. По решению районного комитета КПСС в 1953 г. был направлен в колхоз «Большевик». В 1956 г. Иван Лукьянович поступил в высшую партийную школу (г. Симферополь), а после ее окончания возвратился в родное хозяйство, и колхозники избрали его председателем колхоза «Большевик». В 1971 г. И.Л. Чумаков окончил сельскохозяйственный институт им. Калинина.

Отсталое хозяйство, которое принял И.Л. Чумаков, за годы его руководства превратилось в мощное сельскохозяйственное предприятие, неделимый фонд которого на 1 октября 1985 г. составлял 13 015 296 рублей. Машино-тракторный парк насчитывал 73 трактора, 19 комбайнов и много другой техники и механизмов. Главными производственными отраслями колхоза «Большевик» являлись животноводство, виноградарство, производство зерна. За пятилетие построили консервный завод, 4 кошары, коровник, зерносклад. Одним из первых в районе хозяйство перешло от натуральной оплаты труда к денежной.

С ростом мощностей колхоза расстраивалось и село Новосельское. До 1950-х гг. на месте нынешнего села был пустырь. В 1959 г. организован Новосельский сельский совет, первые заботы которого, как и правления колхоза, были о тружениках села, об их детях. Под детский сад и школу приспособляют домики барачного типа. 1 сентября 1960 г. открылась Новосельская начальная школа — дочерняя Черноморской средней школы.

В 1959 г. был выделен переселенческий домик для сельской библиотеки, а в 1962-м она открыла свои фонды для читателей. Правление колхоза всегда уделяло внимание комплектованию фонда библиотеки книгами и периодическими изданиями, сюда регулярно поступало свыше 40 наименований наиболее популярных у сельчан газет и журналов.

Задумывая большое строительство, председатель рассуждал, что, во-первых, нужно построить детский комбинат (детский сад был, но располагался в доме барачного типа – не в такие сады должны ходить дети колхозников). Во-вторых, построить большую светлую школу-восьмилетку, в-третьих, Дом культуры, чтобы как дворец был, а молодежь привыкала к красивому. И вот в 1967 г. вводится в эксплуатацию детский сад «Колосок» на 90 мест, летом 1971 г. завершено строительство новой восьмилетней школы на 500 мест, в 1974 г. начал работать новый Дом культуры, а уже в следующем году сдана в эксплуатацию врачебная амбулатория, в 1979 г. – новое двухэтажное административное здание. Для комфортного проживания сельчан строятся и вводятся в эксплуатацию трехэтажный 18-тиквартирный дом с торговыми залами магазинов на первом этаже, общежитие для малосемейных и холостяков на 100 мест, баня, мастерские, торговый центр, для животноводов на территории молочно-товарной фермы открылся медицинский центр.

Иван Лукьянович заботился о развитии культуры на селе. Приглашал на концерты в новый Дом культуры артистов со всего Советского Союза. Способствовал созданию материально-технической базы учреждений культуры (приобретение оборудования, концертных костюмов). Обеспечивал жильем прибывших работников культуры. Содействовал созданию художественного фильма «Тачанка с юга», съемки которого проходили на территории села. Приходил на все мероприятия, которые проходили в Новосельском Доме культуры. Всю свою жизнь собирал книги и имел хорошую домашнюю библиотеку.

Село приобрело ухоженный вид: зеленые улицы, заасфальтированные дороги. За период с 1970 по 1975 г. 70

семей стали новоселами. В село стремились приехать и приезжали многие люди из других областей и республик бывшего СССР. Стали строиться новые дома, одна за другой появляться улицы. Под руководством И.Л. Чумакова в колхозе сумели создать сплоченный коллектив, состоящий из квалифицированных кадров, подготовить своих специалистов.

Председатель колхоза Иван Лукьянович Чумаков неоднократно избирался членом исполкома сельского совета, депутатом районного совета. К его боевым орденам и медалям заслуженно прибавились награды за доблестный труд: ордена Ленина, Октябрьской революции, «Знак Почета».

По инициативе И.Л. Чумакова в 1974 г. на средства колхоза в селе Новосельском, на высоком холме у дороги, был сооружен большой памятник односельчанам, павшим в боях с немецко-фашистскими захватчиками. В верхней части обелиска высечена пятиконечная звезда, слева – рельефы винтовок с примкнутыми штыками, на тыльной стороне – барельефы солдата, матроса и партизана. А в мае 1985 г. при поддержке правления колхоза «Большевик» и его бессменного председателя И.Л. Чумакова на старом кладбище, где были перезахоронены останки комсомольцев – подпольщиков, погибших от рук фашистов во время Великой Отечественной войны, установлен новый памятник, на котором высечена фигура комсомольца и установлена мемориальная плита с надписью.

В 1986 г. Иван Лукьянович вышел на пенсию. 5 мая 1989 года, после продолжительной болезни, его не стало.

Новосельцы и по сей день вспоминают председателя добрым словом, ведь он любил людей, вместе с ними делал жизнь на селе краше, содержательнее. За его большой вклад в развитие села и колхоза именем Чумакова Ивана Лукьяновича назвали не только Новосельскую библиотеку-филиал, но и улицу в селе Новосельское.

*Коробкина Елена Николаевна
г. Севастополь*

**Севастопольский миф в перекрестном творчестве
Николая Туроверова и Гайто Газданова**

*Уходили мы из Крыма
Среди дыма и огня;
Я с кормы все время мимо
В своего стрелял коня.*

*А он плыл, изнемогая,
За высокою кормой,
Все не веря, все не зная,
Что прощается со мной.*

*Сколько раз одной могилы
Ожидали мы в бою!
Конь все плыл, теряя силы,
Веря в преданность мою.*

*Мой денщик стрелял не мимо –
Покраснела чуть вода...
Уходящий берег Крыма
Я запомнил навсегда.*
Туроверов Н.

Кольцевым эпиграфом крымского и севастопольского мифа исхода участников белогвардейского движения в эмиграцию послужило стихотворение Николая Туроверова «Уходили мы из Крыма» [2]. Оно было написано в 1940 г., спустя двадцать лет после того, как донской казак, офицер белой армии Николай Николаевич Туроверов (1899–1972) в первых числах ноября 1920 г. на корабле, уходившем с Графской пристани Севастополя с донским казачьим корпусом, раненый, покидал Отечество навсегда. Мы сразу отмечаем кольцевую композицию и самого стихотворения, выделяющую образ уходящего берега Крыма, и кольцевую экспрессию автобиографической обращенности сердца поэта к теме крымского исхода двадцать лет спустя из Франции в преддверие войны с Германией. Поэт элегически пронзительно в

воспоминании реконструирует факт севастопольского исхода донского казачьего корпуса, когда кони бросались в воду и плыли за кораблями. Казаки стреляли в коней и стрелялись сами. Мы увидели это много позже в фильме Евгения Карелова «Служили два товарища», вышедшем на советские экраны в 1968 г., в сцене Белого исхода в трагическом эпизоде с поручиком Бруснецовым (Владимир Высоцкий). Офицер стреляется, увидев плывущего за кораблем любимого коня Абрека. Казачье движение окрестило это стихотворение романсом русской эмиграции.

Обратимся к роману Газданова «Вечер у Клэр» [1]. Гайто Газданов (1903–1971) – один из «поколения рассеяния» писателей первой волны литературной эмиграции. Родившись на четыре года позже Туроверова, в начале XX в., с взрослением и личностным становлением в России просто не успел. Он присоединился к Добровольческому движению Врангеля выпускником полтавского кадетского корпуса в неполные шестнадцать лет в 1919 г. Как говорил он позднее, для того, чтобы «узнать, что такое война». Прослужил год рядовым солдатом на бронепоезде, оказался с армией Врангеля в Крыму. На последнем теплоходе отплыл из горящей Феодосии к «берегу турецкому», оставив уходящий берег Крыма за стеной воды и огня навсегда. Стихотворение Туроверова «Уходили мы из Крыма», написанное в 1940 г., могло бы стать кольцевым эпиграфом к первому роману Газданова «Вечер у Клэр», изданном молодым писателем в 1929 г. в Париже.

Поговорим о феномене севастопольского мифа в романе как о внутреннем образе «страны лета» – так окрестил Севастополь герой романа Николай Соседов. В чем же специфика севастопольского текста в канве сознания, обращенного вглубь себя, в воспоминание о том страшном исходе двадцатого года из страны лета – в страну вне времени, в Париж?

Начало романа, ключевая точка, сопряженная в сознании писателя с «воронкой» времени, с «воронкой» воспоминания, это переход из страны вне времени – Па-

рижа – через Сену. «Над Сеной горели, утопая в темноте, многочисленные огни, и когда я глядел на них с моста, мне начинало казаться, что я стою над гаванью и что море покрыто иностранными кораблями, на которых зажжены фонари» [1, с. 3]. Это символ реки памяти Мнемосины, в которой возрождается время, ибо вызывает к жизни прошлое, а память, воображение, реальность, жизнь романа вызывают в памяти ключевое воспоминание из «страны лета», страны Леты. Севастополь, гавань, море, покрытое иностранными кораблями, покрывало из кораблей.

Емки в этом контексте метафоры пространства: гавань Севастополя как покрывалом была покрыта иностранными кораблями. Метафора корнями уходит в историю Крымской войны, когда погребальным покрывалом бухты стали наши затопленные корабли. Для того чтобы вновь эта метафора вернулась в начало двадцатого века, когда иностранные корабли увозили навсегда белый цвет России, оставшийся в пространстве времени, покрывалом Леты, живые, умирающие и мертвые «тщетно пытались наполнить большое пространство моря, воздуха и снега каким-то своим, не божественным смыслом» [1, с. 153]. Севастополь превращается в трагическую «зону российского притяжения», в зону утраты России, в зону российской Леты: «возвращаться отсюда назад в Россию невозможно; казалось, море всегда было входом в нашу родину, которая находилась далеко от этих мест...» [1, с. 152].

Интересна газдановская картина весны и лета 1920 года в Севастополе: «Вся грусть провинциальной России, вся вечная ее меланхолия наполняла Севастополь». Все звучало печалью и давно утерянной душевной чувствительностью, горожане «точно участвовали в безмолвной минорной симфонии театрального зала; они впервые увидели, что и у них есть биография, и история их жизни, и потерянное счастье, о котором раньше они только читали в книгах». Представлялись герою «глиняные горы Севастополя – как древняя Стена Плача». Такова газдановская меланхоличная страна лета – Севастополь в

преддверии наводнения летейскими водами. Кольцевой метафорой севастопольской бухты, многоголосием отбивающих склянок во всех ее концах, – все это еще живые последние ночные сигналы России. Звук воды, плескавшейся о Графскую пристань, ночной севастопольский порт, напомнивший герою картины далеких японских гаваней, прозрачная легкость ускользания из реальности, будто бы Лета уже накрывала героя стеклянным покрывалом забвения.

Далеко за пределами времени, как и всякая мечта, вне времени, так и севастопольская бухта Леты, в которой навсегда, казалось бы, утрачен «список кораблей» сквозь призму реки памяти Сены-Мнемосины, путешествием героя за стеклянный купол, в котором кольцевой метафорой звонит и звонит колокол. И вновь вторит газдановскому колокольному звону реквием туроверовской «тишины переполненных палуб» туго натянутой тетивой душ человеческих, оставлявших навсегда Отечество, уходящий берег Крыма в тумане «полосы темно-синего фетра» [2].

Роман Газданова, как некий феноменологический фонарь, высвечивает исторические события Гражданской войны сквозь субъективную призму памяти писателя «незамеченного поколения» с целью воссоздать для современников и потомков полную картину восприятия событий самим поколением. Явить поименно полный список кораблей, тот список, который Мандельштаму суждено было «прочитать до середины», ибо он слишком рано попал в черный список, в тот «журавлиный поезд», что унес его в безвозвратную страну. Газдановский же бронепоезд последним кораблем из севастопольской бухты целому поколению писателей и поэтов открыл дорогу в век двадцатый.

Список литературы

1. Газданов Г. Вечер у Клэр. Возвращение Будды: романы. СПб., 2015.

2. Туроверов Н. Двадцатый год – прощай, Россия! М., 1999.

Коршакова Валентина Николаевна
с. Новый мир
Советский район

Великая Отечественная война острой болью сохраняется в нашей памяти, к какому бы поколению мы себя не относили. Памятники и обелиски, мемориалы и скромные могилы на территории нашей страны и за ее пределами – наглядные свидетельства самой кровопролитной войны в истории человечества. Такое свидетельство, к сожалению, есть и в нашем селе – братская могила, в которой похоронено 90 человек.

Чапаевка – село в центре Советского района, в степном Крыму. Ближайшие села – Хлебное, Новый мир, Коломенское и Николаевка. Райцентр Советский примерно в 6 километрах, там же ближайшая железнодорожная станция – Краснофлотская (на линии Джанкой – Феодосия).

В первые же дни Великой Отечественной войны жизнь всего Ичкинского (ныне Советского) района и близ лежащих сел резко изменилась: началась мобилизация людских и материальных ресурсов для оказания помощи фронту. Многие жители добровольно приходили на сборный пункт военкомата с требованием отправить их на фронт. Перед вторжением оккупантов в район (2 ноября 1941 г.) был сформирован Ичкинский партизанский отряд под командованием директора местного техникума Михаила Ильича Чуба. Часть людей была оставлена на месте для работы в подполье и организации партизанского движения.

В 1942 г. существовавшие отдельно патриотические группы были объединены в одну организацию А.И. Шариповым. В 1942 – 1943 гг. в селе действовала подпольная группа во главе с Борисом Самсоновичем Мелешко (расстрелян в 1943 г., его прах покоится в братской могиле).

Активными подпольщиками-добровольцами были секретарь комсомольской организации Волков Федор Платонович и Шматько Александр Петрович, которые на тот момент работали в совхозе «Феодосийский» слесарем и токарем в ремонтных мастерских. Под их руководством

организованный рабочий батальон распространял антифашистские листовки среди населения, проводил разведывательную работу по поручению партизанского отряда, должен был обеспечивать крымские партизанские отряды теплой одеждой и продуктами.

Вещи и продукты поступали на базу из магазина, завмагом которого был Арон Гимпель. Помогали продуктами партизанам и многие семьи: престарелые супруги Юсуповы, сестры Мотя и Роза Битенские и др.

Оккупировав район, немецко-фашистские захватчики установили в нем режим насилия и угнетения. Начались расстрелы попавших к ним в руки коммунистов и комсомольских активистов, членов семей командиров Красной армии, подозреваемых в связи с партизанами, не говоря уже о выслеженных подпольщиках и партизанах. На территории села фашисты создали концентрационный лагерь для советских военнопленных и мирных жителей.

Нашелся человек, который выдал членов батальона, помогавших советским патриотам, и базу, в которой были собраны теплые вещи и продукты. 26 февраля 1942 г. в селе Бейс-Лехем (ныне Хлебное) были расстреляны первые 16 подпольщиков. Муж и жена Юсуповы, сестры Мотя и Роза Битенские были арестованы и помещены вместе с другими в лагерь, который расположился в здании конторы. Вместе с ними находились русские и евреи: Циля Михаил, Гербер Николай, Дорошенко Николай, Гуцул Петр, Гимпель Арон с женой и двумя детьми, Самарин Константин, Кохалов Владимир с женой и дочерью, Шапошник Анатолий, Гурский Иван, Игнатенко Андрей, Искаман Анна, Гурьянович Василий с женой и ребенком и др.

За зверски избитыми и ранеными жителями ухаживал Зильберг Михаил Яковлевич (до войны работал врачом в селе, был отзывчив к чужому горю, помогал партизанам медикаментами, многих лечил травами) и медицинская сестра Лагута Антонина.

Измученных людей расстреливали там же, в селе Бейс-Лехем, а тела сбрасывали в силосные ямы. Весной, как сошел снег, местные жители перезахоронили всех на

местном кладбище. Так и возникла братская могила из подпольщиков и патриотов села.

Волкова Федора и Шматько Александра выдал предатель, когда они ночью возвращались из партизанского отряда, он тут же сообщил старосте, а тот в свою очередь в комендатуру. Их арестовали дома, когда они собирали нужные вещи для партизан. Расстрел был показательным, на хуторе Еленовка, который находился между Чапаевкой и Коломенским. Там же, в Еленовке, за время оккупации проводились почти ежедневные расстрелы. Тела убитых сбрасывали в ямы с известняком, а местные жители тайком хоронили их на местном кладбище. В 1948 г. на могиле установлен памятник в виде трехступенчатой стелы с красной звездой на конусе, с вмонтированной табличкой: «Вечная память советским патриотам, жертвам фашистского террора. Здесь похоронено 90 человек». Автор памятника неизвестен.

В партизанском движении участвовали и были расстреляны Самбурский Михаил, Козловец Алексей, Игнатко Митрофан, Дудкин Петр, Назаренко Сергей, Могилевский Исаак и др. Все они покоятся в братской могиле.

На фронтах Великой Отечественной войны сражалось 210 жителей из нашего села, из них 52 награждены орденами и медалями, 160 погибли в борьбе с врагом. В знак памяти на территории села 9 мая 1985 года был открыт обелиск Славы в честь воинов-односельчан, который выстроили рабочие совхоза «Феодосийский».

*Лисицкая Оксана Витальевна,
Покацкая Алена Олеговна
село Варваровка
Советский район*

Где родился, там и пригодился.

Пословица

Шевченко (Николенко) Наталья Николаевна, одна из старейших жителей села Варваровка, родилась в Полтавской губернии в далеком 1927 году, в семье ветеринара и кухарки. Наталье Николаевне исполнилось всего

пять лет, когда на Украине началась массовая коллективизация, а впоследствии и голод 1932 – 1933 гг., что заставило ее родителей бежать в Узбекистан. Шли своим ходом, на волах. До пункта назначения добрались через год. Однако в Узбекистане, как и по всей стране, коллективизация проводилась также безжалостно и беспощадно. И в 1934 г. семья Николенко перебралась в Крым, в село Варваровка.

На тот момент в селе еще существовала коммуна имени «Красина». Наталья Николаевна вспоминает, что именно тогда они прожили почти год в условиях «коммунизма»: все было общее и всем можно было пользоваться бесплатно. Были общие кладовые, склады, столовые. В любое время суток можно было зайти в кладовую, взять все, что тебе нужно. После долгих лет голода и мытарства, те дни оказались настоящим раем. Затем коммуна преобразовалась в колхоз «Красина».

С улыбкой вспоминает Наталья Николаевна свои детские годы, школьных подруг. Только детство продолжалось недолго: ей было всего 14 лет, когда началась Великая Отечественная война. В октябре 1941 г. юная Наташа вместе со своим отцом Николаем Галактионовичем погнали колхозный скот на Керченскую переправу для эвакуации. На переправе попали под бомбежку фашистских самолетов. В памяти остались жуткие картины гибнущего скота и людей, все смешалось в какофонию людских криков, стонов, блеяния и мычания раненой скотины, рева самолетов и разрывов бомб. Так и не успев переправить груз, Наташа вместе с папой вернулась в село.

В ноябре в Советский район вошли немцы, село было оккупировано. Много за годы оккупации пришлось пережить юной девушке. Война поделила ранее близких людей на предателей и героев, кто-то перешел на сторону немцев, большая часть ушла в партизаны.

Так, при вхождении немцев в Варваровку жительница села Очкасова Ульяна встречала оккупантов хлебом и солью. Так односельчане впервые столкнулись с предательством. Позже, в 1942 г., в районе был сбит советский

самолет, и спасшиеся летчики (их было двое) волею судьбы оказались в тутовых насаждениях за селом. И так случилось, что ночью постучались за помощью в дом к Очкасовым. Михаил (сын Ульяны Очкасовой) наутро отвел летчиков в комендатуру, после чего их повесили. Все время оккупации Михаил Очкасов прослужил полицейским.

А Семья Бирюковых (отец и сын), хоть и одели полицейскую форму, но предателями их нельзя было назвать. Михаил Бирюков был вхож в комендатуру, имел пропуск, но при этом был участником партизанской подпольной организации. Очень многим людям помог во время оккупации. Саму Наталью Николаевну должны были угнать в Германию. Спас ее сосед, помог ей бежать и спрятал за селом в известковых ямах, а потом у своих родственников в другом селе. Но особенно тяжело вспоминает она расстрел односельчан-коммунистов, которые остались в оккупации. В 1942 г. в селе Еленовка (ныне Коломенка) фашисты расстреляли группу людей, среди которых были односельчане Ермоленко Е. и Зеленый П.А.

Прошло много лет с тех пор, но о войне Наталья Николаевна по-прежнему вспоминает с болью. Ее рассказов о тех тяжелых днях хватит на целую повесть.

В 1944 г. Крым освободили от немецко-фашистских захватчиков, начались трудовые будни. Нужно было восстанавливать колхоз. На тот момент Наталье Николаевне было всего 17 лет. На ее плечи и на плечи десятков таких же, как она, юных девушек, лег тяжелый, а порой непосильный труд по восстановлению хозяйства. Работать приходилось сверх нормы, работали, не жалея себя. В те годы молодая Наташа была звеньевой молодежного звена колхоза имени Красина. Легче стало, когда после Победы стали возвращаться фронтовики. Тогда же вернулся домой и будущий муж Натальи Николаевны – Шевченко Андрей Трофимович.

Поженились они в 1946 году. Андрей Трофимович с фронта вернулся с контузией, которая повлияла на его зрение. Он практически не видел, но, несмотря на это, всю жизнь проработал в колхозе.

В 1947 г. Наталья Николаевна еще раз пережила голод в Крыму. В этот год она потеряла свою любимую бабушку. Тогда она воочию увидела, как люди пухнут от голода. Вспоминает, как в те дни на человека выдавалась жменька муки, из которой заваривали кисель. Полегче было тем, у кого во дворе имелась корова.

Наталья Николаевна прожила в селе Варваровка более 80 лет, до самой пенсии проработала в колхозе имени Ленина. Работала в огородно-садоводческой бригаде, в тепличном хозяйстве колхоза, за что была награждена Большой и Малой бронзовыми медалями ВДНХ.

Несмотря на достижения в труде и на то, что большую часть своей жизни она отдала колхозу, первое место в жизни Натальи Николаевны всегда занимала семья. В 1948 г. у нее родилась дочь Лида, а в 1954 г. – сын Владимир. Она очень гордилась своими детьми, гордилась своим зятем, их достижениями. По сей день в ее семье бережно хранятся вырезки из старых газет, которые говорят об успехах детей. Жизнь подарила ей не только прекрасных детей, но и замечательных внуков и правнуков.

Но и утраты были. Один за другим уходили из жизни самые дорогие и близкие люди. В 1995 г. Наталья Николаевна похоронила мужа. Через два года, после тяжелой болезни, не стало сына. В 2000 г. внезапно ушел из жизни любимый зять. В 2011-м трагически погибла дочь...

Последние годы своей жизни Наталья Николаевна жила со своей внучкой. С любовью и гордостью следила за жизнью своих внуков и правнуков.

В возрасте 89 лет, после шести лет борьбы со страшным недугом, Натальи Николаевны не стало.

Несмотря на все тягости прожитых лет, Наталья Николаевна до конца жизни была добра к людям, отзывчива и внимательна. Именно такой бабу Наташу запомнили в родном селе Варваровка.

Люманова Фатма Аметовна

п. Зуя

Белогорский район

Безграничная храбрость

Война никого не обошла стороной, крымскотатарский народ имеет своих героев и мы хотим познакомить вас с одним из них.

В семье крымского татарина Сеитумер-ага, чабана из деревни Тавкыпчак (ныне Баланово) в окрестностях поселка Зуя Белогорского района Республики Крым, было четыре сына: Сеитасан, Сеитяя, Сеитмамут и Сеитнафе. Самый младший из них – Сеитнафе – родился в 1919 году. После окончания школы поступил на рабфак в Симферополе. В 1939 г. юношу призывают на фронт и отправляют в артиллерийскую часть.

С первых дней войны Сеитнафе Сеитвелиев служил артиллеристом в составе 96-й стрелковой дивизии. Он воевал на Южном, Сталинградском, 1-м Белорусском и других фронтах. Участвовал в обороне Севастополя, Одессы, Сталинграда, а также при взятии Берлина.

За мужество и храбрость в бою, за обеспечение захвата и удержание важного опорного пункта врага Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 сентября 1944 г. Сеитнафе Сеитвелиеву присвоено звание Героя Советского Союза.

«Есть судьбы и биографии, по которым в школах нужно преподавать историю. По боевой биографии Сеитнафе Сеитвелиева можно проследить почти всю историю Великой Отечественной войны», – писал журналист В. Шагов о Сеитвелиеве.

Лето 1941 года. Срок службы в армии подходит к концу. Сеитнафе с нетерпением ждет встречи с родными. Как-то летней ночью всех разбудили страшные звуки. Земля сотрясалась от сильных взрывов, кругом грохот, выстрелы. Было ощущение, что наступил конец света. Позже стало ясно: так с запада шла война.

Лютый и беспощадный враг надвигался, словно гроза, сметая все на своем пути. Для наших частей вероломное нападение было столь неожиданно, что они успевали

лишь отступать. Так продолжалось больше трех месяцев. Чего только не пришлось пережить за это время нашим солдатам: окружение, голод, усталость и бессонные ночи. Обессиленным бойцам приходилось нести на себе или же тащить тяжелое оружие.

Постепенно силы стали выравниваться. Началась тактическая война. Превосходство попеременно было то у советской, то у немецкой стороны. Неопытные советские солдаты со временем стали привыкать к настоящей войне. В местечке Болотное в Белоруссии старший сержант Сеитнафе Сеитвелиев своим расчетом показал пример истинного героизма.

В горячем бою летом 1944 года по прорыву обороны противника Сеитвелиев дрался отважно и умело. Сержант поставил пушку в ста метрах от траншеи противника. Он личной разведкой, ползая под огнем у проволочных заграждений противника, установил цели: наблюдательный пункт, одну пушку, два пулемета и ротный миномет. Сеитнафе Сеитвелиев подавил все эти огневые точки и наблюдательный пункт, обеспечив успех наступления пехоты. Преследуя вместе с ней врагов, уничтожил еще две пушки, семь пулеметов, миномет, три автомашины и около роты оккупантов. Таким образом, Сеитвелиев за один день уничтожил около 200 огневых точек врага.

Немцы пытались любой ценой убрать опасного противника. На это было брошено несколько танков. Они окружили и заставили замолчать пушку. Прямо на Сеитвелиева двигались фашистские танки. Перед старшим сержантом встал вопрос: что же делать дальше? Ответ пришел мгновенно. Он стал прикреплять гранаты друг к другу и забрасывать ими танки. Таким образом Сеитвелиев взорвал еще девять железных машин врага и уничтожил более 200 солдат.

За время наступления расчет не раз попадал в сложную обстановку, и всегда дерзость, отвага и мастерство расчета и в первую очередь его командира Сеитвелиева обеспечивали победу.

О героическом поступке мужественного старшего сержанта рассказали всем бойцам 1-го Белорусского

фронта, а фотография Сеитнафе Сеитвелиева была помещена на первых страницах всех фронтовых газет.

За проявленные в этой операции мужество и храбрость 25 сентября 1944 года ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Сеитнафе Сеитвелиев прочитал свой наградной лист лишь треть века спустя. На четырех листках официального представления были кратко изложены все его боевые заслуги, почти весь славный путь по дорогам войны. Ниже шли ходатайства и утверждение «достойн», под которым поставили свои подписи командиры высоких и высших рангов: командир 96-й стрелковой Гомельской дивизии генерал-майор Болатов; командир 53-го стрелкового корпуса генерал-майор Гарцев; генерал-майор артиллерии Тимотиевич, командовавший пушкарями армии; генерал-полковник Романенко, командовавший 48-й армией; член военсовета генерал-майор Истомин. Последней стояла подпись легендарного полководца, командовавшего артиллерией 1-го Белорусского фронта, генерал-полковника Казакова.

Сеитвелиев продемонстрировал яркие примеры мужества и на других фронтах войны. Он проявил истинный героизм при обороне Одессы и Севастополя, в Керченском десанте, Сталинградской битве, на Курской дуге, при освобождении Минска и Варшавы и, наконец, при взятии Берлина. Он был тяжело контужен и трижды ранен, но оставался в строю.

О примерах мужества бесстрашного пулеметчика Сеитнафе Сеитвелиева на полях войны рассказывалось в учебниках по военному делу. Его славные подвиги золотыми буквами вписаны в историю Второй мировой войны.

После войны Сеитнафе Сеитвелиев жил в Таджикистане. Работал слесарем-механиком на Ленинабадском стеклотарном заводе, затем — педагогом в школе.

...Скончался в депортации.

*Мажорина Татьяна Александровна
г. Волгодонск
Ростовская область*

**Крымский калейдоскоп
(венки сонетов)**

*Стократ воспетый, ты неповторим.
О, баловень поэтов, Южный Крым!*
Николай Скребов

От золотого века Крым воспет,
Запечатлен в творениях нетленных —
Свежо до наших дней, до современных.
Струится прошлого незримый свет...

Внимают Музе музыкант, поэт,
Писатель... драматург... то незабвенно,
Что воплощает образ совершенный —
Он чудом озарения согрет.

Земля — цветок, раскрывшийся творцам!
Они коснуться Вечности посмели,
Искусство донесли к живым сердцам.

Нешуточные страсти здесь кипели.
«Стократ воспетый, ты неповторим»
России — кровный брат! Неотделим!

1

От золотого века Крым воспет.
Контрасты моря, гор пленили многих,
Гряды холмов, угрюмых скал отроги
По-прежнему влекут сквозь призму лет.

Природы удивительный букет
Ласкает взор уставшему с дороги,
Скитальцу боли утолит, тревоги,
В душе оставит притяженья след.

Когда-то юга буйные красóты
Мицкевича манили: чайки, бриг,
Готических пещер седые гроты

Вписал он в поэтический дневник.
Рифмуя сонмы мыслей сокровенных,
Запечатлен в творениях нетленных.

2

Запечатлен в творениях нетленных
Сам Пушкин, посетивший крымский рай:
Гурзуф и Керчь, Судак, Бахчисарай –
Игре воображенья – край священный.

Тек зной полуденный по тропкам-венам...
Ночными феями подлунных стай
Мигали звезды: «Юноша, дерзай!».
И он писал, писал самозабвенно:

О белопенных волнах, о мытарствах
Простого люда, роскоши дворцов,
О бедных саклях, хижинах татарских,

Наложницах, о происках скопцов,
Фонтане слез и неприступных стенах...
Свежо до наших дней, до современных.

3

Свежо до наших дней, до современных,
Как унтер-фейерверкер Лев Толстой
Тяжелые мортиры ладил в бой,
Участвуя в баталиях военных.

За Севастополь дрался он отменно,
Писал рассказы, как затихнет вой
Снарядов... и спадет туман густой...
Не продохнуть от гари, дыма, тлена.

Он вынесет вердикт, что войны – зло:
Разруха, груды трупов, лужи крови –
Осудит в корне это «ремесло».

Лишь Правде стать единственным героем
Его метаний, поисков, побед.
Струится прошлого незримый свет...

4

Струится прошлого незримый свет...
Смотрю картину «Бой в Чесменской бухте
И. Айвазовский». Замираю: «Ух, ты!
Как мастерски в ней передан сюжет!

Огонь и безысходно-мрачный цвет.
Владычица морей почти потухла.
Еще чуть-чуть – остатки флота рухнут,
Поглотит бездна вод... Сомнений нет.

Барахтаясь в воде, пытаются спастись
Остатки уцелевших в битве турок,
Цепляясь за обломки мачт, за жизнь

Хотя б в плену. Быль. Репортаж с натуры.
... Ну а «Девятый вал» – зенит, расцвет!
Внимают Музе музыкант, поэт.

5

Внимают Музе музыкант, поэт...
Не выпускал пера великий Чехов –
Сам – врач, на излечение приехав,
Трудился день и ночь, презрев запрет.

Попав в ловушку ялтинских тенет,
Под сенью кипарисов и орехов
Он слушал Учан-Су глухое эхо,
Листал подшивки ялтинских газет...

Горят каштанов свадебные свечи,
И утопает в розовом миндаль,
Спускается на побережье вечер...

«Вишневый сад» опутала печаль.
Последний труд, что выдал он Вселенной —
Писатель... драматург... то незабвенно.

6

Писатель... драматург... то незабвенно,
Проведший «Детство» «В людях» и в нужде,
Был чутким к просьбам и к чужой беде,
Спешил на помощь страждущим мгновенно.

Ждал революции, как перемены,
И зрел характер в тягостном труде.
Расстроен «в дым», ведь методы не те —
Жестокость отвращает неизменно.

Жить в косном мире нестерпимо тесно.
Пророк победы к буре призывал,
И рвался в небо гордый «Буревестник»,

И волны вслед являли мощный шквал.
По духу Горький близок с Мельпоменой,
Что воплощает образ совершенный.

7

Что воплощает образ совершенный?
Уместен риторический вопрос.
Маэстро Бунин вклад весомый внес,
И лирика воистину бесценна.

Был против потрясений. Откровенно
Далек от горьковских восторгов, грез.
Природу лишь на пьедестал вознес,
Ее он воспевал проникновенно.

Ай-Петри. Крым... край суши золотой...
На скалы глянет – сердце замирает:
Летит «прозрачной пылью снеговой»

Кристалльной свежести струя живая!
Слагая удивительный сонет,
Он чудом озарения согрет.

8

Он чудом озарения согрет –
Куприн, влюбленный напрочь в Балаклаву.
Был потрясен «Очакова»* расправой:
Дрожащими руками мял кiset...

Душила ночь, когда не мил рассвет:
Огонь сжирал остатки бывшей славы.
Куда смотрел в тот миг орел двуглавый?!
Туман кровавый пал на парашет...

Мечтал, как Чехов: дом... веранда... сад...
И песни моря в упоенье слушать...
За очерк, осудивший этот ад,

Из Балаклавы выслан был в Алушту.
Отчаянной строкой будил сердца.
Земля – цветок, раскрывшийся творцам!

9

Земля – цветок, раскрывшийся творцам!
И в этом плане дорог нам Волошин.
По мне, так Крым без Макса невозможен.
А дом-музей, открытый всем ветрам,

* Матросский митинг на крейсере «Очаков» в ноябре 1905 г. закончился полным сожжением крейсера вместе с экипажем. Куприн оказался свидетелем расправы над «очаковцами».

Воистину для пишущего – храм –
Встречает, радуясь, друзьям хорошим,
Которых стих и акварель тревожат...
Ступает день по выжженным степям.

На сотни миль – лучистая безбрежность,
Расплавленные дни и Кара-Даг.
И моря синь. В душе разлита нежность...

Я благодарна всем, кто смог создать
Жемчужину культуры в Коктебеле.
Они коснуться Вечности посмели.

10

Они коснуться Вечности посмели –
Все те, кого Волошин привечал:
Угрюмого величья серых скал,
Серебряного века колыбели...

Гостили в доме месяцы, недели...
Уместен был лишь творческий запал.
Макс белых, красных и любых спасал,
Кого вертели жизни карусели.

Вхожу, волнуясь в атмосферу дома:
Старинных фото, манускриптов, книг,
Картин и масок... магией влекома,

Я вчитываюсь в жизни черновик...
Цветаева, Эфрон и Мандельштам
Искусство донесли к живым сердцам.

11

Искусство донесли к живым сердцам
Друзья: художники, поэты, барды –
Волнует и поныне – молод, стар ты
И тянет к тем магическим местам,

Где знали цену чувствам и словам,
Где зарождались творческие старты,
Где розыгрыш любили и с азартом
Стихи читали вслух по вечерам.

А утром зорька целовала лица
Вчерашних «обормотиков» – гостей,
Поглаживала ласково ресницы,

Шептала в снах им множество затей.
Шедевры создавались в самом деле.
Нешуточные страсти здесь кипели.

12

Нешуточные страсти здесь кипели.
У рыбаков, в углах пивных таверн
Вел пропаганду* Грин на свой манер,
Случалось, и у Макса в Коктебеле.

И в Севастополе: в порту, в артели...
Не раз аресту он себя подверг,
Но жадно жил, не зная полумер,
Создатель романтических феерий.

Доро́г он юнгой хаживал немало...
Позволил Грэю делать чудеса,
А чтоб Ассоль мечту свою познала –

Зажег ей алым шелком паруса...
«О, баловень поэтов, Южный Крым.
Стократ воспетый, ты неповторим!»

13

«Стократ воспетый, ты неповторим».
Дымится и сверкает бездна моря,

* В 1903 г. Александр Гриневский талантливо вел пропагандистскую работу против властей.

И лодочка плывет, с волною споря,
В ней – Паустовский – вечный пилигрим,

Соблазном путешествий одержим –
Попал впервые по причине горя:
Могила Грина посетил у моря...
И стал тот край безмерно дорогим.

Тавриду исходил и вдоль, и поперек.
Самшитовые рощи пышут зноем,
И брызжет золотом душистый дрок,

И небо лучезарно-голубое...
Легендами оваян Старый Крым...
России – кровный брат! Неотделим!

14

России – кровный брат! Неотделим!
А, впрочем, по-другому было б странно.
Иду я по Малахову кургану,
Где дышит скорбью даже горсть земли.

Миролюбивый, светлый, гордый Крым,
Не покорен фашистом, ни османом.
Для друга – теплый и всегда желанный,
А для врага – с характером стальным.

Сейчас – *рукой подать*, он стал нам ближе.
Лечу над морем. Счастье! Красота!
Полуденное солнце сваи лижет,

Опоры блоков Крымского моста.
Как будто в сказку купленный билет!
От золотого века Крым воспет...

Памятник затопленным кораблям

*Севастополь вернется назад,
Севастополь останется русским.*

А. Городницкий

Плыву я на яхте вдоль берега моря,
Закатного пламени греет костер.
Двуглавый орел, столько видевший горя,
Над бронзовой стелой крыла распростер.

Он замер навеки, держа цепь и якорь
И в клювах зажавши из лавра венки.
Форпост охраняет от нечисти всякой,
Чтоб недруг по морю добраться не смог.

О жертвах трагедии разве забудем?
Как в Крымскую страшную бойню-войну
Расстрелянный флот (из своих же орудий!),
Вход в бухту закрыв, устремлялся ко дну.

И все ж Севастополь в руинах оставлен.
Вздыхался бетонного крошева смерч,
И море кипело, и берег расплавлен!
Тел, в клочья разорванных, было не счесть...

А в годы Второй мировой повторилась
Жестокая бойня за город-герой.
Немецкие танкеры в море дымились.
Орел уцелел!!!
Охраняет покой.

Максимова Альфия Изетовна
с. Окуневка
Черноморский район

Я работаю в школе более 20 лет и каждый год 18 мая перечитываю рассказы, написанные учениками, которые давно покинули стены школы...

Гафаров Асан

Трагическая страница в жизни моей бабушки

С четырех часа утра и до трех часов дня во все крымскотатарские семьи приходили солдаты, давали 15 минут на сборы и по истечении срока выгоняли всех из жилищ, а дома тракторами равняли с землей. Причем жители соседних деревень не все знали о депортации, поэтому как могли защищали свои дома, ночью прятали документы, драгоценности, книги (къураны), закапывали все, что можно, надеясь на скорое возвращение. Но увы – этого не произошло. Со всех деревень, городов людей свозили на Бахчисарайскую железнодорожную станцию, где были готовы грязные вагоны, в которых перевозили скот. И всех молча грузили в эти вагоны, наполняя их до отказа. Путь в неизвестность был еще тяжелее. Часто люди болели и умирали, в основном это были дети. Помню, отец говорил, что двоюродного брата моего дедушки (он был совсем маленьким) искушали до смерти мухи. Питались в дороге испеченным хлебом, вернее не хлебом, а слепком – испеченной массой, в который входила мука, смешенная с водой. Готовили его так: перед остановкой брали муку для всех; как только поезд останавливался, два человека бежали и быстро перемешивали муку с водой, другие искали жестянки или камни, на которые можно было разложить муку, третьи собирали дрова, другие пытались любым способом разжечь костры, чтобы можно было на горячем огне приготовить хлеб. Бывало, что даже не успевали допечь хлебцы, как всех собирали опять в вагоны и увозили, если кто-то не успел сесть в вагон, то так и оставался один в степи, потому что остановки делали только в глухих местах, где нет людей и ближайших деревень...

Выселение крымских татар из Крыма

(рассказ дедушки)

Это было 18 мая 1944 году. В 3 часа ночи к нам в дверь постучали, мы все проснулись от грохота, открыли дверь. Увидели, что в дверях стоят 4 солдата с автоматами. Один из них сказал: «Собирайтесь, у вас мало времени, 15 минут на сборы». Мы растерялись, начали плакать, кричать, из соседних домов также были слышны крики людей, лай собак, крики птиц, и животных. Потом мы все-таки взяли полмешка муки, кое-что из одежды. Каждую семью погрузили солдаты в военную машину и отвезли на Бахчисарайскую станцию. Прямо из машин погрузили в вагоны для скота. В дороге мы ехали 18 суток, много людей умирало от голода и от малярии. Хоронить нам не разрешали. Когда поезд останавливался, люди уже готовились: кто-то выносил тела умерших и оставлял их на обочине, прикрывая какой-нибудь тряпкой или газетой, остальные искали ржавые жестянки, чтобы можно было помешать муку и испечь лепешку. Когда поезд трогался, полусырые лепешки брали и бежали каждый в свой вагон, чтобы не потеряться и не отстать от своих. После долгих мучительных дней мы приехали в Узбекистан на станцию «Разъезд». На этой станции нас опять загрузили в машины и повезли за 20 километров от района, в подсобное хозяйство. Каждой семье выделили землянку, потому что не было домов. Два с половиной года мы занимались огородничеством. Давали нам по 500 граммов хлеба. Нас всех взяли на учет в комендатуре, без пропуска мы не имели право выезжать куда-либо, даже в соседний район. Каждый месяц ходили отмечаться в комендатуру, что мы находимся на месте. После смерти И. Сталина нас всех сняли с учета. Потихоньку стала налаживаться жизнь. Мы переехали в районный центр, где устроились на работу. Выделили нам земельный участок под строительство дома...

Никто не забыт, ничто не забыто!

Я пишу от имени моего дедушки.

«Моя фамилия – Кашкаев Идрис Асанович, родился я в городе Бахчисарае, в местечке Стиля. Учился в 5 классе. Когда началась война, мне было 13 лет, сестре – 15, а брату – 11. В армии в это время служили два моих старших брата: Осман и Сулейман, во время войны забрали и третьего брата – Юнуса. Жили очень трудно. И вдруг объявляют всему селу, что большие потери на фронте, русские войска отступают. Говорили, чтобы мы все убежали в горы. Договорились об условном знаке, после которого все должны были уходить. Мы только успели взять одеяло и старый отцовский тулуп и ушли в горы. Но на следующий день всех окружили немцы и погнали всех неизвестно куда. Тех, кто не мог идти, стреляли на ходу...

Однажды ночью пришли солдаты и велели собратъся, дали нам 20 минут. Из всех вещей, нажитых нами, мы ничего и не взяли. Не успели опомниться, как всех крымских татар погнали на станцию, затем начали грузить в вагоны, в которых возили скот. Вталкивали в вагон всех, было столько шума, крика, плача, маленькие дети искали родителей. Мы попали в один вагон – сестра, брат и отец, мама совсем в другом вагоне оказалась. Не было даже возможности ее отыскать. Увозили крымскотатарский народ в неизвестном направлении, никому ничего не объяснив. Ехали 18 дней. Если приходилось останавливаться на больших остановках, таких как Джума, то нас даже не пускали в туалет. Затем опять грузили уже в огромные брички и везли неизвестно куда. Привезли нас в село Чартут, поселили в конюшне, из всего имущества у нас оказалось только пальто, одеяло и кувшин фасоли. Работали все, добывая кусок хлеба. Через некоторое время узнали, где находится наша мама. Отец тайно привез ее к нам. Но мама сильно болела и пробыла с нами всего 15 дней, через год или даже раньше умер отец. Мы, трое детей, остались одни. Жизнь была очень трудной и голодной. Мы вынуждены были воровать семена хлопка,

кукурузы. Собирали это все, чтобы приобрести один пропуск, чтобы потом с его помощью переехать в Куропаткино, ныне Богарное, где и жили все это время...

Малярчук Кирилл Витальевич
Рук. – Стельмашенко Светлана Анатольевна
г. Симферополь

Я посвящаю эти строки Крыму...

*Лишь запах чабреца, сухой и горьковатый,
Повеял на меня – и этот сонный Крым,
И этот кипарис, и этот дом, прижатый
К поверхности горы, слились навеки с ним.*

Н. Заболоцкий

Благословенная крымская земля во все времена находилась под пристальным вниманием. Уникальность Крыма, его местоположение, его богатства, созвучие природы и климата – все это нашло отклик в русской литературе и искусстве.

Образы прекрасного полуострова проходят красной нитью через творчество Пушкина, Лермонтова, Заболоцкого, Чехова и многих других писателей и поэтов. Образы крымского Черного моря запечатлены на полотнах известных живописцев.

Невозможно не любить Крым, не восхищаться им, не воспевать его красоты. Полуостров многообразен и величав. Здесь переплелись миллионы судеб, которые светлый Крым запечатлел в своей прекрасной и многовековой истории. С каждым годом все больше и больше людей стремятся попасть в Крым на отдых, так как он является мировой здравницей. Его целебный воздух способен лечить. Лечить – в прямом смысле этого слова. Но все же одной из главных причин прибытия на полуостров является то, какие удивительные и прекраснейшие виды открываются человеческому глазу.

Однако большинство туристов стремятся посетить Крым летом, в разгар сезона. Насладиться ласковым солнцем, понежиться в теплых морских волнах, увезти с собой частичку тепла и яркие впечатления, чтобы вспоминать

долгими промозглыми вечерами. Конечно, полуостров прекрасен в любое время года. Но тот, кто не видел осень в Крыму, упускает многое. Солнечный сентябрь, еще полетному знойный, плавно переходит в бабье лето. Особенно ощущается перемена в горах, лесах, парках. Вот уже в прозрачном воздухе мелькают легкие кружевные паутины. Пока еще густые кроны не спустились вниз, к подножию деревьев, палитра разнообразия цветов просто поражает. Зеленый, красный, рыжий, золотой, пурпурный... Взор не охватывает всей цветовой гаммы осеннего Крыма, спешащего сменить наряд. Но вся чарующая волшебная красота раскрывается ближе к вечеру, когда среди разноцветных листьев пробиваются лучи уже клонящегося к горизонту солнца. От каждого листика отскакивают сотни ярких бликов бронзового цвета и рассыпаются на мельчайшие пылинки, образующие волшебное сияние.

Чувство, которое я испытываю, наблюдая великолепные осенние пейзажи, невозможно описать. Хочется взять кисть и огромными яркими мазками нанести на холст и саму осень, и летние отголоски, и грядущие холода. Это больше, чем просто любовь. Это неопишуемое чувство гордости, заставляющее изучать, искать и находить. Рассматривать с разных сторон знакомые объекты, выявляя что-то незамеченное, упущенное, собирать по крупицам впечатления и складывать в копилку памяти.

Если задуматься о том, какую бы достопримечательность посетить в Крыму, то сразу и не найдешь внятного ответа. Ведь тут есть множество мест, к которым стремится сердце снова и снова. Ласточкино гнездо, потухший вулкан Чатыр-Даг, Аю-Даг, Белая скала... Всех чудес и не счесть. А сколько загадочных легенд было собрано мудрыми народами, которые столетиями создавали крымский фольклор. Все эти творения пропитаны тайной и чарующей атмосферой древнего Крыма.

Можно много рассказывать о Крыме. Эта тема неиссякаема. Но все же лучше смотреть на Крым своими глазами. Только представьте: южный берег, ночь, море, штиль, легкие волны с тихим шепотом бьются о прибрежные скалы, полная луна, которая желтой дорожкой

разрезает водную гладь, ясную, как зеркало. Темное небо с вкраплениями крупных звезд нависло над спящим полуостровом. Сонные громады гор чернеют вдаль, неся бессменную вахту. Воздух напоен ароматами хвои и трав, солнца и моря. Как легко здесь дышится! Неописуемая, чарующая красота так близко и так далеко.

Крым – место силы, неисчерпаемый источник энергии, эликсир здоровья и долголетия. Да будет так всегда!

Я посвящаю эти строки Крыму...

*Манкевич Ульяна Олеговна
Рук. – Серафимчук Оксана Сергеевна
с. Таврическое
Красноперекопский район*

«Дарите улыбки чаще».

Поэзия Анны Прокопьевны Александровой

Все началось с чуда. Да, да, не удивляйтесь – именно чуда. Вначале я думала, что чудо – это сказка, которая появляется по взмаху волшебной палочки.

И в прошлом году я познакомилась со стихотворениями поэтессы Красноперекопского края Анны Прокопьевны Александровой. Для меня эта поэтическая встреча явилась настоящим открытием. Я поняла, что общение с интересными людьми, книгами тоже является чудом.

Анна Прокопьевна – удивительный человек. На вид ей не более 50. Искрящиеся глаза, открытая улыбка, заразительный задорный смех... А ведь Анна Прокопьевна недавно отметила свое 85-летие. Ее стихи печатались в двух сборниках «Поэтической карты Крыма», в журналах крымских писателей «Брега Тавриды», в геокультурном альманахе «Крым», в коллективных сборниках «Горизонт», «Серебряная полынь».

Детство Анны Прокопьевны совпало с Великой Отечественной войной. «Время тяжелое, голодное, выживали, как могли, работали все от мала до велика. Помню, как в поле собирали колоски пшеницы, а тут немецкие самолеты: гул, взрывы», – вспоминала она свое военное детство.

*Далекие сороковые –
И детство, и война.
Мальчишек письма фронтовые,
Единый фронт – страна.*

Жили все одной семьей с одной только мыслью:
скорее бы закончилась война!

*Что такое война? Это горе и боль...
Сколько с фронта отцов не вернулось,
Сколько их сыновей, унесенных войной, –
Горе каждой семьи коснулось.*

Действительно, «горе каждой семье коснулось». «Похоронка на отца пришла в 43-м. Осталась мама с детьми. А нас у нее было трое. Ничего, выстояли», – вспоминала Анна Прокопьевна.

Я живу на героической Перекопской земле, где каждая пядь земли полита кровью солдат. О ней, о нашей родной земле Перекопа, Анна Прокопьевна пишет:

*Земля историей богата.
И загорается звезда,
Чтоб никогда душа солдата
Не стала жертвой забвения.
И вал, смотрящий вдаль веками,
И ветра мощь, и тишина
Глазами боли и печали
Кричали: «Тут была война!»*

«Мое замужество, – рассказывала Анна Прокопьевна, – было связано с частыми переездами (муж был строителем): Братская, Усть-Иллинская, Мамаканская гидроэлектростанции были тогда «стройками века». Какая творческая молодежь приезжала на эти стройки! Мы жили в мире книг, музыки, поэзии, живого...» Исколесив всю страну, приехала в родной свой город Армянск.

Из русских поэтов Анна Прокопьевна преклонялась перед А.С. Пушкиным, его считала своим учителем. В Перекопской степи, недалеко от Армянска, стоит памятный знак. Он установлен там, где некогда располагался постоянный двор. Именно здесь в 1820 году останавливался на ночлег Пушкин во время своего путешествия в Крым. 6 июня вот уже несколько лет подряд в

День рождения великого поэта у Пушкинского камня собираются почитатели его таланта. Звучат любимые пушкинские строки, которые сливаются с мелодией полынной степи. Ему объясняются в любви и посвящают свои стихотворения и поэты. Пушкинскому камню посвятила строки своего стихотворения и Анна Прокопьевна:

*Камень памятный у дороги:
«Здесь бывал наш Великий поэт» –
Лишь проездом, ночь, в Перекопе...
Ни поэта, ни города нет.
Дуют ветры, как встарь, степные,
Неизменны закат и рассвет,
Неизменно помнят живые:
Здесь бывал наш Великий поэт.*

Я люблю слушать классическую музыку, люблю рисовать, поэтому, слушая стихотворения о природе, написанные Анной Прокопьевной, мне кажется, я слышу музыку дождя, завыванье ночного ветра:

*Дребезжащие стекла оконные,
А за окнами буйствует ветер,
Тишину разрушая сонную,
Треплет в ярости голые ветви.*

Стихотворения Анны Прокопьевны о природе я бы рискнула объединить в стихотворный цикл «Времена года». Весна – любимое время года поэтессы. Большинство ее стихотворений написано весной. Она любит бродить по улицам пробуждающегося весеннего города, слушать музыку весны:

*Мне Муза дарит нежности слова,
А чувства в хаосе каком-то:
Их будоражит неба синева,
Капли перепляс весенний, звонкий...*

Лето для поэтессы – это «воздух, наполненный цветеньем», «резвящиеся солнышка лучи»:

*Солнышко развесило
Лучики кругом.
И щебечут весело
Птицы за окном.
Широко раскрыла я*

*Окна поутру
Щебет птиц впустила я,
Лучиков игру.*

«Я не люблю осень, – говорила Анна Прокопьевна, – она наводит на меня грусть и тоску»:

*И грусть, и печаль, и тоска,
И горечь утрат, невезений,
И кружится в танце листва,
И мечется ветер осенний.*

Осень – это грустная девица с огненно рыжими косами и печальными очами – такой я увидела осень в стихотворении Анны Прокопьевны «Осень».

У нас в Крыму снег – большая редкость. Мы, ребята, всегда с нетерпением ждем, когда, наконец, можно будет поиграть в снежки, съехать с горы на санках, слепить снежную бабу. Мне кажется, и Анна Прокопьевна в душе всегда оставалась ребенком: она верит в зимнюю сказку, с нетерпением ждет, когда выпадет первый снег:

*В день Святого Николая,
Как с небес знаменье,
Снег летит пушистой стаяей,
Укрывая землю.
Ребятишки на салазках,
Снежных баб аллея.
Превратился город в сказку
Царства Берендея...*

В этом году Анны Прокопьевны не стало. Осталась память о светлом Человеке, о талантливом Поэте. Остались удивительные стихотворения:

*Дарите улыбку чаще.
В тумане тоски осенней,
Букетик, в дверях торчащий,
Порой всех даров бесценней.
Дарите, кто что умеет –
Улыбки, светлые мысли –
Чтоб стало чуть-чуть теплее
В окутанной мраком жизни.*

Давайте радоваться каждому мгновению жизни, дарить друг другу улыбки, добро!

Матвейчук Елизавета Павловна
Рук. – Матвейчук Юлия Юрьевна
с. Зерновое
Сакский район

Любовь к земле длиною в жизнь

Лучшее качество души человека, живущего в селе – любовь к земле. Таким качеством обладал и житель нашего села Зерновое – Кузьменко Владимир Петрович.

Его жена, Галина Васильевна, неохотно рассказывает о его трудовом пути. Стесняясь, она робко показывает пиджак с медалями, на котором как будто бы остановилось время, и календарь 2007 года, прибитый на стене над ее кроватью, на котором среди депутатов – родное лицо ее мужа.

Вспоминает она и беззаботную молодость, приезд из Новосибирска в Симферополь к тетке в поисках работы и, конечно же, танцы, на которых она познакомилась с молодым комбайнером Владимиром. Прожили они вместе 46 лет, вырастили и дали образование своим детям: дочери Елене и сыну Владимиру.

Галина Васильевна вспоминает, что хвастаться им нечем, а ведь это далеко не так...

Кузьменко Владимир Петрович родился в с. Зерновое 14 октября 1939 года. Детство пришлось на военные годы. А война – она и есть война. Отца не помнил, весной 1944 года после освобождения Крыма вместе со всеми односельчанами ушел на фронт. Служил на Прибалтийском флоте в 10-м гвардейском стрелковом полку 24-й гвардейской стрелковой Евпаторийской Краснознаменной дивизии. В октябре 1944 года в боях за освобождение Литовской ССР был награжден медалью «За отвагу», а спустя неделю, 16 октября 1944 года, погиб. В селе Крымское, в самом центре, на улице Ушакова стоит памятник погибшим односельчанам в годы Великой Отечественной войны. На этом памятнике высечено и имя отца Владимира Петровича – Кузьменко Петра Никифоровича.

Мать Владимира Петровича – Матрена Леонтиевна, как могла, тянула семью. Она много работала, испытывая нехватку продовольствия и другие последствия послево-

енного периода. Но, несмотря на все трудности, она всегда была жизнерадостной и миролюбивой. Старалась как можно больше времени уделить маленькому Володе. Воспитывала в нем трудолюбие, ответственность, уважение к людям, научила любить жизнь и свою землю.

Время шло, помощи ждать было неоткуда, и Владимир Петрович идет работать. С 15 лет начались его трудовые будни разнорабочего в строящемся совхозе.

Агрономы, строители, трактористы, комбайнеры высоко ценились в те времена. Владимир Петрович оканчивает училище механизаторов и идет работать помощником комбайнера.

В январе 1962 года Владимир Петрович был принят на работу в совхоз «Крымский», а спустя 8 лет, в январе 1970 года, он стал одним из тех, кто стоял у истоков нового и до сих пор известного в районе птицесовхоза «Юбилейный», который и по сей день сохранил свое название, изменилась только форма управления. В том же 1970 году Кузьменко Владимир Петрович был удостоен первой своей медали «За доблестный труд», в 1974 году – ордена «Трудового Красного Знамени» и знака «Победитель социалистического соревнования», а позже и звания «Ударник коммунистического труда».

Почти 40 лет проработал Владимир Петрович механизатором и мастером-наладчиком в родном совхозе. По технике, на которой за долгие годы пришлось поработать Владимиру Петровичу, можно проследить за развитием отрасли комбайностроения. В середине 1980-х годов он собственноручно переоборудовал комбайн для уборки трав, в разы увеличив площадь заготовки сена. Его товарищи в шутку называли комбайн «Аполлон». Позже первым в Сакском районе начал уборку кукурузы на приставке ППК-4, облегчив труд работников, очищавших кукурузу вручную.

Выйдя на заслуженный отдых, ни на минуту не покидал любимое дело; к нему за советом приходили даже домой, и он никогда никому ни в чем не отказывал. Он был хорошим семьянином, верным товарищем, никогда не унывал, любил свою работу.

За свою работу и активную жизненную позицию он был отмечен многими наградами.

К сожалению, Владимира Петровича больше нет в живых. Он прожил скромно и честно свою трудовую жизнь. Так же, как и многие другие жители нашего родного села. Трудовой вклад в развитие села – это так же важно, как и защита своей Родины.

Еще немного, и старшее поколение станет историей, еще одной закрытой страницей книги под названием «Жизнь». Наше поколение просто обязано сохранить память о людях, отдавших свои лучшие годы развитию родного села, района, всего Крыма.

Матей Дарья Викторовна
Рук. – Гребенникова Ирина Игоревна
Краснодарский край
Из Крымского дневника

*Вынес достаточно русский народ...
Вынесет все, что Господь ни пошлет!*

Н.А. Некрасов. «Железная дорога»
9 июля (2019 г.)

Мы в Крыму. Ура! Я с самого апреля ждала эту поездку. Так хотелось увидеть вновь природу Тавриды...

Но на море уже который день неустанно бушуют волны. Даже до нашего приезда (5 июля) был шторм, – так говорят местные. Поселились мы на окраине города, и за все время ни разу не выезжали из гостиницы. Только вчера, по моей просьбе, поехали в центр Феодосии. Красиво там... Все города, которые я знаю и в которых хотя бы раз была, как-то схожи между собой, а Феодосия – другая. И улочки аккуратные, узкие, и деревьев много, а сквозь их сочно-зеленые кроны виднеются золотые купола церквей... Прохаживаются неспешно люди, их умиротворенные лица мягко обращены ко всем. Слышатся оживленные разговоры молодежи, восторженные возгласы туристов, звонкий детский смех, и по часам разносится колокольный звон. Мир и благодать.

А завтра мы должны поехать в Керчь. Будем спускаться в Аджимушкайские каменоломни. Если честно, я всегда мечтала попасть в подобное место. Так интересно, наверное, находиться под землей... Но это все завтра. Сейчас уже поздно, пойду спать. Пусть приснятся мне каменоломни с пятикилометровыми ходами...

10 июля, 12:30

Вчера я весь день ходила по берегу моря. Оно наталкивало меня на размышления. С ними постепенно пришло то состояние души, которое редко осознаешь, чаще просто поймешь: что-то произошло, или появилось то, чего не было раньше. Сегодня я вновь ощущаю это, только волнуюсь в предвкушении интересной экскурсии.

Обычно я делаю записи вечером, ближе ко времени сна, но сегодня отступлюсь от этих правил. Пойду-ка собираться.

22:13 того же дня

Война – это ужасно. В течение всего дня знания мои дополнялись множеством страшных подробностей о жизни людей в те кровавые годы. Даже думать не смею о том, что может случиться с нашей страной в нынешнем веке при очередной войне...

Экскурсия проводилась в центральных каменоломнях. Мы спускались вниз по каменным ступеням. По ним прошло столько людей, но этот мост между *верхним* и *подземным* миром не всех выпускал обратно...

Стены и потолок вырублены были так, что спуск казался слишком крутым. Несколько раз я могла бы покачаться, споткнувшись, засмотревшись на темноту впереди, если бы папа вовремя не хватал меня за руку. У абсолютного большинства из группы были фонарики, и тусклые лучи света рассеивали эту тьму.

Поверхность, по которой мы шли, была очень неровная. Однако я продвигалась за экскурсоводом свободно, словно с детства лазила по катакомбам, чего не скажешь об остальных. Представляю, что было бы, если бы мы шли в крошечной темноте...

А мы все двигались по длинным коридорам и чувствовали холод от стен и пола. Отовсюду веяло пустотой,

но не той, что образовывается после того, как массивный предмет передвинули с одного места на другое. Это была та *пустота*, которая приходит при осознании, что в этом месте были люди... много людей... У каждого из находившихся была семья, дом, друзья, и каждый любил, о чем-то мечтал, верил во что-то...

Практически все были убиты... Каждый погибший потерял материальное тело, ушел в иной мир. Некоторые умирали от болезни. Другие не переносили сырости и холода подземелья. Кто-то — от жажды. Иные вышли наружу за водой, колодец с которой охраняли фашисты. Но был страшный выбор: что лучше — умереть от пули гитлеровца или видеть, как корчится в предсмертных муках твой товарищ, слышать стоны тех, кто дорог, без кого жизнь жизнью не стала бы?!

Мы проходили некоторые «комнаты», пол которых был устлан мягкими игрушками: черепашки, мишки, зайчики, куклы были там. И погашенные свечи...

— Здесь были обнаружены детские скелеты, — донесся голос экскурсовода.

Как?! В этой темноте и сырости — дети?! Ведь даже в «Детях подземелья» Короленко говорил, что камень высасывает жизнь, а тут еще и война! То есть получается, они находились между смертью наверху и смертью здесь, в каменоломнях... Оказывается, помимо военных, в каменоломни спустились и мирные люди вместе с детьми. И если сердце отзывается болью при словах о погибших фронтовиках, если в мыслях звучит «Нам не нужна война, мы хотим жить!», то как можно спокойно слышать о том, что здесь, в каменоломнях, в этих холодных «гробах» умирали десятки, сотни детей! Как можно не слышать вопли несчастных женщин, не успевших насладиться счастьем материнства?! Проклятая война, сколько жизней ты забрала, *убогая*!..

Мы шли не более сорока минут в теплых куртках, которые нам посоветовали надеть перед началом экскурсии, но я успела порядком замерзнуть. Не знаю, не могу даже представить, каково было им — защитникам каменоломен!

– Почтим память погибших минутой молчания в темноте, в которой они находились в те годы, – глухо прозвучал голос экскурсовода.

Она отключила свой фонарь. В соседних штольнях находились другие экскурсионные группы, и было видно, как постепенно затухали светящиеся точки и вместе с ними пропадали отблески на влажных стенах из известняка.

И вот мы в полной тьме.

Казалось, что она проникала в каждую клетку, въедалась в кожу.

Тишина была вязкой, вынужденной. Липкий страх словно полз по спине, целью его было сердце. Я никогда не боялась ни темноты, ни замкнутого пространства. Этот страх был не мой. Сквозь тишину я будто бы слышала детский плач и стоны раненых из сорок второго. Можно было подумать, что кто-то намеренно или нечаянно открыл портал в прошлое. Я не видела ничего, да и не могла бы. Ни сейчас, ни у людей из того времени не было света. Я не видела ничего, зато слышала.

Теперь меня окружали со всех сторон звуки тех дней. Плач, стоны... Я представила, как поочередно, сменяясь каждые два часа, берут солдаты телефонный провод, подносят один конец к стене, а с другого высасывают мельчайшие капли воды, такие дорогие для всех в этом подземелье. Потом эту воду они сплевывают во фляжки.

Вскоре я почувствовала, что у меня от холода отнимаются ноги, но я не могла пошевелиться – тот самый страх сковал меня. Одна минута тянулась уже почти час, и я поняла, насколько долгими эти минуты были тогда. Однако люди верили в спасение несмотря ни на что, проводили операции в самой дальней штольне, безопасной даже при подрывах фашистами почвы. Они выживали в этих условиях. Даже если минута для них длилась часом, они боролись. С верою и терпением смиренно переносили они все муки и страдания. Ведь наш народ выдержал все, что выпадало на его долю, и все, что ждет его впереди, тоже одолеет, в этом нет сомнений.

Пять с половиной месяцев длилась оборона Аджимушкайских каменоломен. Сто семьдесят дней держали осаду фашисты. Примерно тринадцать тысяч человек спустились под землю, но только сорок восемь из них остались в живых, да и те попали в плен. С тем периодом истории нас разделяют десятки лет, но сквозь годы я чувствую их страдания, я сопереживаю им. Глаза наполняются слезами. Мысли тучами роятся в голове, но я не знаю, о чем они, не обращаюсь к ним.

— Все, — услышала я.

Это слово перекрыло все звуки, которые меня окружали. Рядом вспыхнул фонарный свет, ослепив на время, и слезы от этого вырвались и потекли по щекам. В соседних штольнях, тут и там, начали загораться огоньки.

Экскурсия продолжилась, но я уже почти ничего не слышала: эмоции, переполнявшие меня, не давали сосредоточиться на голосе экскурсовода. Иногда сознание улавливало отдельные фразы вроде «свет был только вначале, а потом они жили в полной темноте...», «пол неровный, а без света ям и не видно...» и пр.

Свет... Без него нам так тяжело жить... А каково было им? Люди в каменоломнях могли подвернуть или вывихнуть ногу, попав в яму, но и не думали о том, что можно выйти туда, на свет, и сдаться фашистам. Они претерпевали муки ради своего счастливого будущего. К сожалению, для большинства оно так и не наступило. Но стремление каждого человека из каменоломен к исполнению этой мечты, заветной мечты, сделало ее реальной для нас...

Я у моря. Хочу помечтать о будущем, но мыслями я все еще в каменоломнях. Эта экскурсия впечатлила меня... я повзрослела, и, наверное, не на один год.

Мягкие облака затянули серое небо. Море наконец успокоилось: теперь вода тихо обмывает песок, словно обнимается с другом, а потом уходит... Прекрасна природа!

Глядя на легкую рябь моря, я вспомнила одну мысль, пронзившую меня в каменоломнях: «Люди должны жить». И не просто жить, а жить достойно. Жить так,

чтобы жертвы, принесенные во имя победы над фашизмом, не оказались напрасными, чтобы не были они пустыми. Я надеюсь, что сердца наших людей готовы вместить в себе историю, все, через что прошел наш народ. Он выдержал все, что выпадало на его долю, и все, что ждет его впереди, тоже одолеет – в этом нет сомнений. Главное – чтобы была вера и чтобы не было больше войн.

Слышен колокольный звон, и рука сама выводит строки:

*И как бы мне хотелось верить в то,
Что войн не будет больше в нашем веке...
Так пусть живет, не гаснет никогда
Любовь и состраданье в человеке!*

**Матюхин Кирилл Владимирович
Рук. – Матюхина Наталья Сергеевна
г. Симферополь**

Когда я приезжаю к моей прабабушке Матюхиной Евгении Петровне, то иногда прошу ее рассказать о той далекой войне, которую она пережила. Прабабушка часто делится со мной своими воспоминаниями.

...В июне 1941 г. девочке Жене было 10 лет. Она жила в городе Евпатория, окончила 4-й класс и с радостью встретила долгожданные летние каникулы. Но ее радости не суждено было длиться долго: 22 июня началась Великая Отечественная война. В первые же дни войны добровольно явились в военкомат сотни человек.

А вскоре и в ее родной город пришла беда: началась оккупация. 31 октября 1941 г. Евпатория была оккупирована немецко-румынскими войсками, в городе размещился румынский гарнизон. Начался террор установленного ими «нового порядка»: аресты, пытки, расстрелы; пляжи превратились в минные поля, обнесенные колючей проволокой.

Женя видела, как 23 ноября 1941 г. недалеко от города, за железной дорогой около аэродрома, немцы собирали всех евреев города и выстроили их вдоль противо-

танкового рва. Когда заработал немецкий пулемет, люди стали падать, как подкошенные. Среди обреченных были папа с маленьким мальчиком. Мужчина толкнул мальчика в яму до того, как в него попала пуля, и, падая уже тяжело раненным, накрыл его собой. Так, ценой своей жизни, отец спас жизнь своему сыну. Более двух тысяч трупов скинули в общую яму. Мальчику пришлось лежать в яме с убитыми до наступления темноты. Ночью он вылез из ямы и смог дойти до своих соседей, которые помогли ему уехать к дальним родственникам в соседнюю деревню.

В процессе постоянных боевых действий, проходивших на территории города, фашистами были безжалостно расстреляны более 6000 мирных евреев, среди которых находились женщины и дети. После расправы их тела сбрасывали в большой противотанковый ров, протяженность которого составляла один километр. На детей, которым было меньше 3-х лет, не тратили пули, к ним подходил палач в черном халате, брал ребенка за ручку, поднимал на уровень своих плеч, смазывал каким-то сильнодействующим ядом им под носом и на губах. Ребенка мгновенно сводили судороги, и его бросали в ров уже мертвым.

Всего в Евпатории за годы оккупации было расстреляно более 12000 мирных жителей. Но и это не сломило дух евпаторийцев. Событие, произошедшее 5–6 декабря 1941 г., только укрепило его. В порту Евпатории с торпедных катеров Черноморского флота высадился небольшой тактический десант. Внезапное нападение оказалось успешным: десантники подожгли находившийся в порту старый парусный баркас и здание горсовета (в котором заняли оборону немецкие захватчики). В городе начался переполох, но моряки благополучно отошли от берега.

Самые страшные воспоминания первых лет войны связаны у бабушки с уличными боями, которые происходили в январе 1942 г. во время высадки евпаторийского десанта. 740 отважных моряков-черноморцев, прибыв на кораблях из осажденного Севастополя, высадились в

разных частях евпаторийского побережья и в течение нескольких часов освободили город от фашистских захватчиков. Они держали город 3 дня. И ждали подкрепления. Но разгулявшийся шторм не дал возможности нашим десантникам высадиться на берег и прийти на помощь морякам. Фашисты же, наоборот, подтянули мощное подкрепление. И завязались страшные уличные бои, которые продолжались более двух недель. Во время боев с моряками немцы врываются в дома местных жителей и прикрывались женщинами и детьми, как живыми щитами.

Женя с сестрами и мамой прятались в погребе. В один из этих страшных дней мама попросила дочку принести из дома матрас, чтобы не было так жестко сидеть на земляном полу. Девочка быстро сбегала домой и, когда уже возвращалась назад, услышала, что в ворота начали стучать немцы. Они требовали открыть им ворота. Жене стало очень страшно, она упала на матрас и завернулась в него. Фашисты долго ломились в ворота, а девочка лежала ни жива ни мертва. Враги так и не смогли попасть во двор, а приближавшиеся выстрелы отогнали их дальше по улице.

Женя и ее родные были спасены. Только после окончания уличных боев они смогли выйти на улицу и увидеть, во что превратился их город. Улицы были усеяны телами моряков. Три дня их никто не убирал: немцы запретили это делать под страхом расстрела. Замерзшие лужи от пролитой крови были красного цвета. Почти все моряки-черноморцы героически погибли. Лишь немногим удалось уйти через Мамайские каменоломни в партизанские отряды горного Крыма. А тех местных жителей, которые помогали раненым морякам, немцы расстреливали, дома их сжигали. 3000 евпаторийцев, вместе с группой раненых десантников, расстреляли на Красной горке. В страхе, отчаянии и ожидании прошли 1942 и 1943 годы.

А 13 апреля 1944 г. на улицы города пришел долгожданный праздник: советские войска освободили Евпаторию от немецко-фашистских захватчиков. В этом принимали участие подвижной мотомеханизированный от-

ряд 2-й Гвардейской армии под командованием подполковника, Героя Советского Союза Льва Илларионовича Пузанова, 14-й истребительно-противотанковый арtpолк гвардии майора Ивана Ивановича Мозгунова, 512-й отдельный огнеметно-танковый батальон гвардии майора Павла Григорьевича Перепелкина, передовой подвижной отряд 3-й Гвардейской стрелковой дивизии под командованием гвардии капитана Владимира Тихоновича Стебунова. Закончились долгие 2,5 года оккупации. В этот же день в 21 час Москва 12 залпами из 124 орудий салютовала освободителям Евпатории. Приказом Верховного главнокомандующего от 24 апреля 1944 г. частям, освободившим Евпаторию от фашистско-немецких захватчиков, было присвоено почетное наименование «Евпаторийских».

Учиться в школе Жене больше не пришлось. Вся страна лежала в руинах, и 13-тилетняя девочка пошла работать на стройку, чтобы помочь взрослым заново отстроить разрушенный гитлеровцами родной город.

***Матюхин Кирилл Владимирович
Рук. – Матюхина Наталья Сергеевна
г. Симферополь***

Лейтенант Щебетов!

Ваше имя селению дали.

Но немногие знают про то,

И про подвиг ваш знают едва ли.

Ю. Друнина

Глядя на карту Крымского полуострова, невольно мысленно уходишь в историческое прошлое нашей Родины. Разнообразие названий населенных пунктов крымской земли погружает в различные временные пласты существования Крыма: мы можем перенестись и в древние времена, и в мрачное средневековье, и на страницы новой истории. Но есть на родной земле такие названия, которые у всех на слуху и очень часто повторяют имена и фамилии знакомых нам людей. Задумавшись, откуда они появились и что обозначают, мы решили изучить та-

кие названия и поняли, что они во многом произошли от имен и фамилий героев, воевавших на территории Крымского полуострова во время Великой Отечественной войны.

Многие из нас живут в Крыму и не знают тех людей, которые более 70 лет назад подарили нам мирное небо над головой. Их имена увековечены в названиях географических объектов, населенных пунктов и даже улиц, на которых мы живем.

Фамилии многих героев боев за Крым появились на карте при массовом переименовании населенных пунктов, начиная с 1944 года. Названия поселений посвящались как военным, так и партизанам.

Например, на территории Симферопольского района располагаются 2 населенных пункта и железнодорожная станция, названные в честь героев Великой Отечественной войны.

Село Денисовка. 18 мая 1948 г. указом Президиума Верховного Совета РСФСР Суин-Аджи переименовали в Денисовку в честь летчика-истребителя, капитана (позже – генерал-майора), Героя Советского Союза Константина Дмитриевича Денисова. За годы войны он, «рыцарь черноморского неба», как его окрестили журналисты, совершил около 500 боевых вылетов, в воздушных схватках с противником сбил 13 вражеских самолетов лично и шесть – в групповом бою.

Село Перово. Историческое название – Баданá. 18 мая 1948 г. населенный пункт совхоза Боданы переименован в Перово в честь Героя Советского Союза, подводника Ивана Перова. Иван Степанович Перов – боцман-сигнальщик подводной лодки «Л-4» 1-го дивизиона бригады подводных лодок Черноморского флота, мичман. За время боевых действий на Черном море он участвовал в 25 боевых походах, во время которых было потоплено 7 вражеских судов.

Остряково – узловая железнодорожная станция в Крыму. Первое название Сарабуз просуществовало до 1945 г. После депортации крымских татар станция была названа в честь Героя Советского Союза Н.А.Острякова,

героически погибшего в обороне Севастополя. Николай Алексеевич Остряков – советский летчик морской авиации, генерал-майор (с июня 1940 года), в 1941 – 1942 гг. – командующий ВВС Черноморского флота. В октябре 1941 г. – апреле 1942 г. совершил 100 боевых вылетов. Погиб вместе с Ф.Г.Коробковым во время авианалета немецких ВВС на ремонтные мастерские флота в Круглой бухте Севастополя.

Село Саблы Симферопольского района было переименовано в Партизанское в честь Бахчисарайского партизанского отряда, действовавшего на территории поселения во время Великой Отечественной войны.

Шестьдесят лет назад на карте Крыма запечатлели имена 25 партизан. Но эти памятники оказались не такими долговечными, как когда-то казалось. Села сливались с соседними, исчезали как неперспективные и малолюдные – и к нашему времени уцелели всего 10 из них.

В настоящее время в Республике Крым насчитывается 1019 населенных пунктов. Из них 35 сел и поселков носят имена Героев Великой Отечественной Войны, что составляет почти 3,5% от общего количества населенных пунктов. Одной из интересных особенностей является то, что ни один город не был переименован в честь героев войны: после войны новые названия получали только сельские населенные пункты Крыма.

С 1945 по 1948 г. всего было переименовано 60 поселений. А на сегодняшний момент их осталось чуть больше половины – 58%. Некоторые вошли в состав городов, другие слились с близлежащими селами. А есть и такие, которые полностью исчезли с карты Крыма.

ЗаклЮчить работу хочется стихотворением, которое сочинили мы с моими родителями – в память о людях, благодаря которым над нами сейчас мирное небо и чьи имена носят села и поселки нашей Крымской земли:

*Как много могут рассказать
Нам имена на карте Крыма.
Герои явятся из дыма,
Чтоб никогда не умирать.
Над нашей крымскою землей*

*Их души, клином пролетая,
Ввысь устремятся, заклиная:
«Не забудь последний бой».
И помним мы героев лица,
Примеры стойкости души!..
Ты имена их запиши
На крымской памяти страницах!*

**Первухина Диана Леонидовна
Рук. – Вальченко Людмила Юрьевна
г. Евпатория**

*Любовь не может заключаться в себе самой,
ибо основное свойство ее – потребность изливаться
на кого-нибудь и на что-нибудь,
и эта потребность привела к созданию Богом мира.*

Святитель Лука

Биография архиепископа Симферопольского и Крымского Луки лежит передо мной, и я задаю себе вопрос: «Смогла бы я любить так же, как мог любить этот величайший из людей?»

Каждый человек сам выбирает то, что ему нужно в жизни. Подсказки, как жить, всегда находятся рядом, необходимо только, чтобы сердце смогло различать, где – плевелы, а где – зерна. Как когда-то дрогнуло сердце у выпускника гимназии Валентина Войно-Ясенецкого от слов «Жатвы много, а делателей мало...», так и мое сердце дрогнуло, когда я открыла биографию великого ученого и великого богослова, врача человеческого тела и врача человеческой души, профессора и архиепископа, человека, который держал в своих руках скальпель и крест. Архиепископ Симферопольский и Крымский Лука (Войно-Ясенецкий) – доктор медицинских наук, профессор, человек великого труда и великой скромности, человек, путь которого – путь самоотречения и жертвенности во имя Христа и ради простого человека.

«Сердце, отданное людям...» Только после того, как я прочитала биографию архиепископа-хирурга, я поняла, что означают эти слова; я поняла, что означает слово лю-

бовь, – оно раскрылось для меня в ином свете. Великий врач души и тела дал ответ мне, что значит открыть сердце и вместить в него добро. Чтобы уменьшить зло в мире, надо искоренить его ростки в своем сердце, для сердца и души необходимо каждый день помогать нуждающимся, учить себя терпению, трудолюбию и жертвенной любви. «Главное в жизни – всегда делать людям добро. Если не можешь делать для людей добро большое, постарайся совершить хотя бы малое», – писал в своих мемуарах ученый.

Автор пятидесяти пяти научных трудов и десяти томов проповедей, автор книг «Очерки гнойной хирургии» и «Поздние резекции при огнестрельных ранениях суставов», которые стали настольными книгами хирургов всего мира; почетный член Московской духовной академии в Загорске; ученый, получивший премию Хойнатского от Варшавского университета; человек, награжденный медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», Сталинской премией первой степени и бриллиантовым крестом на клобуке от Патриарха всея Руси – он прожил жизнь исключительно трудную, наполненную великими страданиями, тяжелейшими лишениями и глубокой любовью к Богу и человеку.

Ради «делания», которое бы приносило пользу человеку и Отечеству, он окончил медицинский факультет Киевского университета, чтобы быть земским врачом. Он отдал всего себя лечению простых людей и исследованиям в области медицины. В тяжелое время начала 1920-х гг. Валентин Феликсович принимает сан священника. С этого момента он, главный хирург Ташкентской городской больницы, приходит на работу только в рясе и с крестом на груди. В 46 лет священник становится монахом и епископом с именем Лука.

А через десять дней начинаются его 11-летние скитания по тюрьмам и ссылкам. Его пытали, заставляя оклеветать других, принуждая сознаться в том, что он состоит в заговоре врачей, от него требовали отречения от священнического сана. И даже обвиняли в том, что он иностранный шпион. Валентин Феликсович прошел че-

рез весь ужас пыток. Но и в тюрьмах, и в ссылке, несмотря на тяжесть своего положения, он всегда помогал людям и как врач, и как священник. Святитель Лука принимал тяжелейшие обстоятельства своей жизни как дар свыше, как сопричастность Жертве Христовой. В одном из писем он писал, что полюбил страдание, потому что оно очищает душу и помогает видеть Лик Христа. «Рясу с меня можно снять только с кожей», – говорил святитель. Чем тяжелее становились обстоятельства жизни, тем шире открывалось его сердце к страданиям простого человека. Великий бессребреник, он никогда не брал деньги за лечение, даже тогда, когда сам находился в крайней нужде.

Когда началась Великая Отечественная война, он просил у Сталина прервать на время войны ссылку, чтобы он мог оперировать раненых солдат. Не жалея себя, он каждый день оперировал по пять-шесть человек. Тысячи людей были спасены им.

Как у яркой талантливой личности, у святителя Луки всегда были недруги – те, кто не мог понять и принять его образ жизни: и среди врачей, для которых немыслим был хирург в рясе и с молитвой, и среди священнослужителей, которые не могли себе представить священника со скальпелем. Но он всегда был любим простыми людьми, теми, которым он спас тело, и теми, кому он спас душу.

Когда владыка умер, три дня не иссякал к нему людской поток, а в день похорон процессия растянулась на три километра. В Симферополь шли люди со всего Советского Союза.

«Не великие дела угодны Богу, а великая любовь, с которой они делаются. Нет ничего великого, когда любят мало, и нет ничего малого, когда любят много», – так пишет святитель Василий Великий. Разве эти слова не являются выражением сути жизни великого святого, ведь святитель Лука был и великим человеком, и великим врачом, и великим пастырем.

*Перечнева Татьяна Сергеевна,
Эмирова Эльнара Дияверовна
Рук. – Арихина Светлана Дмитриевна
г. Евпатория*

Крымские каникулы Юрия Гагарина

Юрий Гагарин – первый человек в мире, совершивший полет в космическом пространстве. 12 апреля 1961 года космический корабль «Восток-1» с летчиком-космонавтом Гагариным на борту совершил всего один оборот вокруг Земли.

Юрий Гагарин из космоса не мог видеть Крымского полуострова. Но он часто приезжал сюда работать и отдыхать. Евпатория, Севастополь, Форос, Ялта, Гурзуф, Симферополь и «Артек» – это далеко не полный список мест в Крыму, где побывал первый космонавт.

В Феодосии был расположен один из центров подготовки и тренировки советских космонавтов. Юрий Гагарин, который летал в космос на корабле «Восток», не мог выйти на старт, не пройдя в Феодосии тренировки на случай экстренного приводнения. Базу выбрал лично Сергей Королев. По словам специалистов, лучшего места для испытания средств посадки космических кораблей было просто не найти. Сухопутный полигон, оснащенный высокоточной измерительной аппаратурой, отлично сочетался с акваторией Феодосийского залива.

В Севастополе, Мирном и на Донузлаве готовились специализированные спасательные суда для помощи космонавтам в случае приводнения в Черном море.

21 сентября 1961 года космонавты Ю.А. Гагарин и Г.С. Титов прибыли в Севастополь. Они посетили Панораму «Оборона Севастополя», посадили деревья на Аллею дружбы народов на Малаховом кургане, осмотрели Диораму «Штурм Сапун-горы».

В поселке Школьное под Симферополем принимали сигналы первого искусственного спутника Земли и управляли луноходами. Школьным поселок называли, чтобы никто не догадался. Военным он был известен как «десятка» – Наземный измерительный пункт №10.

Надпись на монументе гласит: «4 октября 1957 года личный состав в/ч 14109, выполняя решение ЦК КПСС и Совмина СССР, провел первый сеанс космической связи с первым искусственным спутником Земли».

В 1962 году отсюда велась радиосвязь с космонавтами Андрияном Николаевым и Павлом Поповичем, которые в это время находились на борту космических кораблей «Восток-3» и «Восток-4».

По уютным улочкам поселка Школьное прогуливались президент Академии наук СССР Мстислав Келдыш и Сергей Королев, летчики-космонавты Юрий Гагарин и Герман Титов.

Во время официальной поездки по Крыму в сентябре 1961 года Юрий Гагарин с Германом Титовым побывали в Форосе. Они приехали на дачу Максима Горького (дача Тессели), которая использовалась для отдыха советских космонавтов.

«Планета Артек» стала одним из любимейших мест в Крыму для Юрия Гагарина. С пионерами он общался охотно и был довольно частым гостем. Впервые он посетил детский лагерь вместе с Германом Титовым 23 сентября 1961 года. Космонавты выступали судьями на спортивном соревновании, а затем вручали участникам призы и дипломы.

Из воспоминаний Ю. Гагарина о первом визите в «Артек»:

«Вернулся из полета и стал космическим гостем замечательной республики красных галстуков. С тех пор в «Артеке» был не раз. Я вижу, как расцветает "Артек", строится. Все больше здесь дружин, все больше советских ребят и детей из разных стран. Очень рад, что в «Артеке» открылся космический городок, и верю, что еще не один артековец станет разведчиком космических трасс».

В 1962 и 1963 годах Юрий Гагарин отдыхал в военном санатории в Гурзуфе. За время своего отдыха он совмещал приятное с полезным: купался, загорал, ходил на рыбалку, а чтобы держать себя в форме – играл в теннис, волейбол, катался на водных лыжах.

В Симферополе Юрий Гагарин в 1965 году выступил на площадке в районе железнодорожного вокзала, там, где находится гостиница «Артека». На ее стене долго висела табличка «Здесь выступал Гагарин», хотя здание было построено позже – в 1972 году. Поэтому в 2011 году табличку сменили. И теперь на ней написано: «50 лет полета Гагарина в космос».

Но наиболее известное место в столице Крыма, связанное с Гагариным, – консервный завод имени Кирова, где в 1965 году выступил знаменитый космонавт.

Именем Гагарина назван парк в Симферополе. Гагаринский парк – это огромная зеленая зона в центре города. Находится он недалеко от слияния двух рек – Салгира и Малого Салгира. Свое название Гагаринский парк получил по главной моде 1960-х годов – называть все в честь первого космонавта. Улица, которая ведет к парку, тоже носит имя Юрия Гагарина.

Крымский город Евпатория – одно из самых посещаемых космонавтами мест. В 1960-х годах под Евпаторией был расположен Центр управления полетами (ЦУП) и Центр дальней космической связи. ЦУП являлся засекреченным объектом государственной важности, который построили в рекордно короткие сроки – с мая по октябрь 1960 года. Чтобы добиться таких результатов, к реализации проекта привлекли 3000 человек, которые работали круглосуточно, в три смены.

Не секрет, что 12 апреля 1961 года космический корабль «Восток» с Юрием Гагариным на борту стартовал с космодрома «Байконур». Но мало кто знает, что управление первым в мире полетом в космос совершалось из Евпатории.

В Евпаторийском центре управления полетами Юрий Гагарин был руководителем полетов пилотируемых аппаратов.

22 августа 1965 года в Евпатории, в пионерском лагере им. Ю.А. Гагарина, встречали первого космонавта планеты.

Приезд долгожданного гостя пришелся на закрытие лагерной смены, когда было необходимо организовать

отъезд из пионерского лагеря отдохнувших за месяц ребят. Пионерский лагерь, принявший за лето 3 смены детей, стал снова прихорашиваться и готовиться к новой ответственной и волнующей задаче – торжественно встретить дорогого гостя. К встрече первого в мире космонавта Юрия Гагарина ребята начали готовиться к песенному конкурсу, разучивать приветствия, проводить строевые тренировки.

В день приезда в пионерский лагерь Юрия Гагарина пригласили городской духовой оркестр, а со стороны центрального входа на территорию пионерлагеря на улице Полупанова расстелили красную ковровую дорожку. Но не любивший излишней помпезной торжественности Юрий Гагарин, в сопровождении первого секретаря Крымского обкома комсомола Владимира Максимова и второго секретаря горкома партии Валентина Петунова, вошел на территорию пионерского лагеря через второй, обычный вход с улицы Киевской.

После знакомства с пионерским лагерем Юрий Гагарин участвовал в торжественной линейке и был принят в почетные пионеры. Время, проведенное рядом с первым космонавтом Советского Союза, летело быстро. Ребята хотели сфотографироваться с Юрием Гагариным, взять у него автограф на память о встрече, задать какие-то интересные вопросы. Затем Юрию Гагаринову дали все-таки отдохнуть у моря и угостили его рыбацкой ухой.

Делегация из почетных гостей и Владимир Францевич Ясинский, в то время директор пионерского лагеря, провожали Юрия Гагарина до памятника морякам-десантникам, который стоит на Симферопольском шоссе на выезде из Евпатории. Все цветы, подаренные Юрию Гагаринову в пионерском лагере, он возложил у памятника. Ровесник первого космонавта планеты Владимир Францевич Ясинский после той памятной встречи с Юрием Гагариным с особой теплотой хранит подаренное ему фото с автографом первого космонавта планеты.

2 июля 1983 года на территории пионерского лагеря, ныне пансионата им. Юрия Гагарина, был установлен

памятник первому космонавту, выполненный скульптором Зоей Ветровой.

В Евпаторию Гагарин приезжал неоднократно. Но первого космонавта старались размещать так, чтобы его меньше замечали. В санатории «Ударник» он жил в двухкомнатном «люксе» – с ванной, со всеми удобствами, с отдельным входом. Гагарин одевался как типичный курортник того времени – часто это была простая белая рубашка, светлые брюки, черные очки и надвинутая на глаза панама.

В Евпатории 9 марта 1968 года Гагарин отмечал свой последний день рождения в кругу руководства Евпатории и Сакского района в кафе «Юбилейное» по улице Интернациональной (сейчас в нем находится отделение российского банка). Имениннику преподнесли в дар гигантский бисквитный торт в виде книги с надписью: «Дневник космонавта». Гагарин был в восторге. Разрезать шедевр кулинарии так и не решились, попросили отвезти торт любимой супруге. Юрий в ответ на просьбу улыбнулся и пообещал, что скоро вернется в Крым. Но всего три недели спустя Гагарина не стало...

Улицы, носящих имя Юрия Гагарина, есть во всех крупных городах Крыма. В общей сложности в маленьких и больших населенных пунктах Крымского полуострова насчитывается 99 улиц, названных именем первого космонавта. Из них 98 в Республике Крым и одна в Севастополе.

И в Евпатории есть улица, которая носит имя Юрия Алексеевича Гагарина. В 1961 году бывшая улица Надеждинская была переименована в честь первого космонавта.

21 января 1969 года начала свою работу Детская библиотека им. Ю. Гагарина.

А на территории евпаторийской школы «Интеграл» 12 апреля 2015 года установлен памятник Юрию Гагарину.

Прочитанская Екатерина Васильевна
Рук. – Литовченко (Звягина) Ирина Александровна
г. Краснопереконск

Николай Сидоренко. Рыцарь военной музыки

Есть сокровища, спрятанные глубоко в земле, и есть сокровища, находящиеся на поверхности и передающиеся из поколения в поколение, очаровывая душу человеческую. К таким сокровищам относится и память народа о героическом прошлом, о наших доблестных защитниках.

Великая Отечественная война – особая страница в истории нашего государства. Более полувека отделяют нас от трагических и победных дней Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Все меньше остается живых участников и свидетелей тех лет. И наш долг – сберечь память о доблестном подвиге наших отцов и дедов. А сохранить ее нам помогает литература. Люди, посвятившие этому событию свое творчество, по праву могут носить звание Рыцаря военной музыки. В ряду славных имен таких рыцарей есть имя и нашего земляка, жителя Краснопереконска Николая Ивановича Сидоренко.

Николай Иванович Сидоренко родился 26 июня 1936 г. в селе Воинка Краснопереконского района Крымской области. Его отец, Иван Федосеевич, работал в колхозе механиком. Мама, Клавдия Васильевна, была учительницей младших классов воинской школы. Жили дружно, но в 1941 году началась война. 24 июня 1941 года Иван Федосеевич ушел защищать Родину. С войны он не вернулся. Когда в более позднем возрасте Николай Иванович стал увлекаться литературным творчеством, образ отца нашел отражение в его военной лирике.

После окончания воинской школы в 1956 году Николай Иванович поступил сначала в Джанкойское училище механизации. А позднее, в 1959 году, – в Харьковский электротехникум без отрыва от производства. Все это время перед глазами был пример его матери – одной из многих женщин послевоенной поры, так и не встретившей своего солдата.

Солдатская вдова... Не понаслышке Николай Иванович видел и знал, как тяжело приходилось тем, кто ждал. И как горько было тем, кто не дождался.

Мать

В полях следы войны минувшей

Почти запрятал дикий мак...

Навек запал солдату в душу

Изрытый бомбами большак.

К победе шел дорогой дальней,

И не было трудней дорог.

Детей и женщин взгляд печальный:

«Солдат, спаси!» – он душу жег.

Их заслонив своею жизнью,

Встал неприступною стеной.

И спас солдат свою отчизну,

Хоть не вернулся сам домой.

Победный залп! Родную роту

Дорога к миру позвала.

По дому много ведь работы...

«Не может быть...» – и мать ждала.

Ее мы образ помним свято,

Такой осталась на века:

Перекрестит она солдата,

Протянет кринку молока.

В глазах ее видны, как прежде,

И боль, и нежность. И тоска.

Так и стоит в своей надежде,

Кого-то ждет у большака...

В образах Отца-солдата и Матери – солдатской вдовы Николай Сидоренко отразил трагедию целого поколения. Он всегда был плоть от плоти своего народа, жил его интересами. Сейчас есть такое понятие «дети войны». Если говорить сухим канцелярским языком – это граждане нашей страны, которым на момент окончания войны не исполнилось еще 18 лет. А если отступить от канцеляризма – что такое дети войны? Это дети, лишённые детства. То, что увидел и запомнил маленький Коля в оккупированной немцами Воинке, врезалось ему в память на всю жизнь.

Память

*Застыло кадром неподвижным,
Забывать такое не дано:
Сквозь дымку времени я вижу,
Как хлеб горит в «Заготзерно»...
Горьки до боли вести с фронта.
Что ждет родное мне село?
Клубится дым до горизонта.
А с ним и детство уплыло.*

Увлечениями Николая Сидоренко были туризм и поэзия. Любимым автором – Александр Трифонович Твардовский, настольной книгой – «Василий Теркин». Как он сам говорил:

*Васю я люблю чертовски,
Ну как Бога самого.
Да простит меня Твардовский
За героя своего.*

*Про кисеты и погоны
Рад писать я без конца.
Мне всегда была иконой
Его книга про бойца.*

«Книга про бойца» – одно из главных произведений А. Твардовского. Поэма посвящена вымышленному герою, простому русскому солдату, способному и на подвиг, и на шутку, с достоинством преодолевающему тяготы военных будней. И Николай Сидоренко, рисуя в своих произведениях образ солдата, старался, чтобы реалистичностью изображения его солдат был такой же живой и настоящий, как и Василий Теркин.

Стихи о военном быте у Николая Сидоренко не всегда окрашены в трагические тона. Точно так же, как и Василий Теркин, его герои любят пошутить во время краткого отдыха, побалагурить. Но, как говорится, в каждой шутке есть доля шутки. А все остальное – правда. Суровая правда, встающая со страниц книги «Память», изданной в 2001 году, привлекает, во-первых, своей неподкупностью и чистотой, а во-вторых – своей любовью к людям, к Родине.

Трудовая биография Николая Ивановича – это связь. В органах связи он проработал 46 лет, неоднократно был награждаем почетными грамотами и благодарностями. В апреле 1991 г. приказом Министерства СССР ему было присвоено звание «Мастер Связи» с вручением нагрудного знака. 16 ноября 1995 г. за долголетний добросовестный труд был награжден Министерством Украины медалью «К 100-летию со дня изобретения радио». Так получилось, что на пенсию его проводили дважды, и ушел он с работы, когда ему было 66 лет. Когда знакомишься со скучными фактами его обычной биографии, не оставляет мысль о том, что вся его жизнь состояла из трудовых будней. И, вероятно, он сам ассоциировал себя с рядовыми тружениками военных будней, о которых так много и проникновенно писал.

Книга «Память» – это не только о тех, кто воевал и погиб. Это книга и о тех, кто вернулся, и о тех, кто живет сегодня, и о том отношении к ветеранам, которое существует сейчас. Мы с уважением вспоминаем о них в День Победы. Мы говорим в их адрес красивые слова, дарим цветы, мы соблюдаем традиции. А в повседневной жизни уважение к солдату присутствует не всегда. И вот это особенной болью отдавалось в сердце Николая Сидоренко. Об этом написаны им очень горькие строки.

Он возглавил литературное объединение «Пятиозерье» в 2000 году и оставался его руководителем до конца 2006 года, а в январе 2008 года его сердце остановилось. В 2016 году стараниями многих людей и благодаря спонсорской помощи был выпущен сборник стихов Николая Ивановича Сидоренко «К родным тянуло берегам» и в рамках празднования Дня Города на доме, где он жил, была открыта мемориальная доска. Посмертная книга поэта содержит не только его подробную биографию и большое количество стихотворений, но и воспоминания о нем его соратников и современников.

«Когда в наших местных газетах "Перекоп" и "Северная Таврида" я читаю стихи Николая Ивановича Сидоренко, мне невольно вспоминаются слова Ю. Нагибина о том, что поэзия – не что иное, как мостик от одного

сердца к другому, что поэт видит мир точно так же, как и все люди, но чувствует его гораздо глубже», – так писала в 1995 г. о Николае Сидоренко газета «Северная Таврида».

В стихах Николая Ивановича Сидоренко привлекает его неподдельная искренность – о чем бы он ни писал: о войне, которая опалила его детство, о трудных послевоенных годах, о родном Перекопском крае, о Крыме. Он любит эту землю, он родился здесь, в селе Воинка, отсюда в 1941 году ушел на фронт его отец. Здесь после гибели отца он остался единственным мужчиной в семье. И не только мама и бабушка, с которыми он жил, думали о нем, о его будущем. Юноша Николай тоже думал о них, когда после окончания школы пришлось выбирать жизненный путь. Было училище механизации, была работа тракториста в колхозе, заочная учеба в Харьковском электротехническом техникуме связи, более четверти века отдано работе в системе связи.

А поэзия? Как она вошла в его жизнь? Думается, органично и легко, потому что была огромная любовь к книге, к русскому слову. Не надо было ничего выдумывать. Потому что все, о чем он пишет, – вокруг него. Это жизнь, это то, что выношено в мыслях, что прошло через сердце. Одно из самых трогательных его стихотворений – о солдатской вдове, оно посвящено матери и всем вдовам Великой Отечественной войны.

Солдатской вдове

Маме и всем вдовам Великой

Отечественной войны посвящаю...

В пункт призывной идут мужчины.

Война. Скупых не видно слез.

Хлыстом команда: «По машинам!»

Пыль на зубах из-под колес.

Она тогда еще не знала,

Что скажут скоро: «Ты вдова!»

Безмолвно с первенцем стояла,

Глядя вослед. К чему слова!

Кружил журавка в небе звонком

В краю задумчивых берез.

*Не он ли утром похоронку
Солдатке верной в дом принес?
Кто мерил горечь женской доли?
Вся в блесках ранней седины,
Она по мрачной шла юдоли,
Неся все тяготы войны.
Плывут года, а слезы льются,
Война идет на память вновь.
Зачем же люди расстаются,
Когда у них была любовь?*

Перекоп в творчестве Николая Ивановича занимает особое место. Наверное, нужно было прожить здесь всю жизнь, пройти с этой землей ее беды, ее радости, чтобы написать так, как это звучит в его стихотворении «Вот уже из глубин светофора...»:

*Красив наш город, весел, молод, вечен!
Влюблен в свой вдохновенный труд!
И пусть на картах мира не отмечен –
Отметят, я уверен, нанесут!*

Разве это случайно? Конечно, нет. Ведь здесь – родная с детства раздольная перекопская степь, речушка с милым названием Чатырлык. Кто из нас, перекопцев, не бывал в Стерегущем у моря, и не переживал то, о чем пишет Николай Иванович? Разве нам не близки восторги перед красотой моря, беззаботности отдыха у него и горечи расставания с ним?

«Бог оказал мне великую милость: часть пути пройти рядом с Николаем Ивановичем. Есть люди не от мира сего – и он жил как бы в двух мирах: земном и небесном. Любил тишину, уединение, шум ветра, пение птиц, шелест листвы. Его душа радовалась улыбке ребенка, травинке... Благодарю вас, Николай Иванович, за душевную щедрость, умение прийти на помощь незаметно и бескорыстно, за желание поделиться знаниями, за доброту», – писала в своих воспоминаниях Севастьянова Т.В, его коллега по работе.

«Мне кажется, что Николаю Ивановичу больше всего подошел бы эпитет "народный", потому что каждый читатель в его творчестве найдет что-то свое, для себя

родное, абсолютно доступное, простое и понятное. То, что никого не оставит равнодушным», – из отзыва учительницы Н. Норик.

«В одной из публикаций, посвященных Николаю Ивановичу Сидоренко, он назван "красноперекопским алмазом". Спорить с этим трудно. Творчество Николая Ивановича имеет множество граней, каждая из которых, преломив его душевные переживания, озаряет нас чистой духовности», – так написала о нем В.И. Финиковская, директор МБОУ «Средняя общеобразовательная школа №1 г. Красноперекопска.

А мне кажется, что главная черта Николая Ивановича Сидоренко – неравнодушие. Ему было совсем безразлично, что творится вокруг. В этом его человеческая и поэтическая суть.

Руднев Александр Петрович

г. Коломна

Московская область

Страницы истории многострадального Крыма

В.Б. Спиртус. «Симферопольские хроники с личными вкраплениями». М., «Серебряные нити», ЦГИ, 2022, 99 с.

Последняя по времени написания книга феоodosийского, а ранее киевского писателя и поэта Владимира Спиртуса представляет собой развернутый краеведческий очерк, перемежающийся с личными воспоминаниями, посвященный крымской столице, городу Симферополю, разным аспектам его истории, в основном культурной истории XIX и XX веков.

Вл. Спиртус известен как автор ряда книг, выходявших в предыдущие годы и десятилетия – «Монастырские очерки» (2000, 2019), «Паломничество в Одессу» (2005), «Волошинские склоны» (2013). В 2018 году в Москве опубликованы его сборник стихов «Букет осьмистрочников», а также рассказы и воспоминания «Принять подарком жребий свой», написанные в легкой манере, неторопливым языком. Автор не скрывает своего православного мировоззрения, приверженности традиции и

боли за происходящую утрату Симферополем своего «архетипа».

На страницах книги В. Спиртуса, принадлежащего к людям послевоенного поколения, Симферополь, теперь во многом неузнаваемо преобразившийся, предстает со всеми его историческими пластами, этническими и культурными традициями в некоторой ретроспекции – каким знал его автор на протяжении своей жизни.

В предисловии, написанном Ст. Айдиняном, отмечается, что книга представляет собой «теплые, непосредственные воспоминания о людях, зданиях и улицах, составляющих живую историю». И книга, по верному замечанию Ст. Айдиняна, дает объемный портрет города именно «глазами писателя». Это увлекательный рассказ не только об исторических зданиях и улицах, чаще всего переименованных, но прежде всего – рассказ о живших и бывавших здесь, в крымской столице людях – священнослужителях, ученых, литераторах, врачах, музыкантах, художниках. И многие детали жизни Симферополя уже давнего времени, которые приводятся писателем, отражают живой воздух эпохи, связаны с формированием личности автора в период его возрастания. Ведь известно, что «малая родина» для человека значит много и откладывает отпечаток на всю дальнейшую его жизнь.

Автор выразительно, с разных точек зрения описывает «физиономию» Симферополя и его душу, если воспользоваться известным выражением Н.П. Анциферова («Душа Петербурга»).

В. Спиртус отмечает, что несколько центральных улиц дают наиболее полное представление о губернском Симферополе XIX – начала XX века. Пожалуй, самой красивой и респектабельной в городе является улица Горького, бывшая Дворянская. Она застроена дворянско-купеческими домами, сохранившими в своем облике дыхание истории, ее колорит.

Среди описанных примечательных зданий Симферополя – русский драматический театр, который до революции именовался Театром таврического дворянства. В этом театре с 1918 по 1923 гг. начинала свой творче-

ский путь Ф.Г. Раневская, за короткое время ею было сыграно здесь пять ролей в пьесах А.П. Чехова. В Симферопольском драматическом театре в период Великой Отечественной войны действовала подпольная группа, поддерживавшая связь с партизанами. За несколько дней до освобождения Симферополя все подпольщики были схвачены и расстреляны неподалеку от города. На эту тему был создан художественный фильм «Они были актерами» (режиссер Георгий Натансон, 1981 г.).

В книге уделено место одной из наиболее значительных архитектурно-исторических достопримечательностей Симферополя – дворцу графа М.С. Воронцова, окруженному великолепным парком. В этом здании несколько раз вместе с наследником, будущим императором Александром II, останавливался в 1830–1840-х годах император Николай I.

В главном парке Симферополя (бывшем Горсаду) был недавно восстановлен памятник Екатерине II, поставленный в 1890 году и впоследствии уничтоженный. На этом месте в советское время находился памятник В.И. Ленину. А на площади перед вокзалом в свое время возвышалось памятное автору огромное бронзовое изваяние И.В. Сталина. Кстати, нынешнее здание железнодорожного вокзала было построено в послевоенное время по проекту архитектора А.Душкина в помпезном «классическом» стиле. Он же проектировал и аналогичное сооружение в Сочи.

С Симферополем, как раскрывается в книге, связан значительный пласт истории отечественной медицины. Спиртус с любовью пишет о читальном зале библиотеки им. И. Франко, который он посещал в юности. Когда-то здесь, в двухэтажном здании Дворянского собрания, в период Крымской войны располагался военный госпиталь, в котором оперировал раненых знаменитый хирург Н.И. Пирогов, а у него ассистентом работал С.П. Боткин – будущий личный врач семьи императора Николая II, расстрелянный вместе с царской семьей.

В центре города установлен памятник исповеднику и архиепископу Крымскому, выдающемуся хирургу –

профессору Луке Войно–Ясенецкому. Ему была присуждена Сталинская премия за фундаментальную работу о гнойной хирургии. В Свято-Троицком соборе с 1996 года почивают мощи святителя, поклониться которым и попросить помощи в исцелении приезжают православные люди с разных концов Земли.

С Симферополем также связана династия Арендтов, известных деятелей отечественной медицины, родоначальник которой Н.Ф. Арендт (1785–1859), лейб-медик императора Николая I, находился у постели умирающего Пушкина после его дуэли с Дантесом. Его брат, племянник и праправнук также были известными врачами. К сожалению, дом, связанный с этой фамилией (ул. Карла Маркса, 25), долгое время был в полуразрушенном состоянии, еще когда Крым входил в состав Украины. Местные нувориши хотели его вообще уничтожить, но за спасение исторического здания взялись широкие круги общественности. Дело получило широкий резонанс, и после долгих мытарств дому все же был присвоен статус памятника архитектуры и истории. Однако, увы, он и доселе продолжает разрушаться...

Среди врачей, работавших в Симферополе, нельзя не упомянуть и имени известного психиатра Н.И. Балабана, разработавшего метод лечения шизофрении с использованием инсулинового шока. В годы Гражданской войны он вылечил от тяжелой депрессии уже упомянутую актрису Ф.Г. Раневскую. Во время немецкой оккупации Н.И. Балабан прятал на территории больницы евреев и спас сотни человеческих жизней. Но сам впоследствии, как еврей, вместе с женой Елизаветой Нелидовой, русской дворянкой по происхождению, и уцелевшими еще пациентами его больницы, был расстрелян фашистами в марте 1942 года.

Из писателей, живших и посещавших Симферополь, в книге упомянуты А.С. Пушкин, побывавший здесь в 1820 году в период своей южной ссылки, один из виднейших литераторов XIX века К.Н. Батюшков, лечившийся у докторов А.Ф. Арендта и Ф.К. Мильгаузена, молодой подпоручик граф Лев Толстой, участник Севасто-

польской кампании, воевавший на знаменитом 4-м бастионе Севастополя. В советское время в Симферополе некоторое время жил известный поэт И.Л. Сельвинский.

Много страниц книги посвящено славной истории образовательных учреждений города. На ул. К. Маркса (бывшем Екатерининском проспекте) находится старейшая средняя школа Крыма – №1, с 1991 года снова ставшая гимназией. Стены этого здания в XIX и первой половине XX века видели множество выдающихся деятелей науки и культуры. Здесь работал учителем будущий великий ученый-химик Дмитрий Иванович Менделеев, в этой гимназии учились художник-маринист И.К. Айвазовский, врач и общественный деятель, зачинатель дельтапланеризма Н.А. Арендт, академик, руководитель атомного проекта И.В. Курчатов, известный филолог академик Н.С. Державин, историк А.С. Лаппо-Данилевский, композитор и дирижер А.А. Спендиаров, и это далеко не полный перечень.

Главное высшее учебное заведение в Крыму – Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского (ТНУ). Вследствие Гражданской войны в Крыму в начале 1920-х годов здесь оказалось множество замечательных ученых: академиков и профессоров. В 1920 году ректором Университета был академик Владимир Иванович Вернадский – ученый, общественный деятель, философ, создавший учение о ноосфере. Здесь работали академик, писатель, лауреат двух Сталинских премий В.А. Обручев, религиозный философ С.Н. Булгаков, ученый-биолог, издатель, переводчик философской литературы Д.Е. Жуковский, известный поэт, переводчик и литературовед Г.А. Шенгели и многие другие.

Рассказывает автор еще и о музыкальном училище имени П.И. Чайковского. Основание училища связано с именем С.В. Рахманинова, в 1909 году возглавившего Симферопольское отделение Русского музыкального общества. Среди выпускников его – композитор, проф. М.И. Чулаки, долгие годы бывший директором московского Большого театра. Уже в 1920-е годы здесь был создан замечательный симфонический оркестр, где в 1925–

1926 годах в качестве альтиста работал И.О. Дунаевский. Выпускником училища был выдающийся композитор XX века Алемдар Караманов. От московской суеты в поисках свободы он бежит в «провинцию», возвращается в родной Симферополь, предпочитая писать ноты «в стол» и жить в крайней бедности, но не продавать свое первородство за чечевичную похлебку.

Кроме архиепископа, святителя Луки (Войно-Ясенецкого), в книге есть рассказ и о других выдающихся деятелях православной Церкви, пострадавших в безбожные времена. С Крымом и Симферополем в разное время были связаны схиархиепископ Антоний Абашидзе (1867–1942), в миру князь Давид Ильич Абашидзе, и священномученик Никодим, архиепископ Костромской (1868–1938), в миру Николай Васильевич Коротков. Автор рисует впечатляющую и поучительную картину их многострадальной трагической жизни.

И еще книга открывает яркую историю одного необыкновенного человека, незаслуженно обойденного вниманием, жившего последние годы жизни недалеко от Симферополя в с. Заречном. Это – Георгий Эдуардович Бострэм – старец-иконописец, бывший духовным наставником композитора Алемдара Караманова. Корни шведского рода Бострэмов на юге Российской империи уходят во времена Петра I.

В молодости Георгий Бострэм окончил Одесское художественное училище, затем обучался в Петербургской и Мюнхенской академии художеств, где близким другом его стал Василий Кандинский. Бострэм участвовал в выставках художников абстракционистов, изучал мировые религии, занимался музыкой. Потом все бросает, сжигает свои картины и отправляется в путешествие. Посещает католические монастыри Германии и Франции, православную Грецию и Афон. Вернувшись в Россию через Персию и Алтай, всю свою последующую жизнь он посвятил Православию.

Бострэм был монахом в миру. После революции, работая реставратором и иконописцем в Троице-Сергиевой Лавре, он встретил женщину с маленькой до-

черью на руках. Впоследствии девочка стала его приемной дочерью и в 1960-х годах, будучи уже врачом, забрала его в Крым.

Бострэм пишет и реставрирует иконы и картины, восстанавливал иконостасы и росписи в Загорске, храмах Архангельской и Московской области, в Коломенском.

Его соседом в Загорске был умерший от голода в 1919 году известнейший русский мыслитель, эссеист В.В. Розанов. Часто заходил к Бострэму живший там же М.М. Пришвин. Кроме того, Бострэм хорошо был знаком с М.С. Нестеровым, В.А. Фаворским, отцом Павлом Флоренским, священником-писателем и искусствоведом С.Н. Дурылиным. Впоследствии дружил с офтальмологом академиком В.П. Филатовым, великим певцом И.С. Козловским, нередко навещавшим его в Крыму и учившимся у него живописи.

После закрытия Троице-Сергиевой лавры он по одной версии был приговорен к расстрелу, а по другой – к длительному сроку заключения. Однако ему чудом удалось бежать, долгие годы он провел в скитаниях по России и Украине, скрывался какое-то время в Средней Азии.

Бострэм был пламенным проповедником православной веры и в богоборческие времена духовно питал многочисленную творческую среду из музыкантов, врачей, художников. Ему пришлось пройти через тяжелейшие испытания, выпавшие на долю его поколения.

В Крыму осталось только пятнадцать его работ. Остальные – в Троице-Сергиевой Лавре, в Русском музее, Третьяковской галерее, Лувре, в музее Соломона Гугенхайма (Нью-Йорк)».

В качестве заключения следует сказать, что читатель получает очень интересную, полезную познавательную книгу.

Волны

Какие волны нынче – просто жуть!
И на кого Нептун так грозно злиться?..
Но лишь послушай: эти волны ржут
Под ветром, как степные кобылицы.

На их крылах и в вечность не зазорно!
А эти гребни-гривы каковы!
Сравниться с ними может лишь ковыль,
Что на ветру вынашивает зерна.

Нежнее разве только та, вдали,
Забытая за горизонтом темным,
Где разрезают море корабли
И где закат до неприличья томен.

Где был я счастлив пару-тройку дней,
Как море солнышком, любовью полный...
И нет тех дней мне ближе и родней.
...О, как же вы разволновались, волны!

Евпатория, 2018 г. – Анапа, 2021 г.

Я ищу Тебя
(вроде шутки)

Я ищу Тебя –
Тебя все нет.
Может быть, и не было на свете.
Может, даже прошлогодний снег
Для кого-нибудь реальней светит.

Но сегодня вот явился сон:
Будто мы с Тобою в Крым катили.
И казалось мне, что я спасен!..

А потом казалось: Ты, не Ты ли –
Все-то так неясно поутру –
Точно наваждение какое!

Наяву в пустую явь смотрю –
Вижу одиночество с тоскою.

Кто-то скажет:
Мол, а что жена?
Есть она – так что ж по Крымам едешь?

Так и есть.

Так что ж так прожжена
Психика поэта?..

Ты Там есть же!

А в Крыму...

...А в Крыму и небо выше,
И в полуночной глуши
Море всем прибоем дышит
И катает гольши.

Только как оно ни бейся,
Жизнь – одна, конец – один.
Но под крымским поднебесьем
Верится: непобедим

Ты не то что бы судьбою,
Но и вечностью самой,
Что томит ночным прибоем,
Тем увенчивая мой
День...

А море дышит, дышит
И катает гольши...

А в Крыму и небо выше,
И крымчанки хороши!

Крым и Юрий Казаков

В литературе о «Крыме литературном» нам ни разу не встретилось упоминания о Юрии Павловиче Казакове. Возможно, мне не попадалось соответствующего источника. Либо причина тому известная верность писателя Белому морю и даже вроде бы «нелюбовь» к южным приморским городам, свидетельством чему его откровения на эту тему в эпистолярной и художественной прозе – прежде всего рассказ «Проклятый Север», первоначально называвшийся «Нам становится противно».

Действие его происходит в Ялте – жемчужине Крыма. И пейзаж и настроение в нем ожидажны – первоначально прекрасны:

«В Ялте горы казались красно-лиловыми, море синело и блестело, туманы были редки, а на набережной продавалось кислое крымское вино. Везде из садов, из-за каменных стен, на узких кривых татарских улочках в гористой части Ялты тянуло запахом цветов и влажной земли. И вообще пахло югом, древними горами и морем. На камнях, на плитах тротуаров лежали розовые лепестки – деревья осыпали свой цвет, и весь Крым в эту пору розово дымился и пах нежным дурманом. На базаре продавали красную редиску и невиданную иглу-рыбу с черной спиной, белым брюхом и зеленым позвоночником.

Мы жили в гостинице на набережной, и по ночам под нашими окнами шумело море, иногда перехлестывая через парапет. Мигал рубиновым глазом маяк в конце мола, и часто заходили, медленно вдвигались и застывали в порту красивые, освещенные, белые пароходы».

Но уже со следующего же абзаца окружающая действительность и отношение автора и его героев к ней в корне преображаются:

«Мы презирали эти пароходы за их величину, за лень и благополучие, за их освещенность и легкость. Мы не могли смотреть без смеха на южных моряков-каботажников, на их белые мичманки, белые рубашки, на галстуки и на их отутюженные брючки. Мы вспоминали, как кривоного, беспомощно и упорно пляшем мы в полярном мраке, среди воя и свиста, среди гулких ударов,

скрипа и треска – на палубах, резко освещенных рабочими лампами <...>

Еще цвело в Ялте иудино дерево. Не было на нем веток, не было листьев – просто мучительно искривленные коряги, черные во время захода солнца и будто сочащиеся кровью. Но в то же время они и мохнаты были, как уродливые гусеницы, от цветов, которые лезли прямо из коры.

Одно такое дерево торчало как раз под верандой нашей гостиницы. Мы сидели вечерами на веранде, пили коньяк и кофе – единственный хороший кофе во всей Ялте, – смотрели молча то на море, на огни в порту, то на набережную, на женщин и пижонов в цветных рубашках, то на это дерево. Когда нам надоело смотреть вниз, мы поворачивались и смотрели на горы, которые постепенно теряли свои краски, становились сперва палевыми, дымчатыми, потом густо-лиловыми, потом черными...

Днем мы толкались на набережной или ездили в Гурзуф, в Ореанду, вечером снова бродили по набережной, под фонарями. И днем и вечером всюду было оживленно, шумно,людно, пахло духами, пудрой, женским телом – все будто торопились жить, все хотели счастья, легкости и знакомств.

А нам было скучно. Каждый раз вечером наваливалась на нас тоска, и Ялта казалась нам убогой, веселье людей – неестественным, и даже море было для нас не настоящим, слишком прилизанным и удобным, созданным будто специально для отдыхающих, для прогулок на катерах. А катера были обязательно с громкоговорителями, и обязательно на весь порт, на всю Ялту, на все море хрипели и выли давно знакомые, заезженные пластинки.

Отчего нам было скучно, мы не знали».

Вот тебе и Черное море и самый лучший город на его побережье, а вкупе с ним и разные там «Алушты, Алупки и Симеизы». О какой любви к ним со стороны Ю. Казакова здесь можно говорить?!

А она была – иначе зачем ему нужно было ехать сюда. Причем взаимная – иначе он не смог бы создать здесь за довольно короткий срок целых три рассказа. Так,

в пору пребывания здесь весной 1961 года из-под пера Казакова, талант которого может показаться непосвященным вроде бы не столь щедрым, если исходить из количества написанных автором художественных произведений (впрочем, этим ли измеряется писательская состоятельность?), вышли рассказы «Вон бежит собака!», «Осень в дубовых лесах», «Зависть».

Они не о Крыме. Но написаны-то в Крыму – а это очень показательно, как и письмо, адресованное Казаковым другу Виктору Конецкому – тоже прозаику, который, видимо, только и мог понять истинную «подоплеку», «психологию» создания названных рассказов, так сказать, их «почву», на которой они окончательно вызрели.

Это письмо из Коктебеля от 16 мая 1961 года не широко известно, т. к. ранее опубликовано было лишь дважды: с сокращениями в воспоминаниях Конецкого В.В. в журнале «Нева» (1986. № 4), а в полном виде лишь в 500-экземплярной книге И.С. Кузьмичева «Жизнь Юрия Казакова. Документальное повествование» (Санкт-Петербург, 2012). По последнему источнику, в целях популяризации письма Казакова, а вместе с этим и темы «Казаков и Крым» и для того, чтобы показать, что в Крыму ему было вовсе не «противно» и не «скучно», а очень даже хорошо, мы и приведем это письмо (с сохранением особенностей авторского письма):

«Старик, спешу поделиться с тобой своей радостью – ибо больше не с кем. А ты поймешь ее, эту мою радость, где-то ты ее поймешь. Кстати, заразное слово это "где-то", его у меня вдруг обнаружилось в рассказах – как вшей на подоконнике. И я его давлю. Так вот, повторяю, ты поймешь, почему я сижу сейчас за тремя бутылками пива и за таранью, рву ее зубами, жую, пускаю на грудь себе слюни, подбираю их и пью пиво, круто посоленное. Кстати, не задумывался ли ты как писать "посоленный" или "посоленный"? Из-за этого загадочного слова появление на свет моего рассказа "Трали-вали" задержалось ровно на три дня. Я ходил вокруг машинки, изредка бегал в клуб выпивать, и все думал, как написать? Там у

меня в первой фразе есть слово "недосоленный". Так вот я не знал, как его посолить.

Короче говоря, собака прибежала! Она прибежала, вернее пробежала, и это произошло за рекордное время – три часа! Ура! За три часа, старик, я отгрохал рассказ и тархтел на машинке так, что под моим окном собралась вся улица. Размер этого шедевра 13 стр. ("Вон бежит собака!" – И. К.). Но этого мало! На другой день, разъярившись, я сел за новый рассказ и затьмутараканил его за шесть часов ("Осень в дубовых лесах" – И. К.). Мало того! Сегодня я сел за машинку и, стуча на ней, как на кастаньетах, нащелкал еще пять тысяч слов и обрел новый рассказ про войну ("Зависть" – И. К.). Старик! Я плакал, пиша его, я сморкался одной рукой, шмякал сопли об пол, а другая рука в это время выбивала глаголы и существительные.

Три рассказа, старик, за три дня! Теперь я, как падишах, пью пиво и жру тарань. Я начхал на всех хемингуэев и разных прочих ричидостян*. Теперь я могу ехать на Север. Сегодня я долго думал кому послать телеграмму, о том, что у меня столько изумительных рассказов. Я сперва хотел в "Огонек", потом – в "Литгазету", потом в "Знамя". А потом я раздумал, хотя эти рассказы жгут мою душу и требуют немедленного опубликования.

Ах, ах, не времена, старик! Если бы это были раньшие времена, то в "Новом времени"*** появилась бы заметка: "Знаменитый писатель Юрий Казаков, который сейчас находится в Коктебеле, закончил четыре новых рассказа. По слухам, право переиздания он предоставил газете "Правда". Читатели с нетерпением ждут опубликования новых шедевров гениального русского писателя, о котором Толстой сказал, что он второй Толстой. Соб<ственный> корр<еспондент> Трахман". Анонсы, авансы... Все приятные слова, кстати, кроме "алиментов", начинаются на "А". В Бухаресте полно магазинов, кото-

* Достян Ричи Михайловна, прозаик. Хемингуэй в особом представлении, кажется, все еще не нуждается.

** Газета «Новое время» издавалась в Петербурге с 1868 по 1917 год.

рые называются почему-то "Алиментаре", что приводило наших женщин в восторг.

Да! Знаешь, Витька, мое поведение повергло моих хозяев в уныние и испуг. Я не сказал им, конечно, что я писатель. Они привыкли к отдыхающим. Они привыкли, что нормальные люди встают утром, завтракают и идут на море до обеда, потом они обедают и идут опять на море и т. д. И вдруг появился поц, который не выходит из комнаты совершенно, ложится спать в три часа, встает в семь и издает подозрительно щелкающие звуки. Они потребовали с меня паспорт и залог 10 руб. И сказали, что если б знали, то никогда не сдали б мне комнату, так как неизвестно, чем я занимаюсь вообще и не вредный ли я для общества человек.

А как тебе понравится такая деталь? "Телята с наслаждением паслись на седых озимых и часто мочились, задирая хвосты и расставляя курчавые в паху ноги. И там, где они мочились, появлялись изумрудные пятна обрызганной ржи" ("Осень в дубовых лесах" – И. К.). Дело происходит в осенние заморозки. Это я сам придумал, ей-богу!

Я еле пишу тебе это письмо, т. к. устал – это идет нынче седьмая тысяча слов – и поэтому закругляюсь. Я тебя страшно люблю! Напиши мне в Москву, ибо здесь мне делать больше нечего и я скоро уезжаю, только покупаюсь и загорю дня за три-четыре. Целую!

Твой Ю. Казаков

Большуший привет маме! И еще просьба, если вам напишут из Ялты насчет моей книжки "На полустанке", кот<орая> числится за твоей мамой, то ты ответь, что она отдала ее какой-то женщине с просьбой, чтобы та сдала. (Я эту книжку взял у вас и затаил, короче спер в Ялтинской библиотеке, т. к. у меня нету.)».

Кстати, в моей домашней библиотеке книга «На полустанке» (Москва, «Советский писатель», 1959 г.) есть. Поэтому, если ялтинская библиотека, из которой Казаковым она была «сперта», откликнется, я эту книгу ей охотно «верну» – «за» Казакова, с любовью.

Казань, 8 января 2023 г.

Сейтумерова Эльмира Садиевна
с. Новосельское
Черноморский район

Для каждого из нас родиной является место, где мы родились, выросли, состоялись как личности. Очень важно, чтобы рядом с нами находились люди, которые всей своей жизнью, трудом подавали пример служению Отечеству. Таким истинным патриотом в поселке Черноморском был Андрей Семенович Чоков – ветеран Великой Отечественной войны, ветеран труда, полковник в отставке, член Союза журналистов СССР.

Андрей Семенович родился 18 апреля 1920 г. в крестьянской семье в с. Ивановка Николаевской области. Семья была многодетной: кроме Андрея Семеновича, в ней росли еще четыре брата и сестра. Сельчане называли эту семью «партийно-комсомольско-пионерская».

После окончания семи классов Андрей поступил в Одесский техникум машиностроения, однако окончить его не смог: рано умер отец, пришлось вернуться в село и начать трудовую жизнь. Работая помастерьем в кузнечной мастерской, он начал писать заметки в районную газету. В 1938 г. Андрея Семеновича пригласили в редакцию и зачислили в штат.

В мае 1939 года он был призван на службу. Служил на легендарном линкоре «Октябрьская революция», участвовал в советско-финской войне 1939 – 1940 гг., затем – в Великой Отечественной. В 1941 г. получил первое ранение осколком в руку. После излечения служил в лыжном батальоне Краснознаменного Балтийского флота, оборонявшем «Дорогу жизни», участвовал в десанте на Невской Дубровке, позже – в разгроме известной 250-й испанской «Голубой дивизии», тогда же получил второе тяжелое ранение. По окончании лечения был назначен командиром стрелковой роты. В боях за Выборг в июле 1944 г. был вновь тяжело ранен. 25 апреля 1945 г., командуя 6-й стрелковой ротой 243-го Гвардейского стрелкового полка 84-й Гвардейской стрелковой дивизии, в боях за город Пилау в Восточной Пруссии был опять серьезно ранен. Находясь на больничной койке, Андрей

Семенович получил радостное известие о капитуляции фашистской Германии. В октябре 1945 г. А.С. Чокков был уволен в запас по состоянию здоровья.

Мирная трудовая деятельность была связана с журналистикой. Ей было отдано 35 лет. Работал, одновременно получая образование во Львовском полиграфическом техникуме, на факультет журналистики Высшей партийной школы при ЦК КПСС.

В 1966 г. Андрей Семенович переезжает на крымскую землю – в п.г.т. Черноморское, в прошлом Ак-Мечеть, работает заместителем редактора в районной газете «Черноморская заря». Он много писал о жизни района, трудовых достижениях земляков. Написал и издал книги «Пути военные и вахты трудовые» и «Мои года – мое богатство».

За мужество и героизм, проявленные в годы Великой Отечественной войны, награжден орденами «Красная звезда», «Отечественная война 1-й степени», «Богдана Хмельницкого 3-й степени», медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Послевоенный труд отмечен орденом «Знак почета», медалью «Ветеран труда», почетными грамотами Совета Министров Крыма, Верховного Совета Крыма, районного совета и другими. В 2015 г., в связи с 95-летием Андрея Семеновича, его поздравил Президент Российской Федерации В.В. Путин. С особой радостью Андрей Семенович встретил весну 2014 года, когда Крым стал полноправным субъектом Российской Федерации.

В 2018 г. Андрея Семеновича Чоккова не стало, но он навсегда останется в памяти жителей нашего района.

Сейтхалилов Ферат Риеванович
Рук. – Сейтхалилова Асие Риевановна
с. Окуневка
Черноморский район

На территории Тарханкута, в 8 километрах от побережья моря, напротив наивысшей точки – высоты 178 метров, находилось селение Чокъракъ – одно из самых первых поселений крымских татар на Тарханкутском полуострове.

Население этого богатого села некогда занималось скотоводством: разводили лошадей, привезенных с Арабистана (Аравийского полуострова), коз, овец, были даже верблюды. Также были развиты земледелие, огородничество – этому благоприятствовали месторасположение и подземный источник, который давал начало водному потоку, впадавшему в море. Земли принадлежали общине – джамаату, в то время на Тарханкуте находился один из центров ислама.

Там, где сейчас ветроэлектростанция, был поселок, в котором располагалось небольшое поселение Чоратай. Здесь и бил первый родник, в настоящее время место родника отделали в виде колодца.

После революции все местные крымские татары стали уезжать в село Болег-Ажи (ныне – Приветное). Свои вещи они складывали в мешки и закапывали в погреб, который существовал до 1980-х годов.

6 мая 1944 г., после депортации крымских татар, в селе остались несколько семей русских, украинских и греческих. Но греков выселили 24 июня 1944 г. По распоряжению государственных органов, все имущество выселенных было собранно в мечети, а скот согнали на хозяйственный двор. Собак постреляли, а для охраны имущества выделили 10 подростков...

Из рассказов моего прадеда Сетаджи я знаю, что он родился в селе Чокрак 14 марта 1884 года. У него были 3 сестры и 11 братьев. В 1904 г. прадедушка Сетаджи уходит в армию и служит в конном эскадроне при царе Николае. Когда во время русско-японской войны эскадрон попал в плен к японцам, пришел приказ всех расстрелять.

По счастливому случаю, наш прадед остался жить, потому что в самый последний момент расстрел отменили. Прадедущка приезжает домой, в Крым. Работает извозчиком у Аблямит-агъа...

Специального образования у прадеда не было, но он занимался самообразованием, был грамотным и потому уважаемым человеком. До 1933 г. работал председателем колхоза.

8 июля 1939 г. родился мой дедушка Рефик.

В сентябре 1939 г. призывают в РККА его брата Якуба, который служил в районе Белостока, на западной границе, в артиллерийском полку. Последнее письмо с фотографией было прислано им из города Белостока (полевая почта № 151)...

Все они были выходцами из села Чокрак.

Сечина Светлана Владимировна п. Нижнегорский

Собко Катке не понравилось это маленькое село Нижнегорского района, в котором было только две улицы. Катюшка удивлялась тому, что у домов не росли фруктовые деревья. Все казалось чужим, не таким, как в Джанкойском районе, откуда приехала ее большая семья. Там уж и сады, и вербы над рекой. Было странно, что все соседи – евреи, что в селе только семь русских семей. Да и называлось оно просто: 15-й участок. Зато виноградников здесь – целое море. На трудодни папа получил виноград. Он был везде, даже на чердаке мама его развесила: так виноград сохраняли до самого Нового года. Папа поговорил с друзьями и разбил возле дома сад, посадил все, что считал нужным. Завел Антон Артемович и пасеку. Поэтому все дети – и русские, и евреи – были здесь. Они лакомились фруктами и медом. Шло время. Все, казалось, было хорошо, но что-то нездоровилось старшей Катюшкиной сестре Любе. Мама решила поехать с ней в больницу в Джанкой.

Тот июньский день Катюша запомнила навсегда. Катя с детьми выбегала на дорогу, высматривала, не воз-

вращается ли мама. Очень хотелось гостинцев. Наконец, вдалеке замаячили родные фигуры. Мама выглядела очень странно, казалась сторбленной. Катерина испугалась, подумала, что может быть что-то серьезное со здоровьем Любы. Но мама тихим голосом рассказала о том, что видела в Джанкое. Ее испугали эшелоны с танками, пушками и разговоры людей о начавшейся войне. Нужно сказать, что в селе в то время радио не было. Новость быстро дошла до председателя колхоза, он вызвал маму, пригрозил ей тюрьмой за распространение сплетен. А вскоре в село приехал посыльный, он подтвердил, что, действительно, началась война, и объявил мобилизацию. Евреи и русские с вещами грузились на телеги. Катька вместе с мамой, сестрами и младшим братом рыдала, цеплялась за отца. Их семье повезло: папу не взяли на фронт по состоянию здоровья. Он вернулся домой.

Этим же летом в село на мотоциклах въехали эсэсовцы. Они ловили кур, собирали яйца, не брезговали фашисты и велосипедами. Катю поразило, что девять немцев с большим трудом погрузили в машину их свинью.

У села, рядом с дорогой, сельчане вырыли широкий и глубокий противотанковый ров. Не думали люди, когда его копали, какую ужасную судьбу себе готовили...

В тот день в деревне страшно были собаки. Фашисты выгнали из домов всех евреев. Здесь были мамы с детьми, старики, подростки. Стоял гул, плач. Катюшу охватил ужас. Родители закрыли двери на засов, отогнали детей от окон. Приказали прятаться. Но куда? Катька нашла себе место под кроватью. От страха стучали зубы, сердце выскакивало из груди. На следующий день она вместе с несколькими смельчаками увидела тот ров. Мертвые соседи, друзья, знакомые лежали в нем, чуть присыпанные землей.

В деревне появился полицай. Катя не запомнила, как его зовут. Ненавидели предателя все, даже собаки. Полицай все высматривал, вынюхивал. Следил за тем, чтобы молодежь из оставшихся в живых семи русских семей не сбежала.

Пришла беда – открывай ворота. Катю, ее сестер Валю и Мусю, соседских девчонок и парней погнали на станцию в поселок Нижнегорский. Погрузили в товарные вагоны и отправили в Германию. Такого «путешествия» девушка не пожелала бы даже врагу.

Франкфурт-на-Майне встретил их холодным утром. Молодежь осматривали на площади, как животных. Катя читала как-то о рабах, что когда их покупали, то заглядывали в рот, осматривали зубы, но никогда не думала, что с ней будут поступать так же. Ее отобрали для работы на заводе, заставили пришить на одежду нашивку из голубой ткани с белыми буквами «Ostarbeiter». На заводе из жести девчонку учили делать коробки для крема и галет. Она хорошо запомнила Ганса-надсмотрщика, который крутил ей уши, рвал мочки до крови и называл «russischer Partisan» тогда, когда она хитрила, не работала. На заводе трудились и немки. Катя приглянулась двум: пожилой Эмме и молодой Летте, потому что носила русые косы, хоть и не длинные, но очень толстые. Однако с такой красотой пришлось расстаться: мыть голову было нечем. Мыло, которое выдавалось, очень плохо оправдывало свое название.

Катюша от голода часто теряла сознание. От вареной брюквы ее тошнило, хлеба, величиной со спичечный коробок, не хватало на день. Катя однажды обратила внимание на то, что Эмма шепталась с парнем по имени Тони, который постоянно забирал готовые жестяные банки, и поглядывала на Катю. В очередной приезд Тони у станка Катерины немка положила галеты и заставила голодную девчонку кушать. Кетиш, так называли немки Катюшу, немного освоила немецкий язык, и Летта жестами и словами рассказывала девушке о том, что происходит на фронте. Она говорила, что русские победят, прижимала указательный палец к губам, просила Кетиш молчать.

Жила Катя вместе с другими славянками в общежитии, где стояли трехъярусные кровати, спала на верхнем ярусе. За девушками все время присматривала старая немка с нагайкой. Била девчонок за любую провинность.

На завод они шли строем, на ноги надевали деревянную обувь без задников. Между собой девчонки называли ее «кандалами». «Кандалы» стучали на всю округу – не сбежишь.

Город все чаще бомбили. На работе девушки смертельно уставали и спускаться в бомбоубежище за ночь несколько раз не хотели. Пусть лучше убьют. Но надсмотрщица была девчонок нагайкой, заставляла идти. Так было и в ту ночь. Катя затаилась на своем верхнем ярусе, но немка ее нашла, отлупила и отправила в бомбоубежище. Ночью самолеты разбомбили почти весь город и их общежитие. Катя понимала, что из-за любви немцев к порядку она и продолжала жить.

В город вошли американцы. Девчонки в чем были бросились к вокзалу. Поезда шли переполненными. Цепкая, молодая Катя вместе с другими девушками вскарабкалась на крышу. Пусть так, только скорей бы увидеть маму! Каким страшным, тяжелым был путь домой! У нее не было ничего: ни еды, ни одежды. Грязная, голодная, полуживая, она ехала на Родину.

Всю жизнь Катюша вспоминала Машеньку с Полтавы и жалела о том, что не разузнала ее адреса. Как долго стояли поезда: три дня, неделю, месяц!.. Это было в Польше. Девушки лежали на крыше. Их состав остановился рядом с вагоном с картошкой. Машенька в этот момент встала в полный рост и стала причесывать волосы. Голодными глазами она смотрела на картошку. Раздался выстрел. Маша обмякла, ее глаза помутнели, девушка опустилась на колени. Пуля попала в живот. Катя закричала. Она ничем не могла помочь Машеньке. Единственная дочь своих родителей была убита охранником вагона с картошкой. За что?!

Собко Екатерина Антоновна все же добралась живой до своего 15-го участка Нижегородского района. Для нее теперь ничего не было дороже этого истрадававшегося, как и она, кусочка земли. Немногочисленные жители 15-го участка стали для Катюши самыми родными людьми. Соседи-евреи, которые возвращались с фронта, узнавали о том, как погибли их семьи, рыдали вместе с одно-

сельчанами и покидали родные места. Пустые еврейские дома после войны заняли переселенцы со всей Украины. Село зажило по-новому, получило название Ломоносово. Молодая девушка работала трактористкой в родном селе. Она и пахала, и сеяла. О ее труде писали в районной газете того времени «Колхозная правда».

Время шло, но не лечило Катюшину душу. От Ломоносова до поселка – семь километров. Она проходила их семь лет пешком – каждый день, мимо страшного рва, зарастающего травой. Все время ей чудилось, что люди в нем стонут. Она не выдерживала и бежала.

Поселок Нижнегорский застроился, путь к селу изменился. Там, где земля была от боли, колосится пшеница. Прошли десятилетия, из тех семи русских семей в селе давно никого не осталось. Некому было поведать людям о расстреле почти всего 15-го участка. И только память свидетельницы сохранила все. История маленького села жила, пока билось сердце Катюши.

Страдания мирного населения – обычное дело на войне. И кого заинтересует боль девчонки, угнанной в Германию? Мой рассказ не о герое войны, а об искалеченных войной судьбах обычных мирных людей. Он свидетельство того, что нет ничего дороже кусочка родной земли.

В июне 2018 г. ушла из жизни и Борщ (по мужу) Екатерина Антоновна. Прожив 93 года, она сумела сохранить в себе огромную душевную красоту, внешнюю привлекательность и ни с чем не сравнимую силу духа.

***Стукалова Нина Викторовна
с. Красногвардейское
Советский район***

Село Красногвардейское возникло в 1860 году. У истоков его образования стояли крымские немцы – переселенцы из швейцарского кантона Цюрих (Цюрихталь), поэтому и называться оно стало Ней-Цюрихталь.

Село относилось к Феодосийскому уезду. Колонисты получили земельные наделы в 60 десятин и ряд ссуд.

Кроме того, они на 30 лет были освобождены от натуральных и денежных налогов, от службы в армии и воинских постоев. Население занималось полеводством, овцеводством, садоводством. В случае смерти колониستا-землевладельца (отца), владеть землей имел право только один сын, земля не делилась между членами семьи, а доставалась самому старшему, остальные оставались без надела. Часть жителей занимались торговлей и ремеслами. В 1908 – 1909 гг. поделенные земли были переданы за выкуп в личную собственность крестьянам, но приобрести эти земли смогли только богатые хозяева.

Советская власть в Ней-Цюрихтале установилась в 1918 году. Весной 1920 г. деревня Ней-Цюрихталь было захвачено белогвардейцами. Врангелевцы, стремясь удержать власть в Крыму, установили режим насилия и террора. Во всех уездах и гарнизонах они создавали военно-судебные комиссии, которые пресекали любые действия, направленные против белогвардейцев, совершали публичные казни.

17 апреля 1920 г. в Ней-Цюрихтале белогвардейцы расстреляли 18 партизан, которые затем были похоронены на местном кладбище. В 1922 г. на месте расстрела партизан был сооружен памятник, автор которого неизвестен. В 1970 г. памятник был реконструирован, территория около него благоустроена. Памятник представляет собой четырехгранный обелиск, сложенный из камня и оштукатуренный. Вверху – металлическая пятиконечная звезда. На обелиске имеется мемориальная плита с текстом: «Светлая память героям гражданской войны, погибшим от рук белогвардейцев 17.04. 1920 года за установление Советской власти в Крыму».

Жизнь в селе резко изменилась с началом Великой Отечественной войны. Началась мобилизация людских и материальных ресурсов для оказания помощи фронту. Был эвакуирован весь крупнорогатый скот, лошади, и людям пришлось убирать урожай, молотить, пахать и засеивать вручную. Фронт приближался к Крыму. Призыв военнообязанных из села Ней-Цюрихталь осуществлялся до осени 1941 г.

С ноября 1942 г. в селе начала действовать подпольная группа под руководством Валентина Ивановича Бойченко. В группу входило 16 человек. Подпольщики распространяли советские газеты, литературу, листовки, проводили антифашистскую агитацию населения, собирали продукты партизанам, проводили разведывательную работу.

В результате предательства в 1943 г. группу партизан и Валентина Бойченко арестовали, однако Бойченко смог сбежать из плена и вернуться в село. С помощью партизан перебрался через село Ишунь в лес к партизанам, с которыми воевал до освобождения Крыма 12 апреля 1944 г. Великую Отечественную войну Валентин Бойченко закончил в рядах РККА.

Большую часть партизан немцы расстреляли. После арестов и расстрела всех членов подпольной группы фашисты стали преследовать их семьи. Жены подпольщиков были арестованы и вместе с детьми отправлены в концентрационный лагерь в город Джанкой, где они познали все его ужасы и только в 1944 г. были освобождены советскими войсками. После войны в селе была поставлена стела, посвященная партизанам-подпольщикам. В настоящее время в Красногвардейской школе находится музей, где собраны все материалы о Великой Отечественной войне.

30 июня 1945 г. Крымская АССР была преобразована в Крымскую область. 12 августа 1945 г. указом Президиума Верховного Совета СССР «О переименовании населенных пунктов Крымской области» деревня Ней-Цюрихталь переименована в село Красногвардейское.

В январе 1961 г. на базе с Красногвардейского, деревень Лоховка и Лучевое организовывается совхоз Красногвардейский. В 1964 г. все эти населенные пункты вошли в состав образованного Красногвардейского сельского совета. В 1965 г. совхоз Красногвардейский был преобразован в птицефабрику «Красногвардейская».

Птицефабрика располагала 13448 гектарами сельскохозяйственных угодий, в том числе 9734 гектара пахотных земель, под виноградниками было занято 436

гектаров. В состав птицефабрики входило 5 самостоятельных отделений: овцеводческое, виноградарское, семеноводческое, животноводческое, птицеводческое (уткоферма). Птицефабрика ежегодно производила до 800 тонн утиного мяса, перевыполняла планы по сбору зерновых культур, производству шерсти, мясу КРС, свинины и баранины. На территории села имелась молочная ферма. Начиная с 1970 г. хозяйство являлось миллионером. За самоотверженный труд более 30 тружеников сельского хозяйства были награждены орденами и медалями СССР.

Капитально стали строиться птицеводческие, животноводческие, складские помещения, строительный цех, укреплялся зерноток. С помощью строительного цеха возводилось жилье, в результате село стало расти, появлялись новые улицы. С 1976 г. строились дома-коттеджи для специалистов сельского хозяйства, учителей, врачей, животноводов. За короткий срок были возведены два 18-тиквартирных дома. Жилищная проблема была снята в 1984 году. Население совета увеличилось за счет переселения из центральных районов России и с окраин Украины, после Чернобыльской трагедии, а также за счет депортированных крымских татар, возвращающихся в Крым. В 1974 г. была открыта средняя школа. В 1987 г. построили СДК, в клубе демонстрировались фильмы – зал вмещал 400 зрителей, устраивались концерты художественной самодеятельности, выступали профессиональные артисты и коллективы. В новом здании СДК было выделено помещение под библиотеку, где она находится по сегодняшний день.

Летом 1991 г. СССР распался. С 24 августа 1991 г. Украина стала отдельным независимым государством. Крымская область стала Автономной Республикой Крым. Все эти события повлияли на хозяйственную жизнь. Птицефабрика преобразовалась в КСП (коллективное сельскохозяйственное предприятие), а затем в СПК (сельскохозяйственный производственный кооператив), который впоследствии распался. Хозяйства земли и материальные ценности были распаеваны... Много еще ис-

питаний выпало на долю села, но село не переставало расти и развиваться.

В 2014 г. Крым вернулся в состав Российской Федерации. Жители Крыма сделали свой выбор. За пять лет в составе России в Крыму видны существенные изменения в лучшую сторону. Реализуются различные государственные программы. В одной из таких программ – «Развитие сельских территорий» – участвует и наше сельское поселение.

Сейчас село является самым красивым селом Советского района Республики Крым. На территории села обустроен парк отдыха «Приятное свидание» с бесплатным Wi-Fi. Имеются тренажерная и детская площадки, скверы «Гармония», «Победы», где установлены обелиски участникам боевых действий, труженикам тыла и детям войны. Осенью 2019 г. прошла реконструкция футбольного поля. В плане поселения много интересных проектов для благоустройства нашего села.

Сухинская Ольга Ивановна
Рук. – Литовченко (Звягина) Ирина Александровна
г. Краснопереконск

Фронтовые друзья

Возвращаясь с войны, каждый горел желанием поскорее добраться домой, в родные места. Повидать родителей, жен, детей.

Федор, сидя рядом со своим другом Гришей, все время вспоминал, как тот во время бомбежки спас его, прикрыв собою. В итоге остался без ноги, а он, Федор, цел и невредим, ни единой царапины. Федору было жаль друга, но как помочь? Война...

Прощаясь на одной из станций, Гриша попросил:

– Ты, Федор, забудь это. Просто забудь. Не вспоминай и все. Ну, или мне хотя бы не напоминай.

Деревушка Григория и до войны была мала, а после войны осталось от нее всего с десяток домишек. Землица – песчаник, зато лес рядом и дорога до города не сильно разбомбленная.

Григорий, не доходя до деревни, остановился, тяжело опираясь на костыли. Его увидали соседи, встречали солдата всем селом, радостно. Немногие тогда возвращались, а тут – пусть и без ноги, но живой!

Семья Григория бедствовала. Надо было с чего-то начинать. И начал Григорий с того, что умел всегда, – с плетения корзин. Лозы много, корзины – товар ходовой, а у кого денег не было, с тем и поменяться было можно: на хлеб, картошку, а когда и яйца, молоко...

А Федор, несмотря на рассказ Григория, так ничего и не забыл. Домой вернулся и всем родным рассказал, что есть у него друг-товарищ, который жизнь ему спас. Здоровьем поплатился. А он, Федор, благодаря другу жив-здоровехонек. Раз рассказал, другой... Родители уже это выучили. А жены-деток у Федора еще не было тогда, молодой слишком.

И вот раз Федор решил:

– Хоть и не велел Федор вспоминать, а забыть не получается. Бедствует ведь, поди: семья у него, детей трое.

И когда выбрали его председателем сельсовета, Федор понял, как он друга отблагодарит. Принялся оббивать пороги в районе и области. Для простого колхозника задача нерешаемая была, а для председателя сельского совета – вполне.

И дали фронтовику домик – картиночку. И около него огород в тридцать соточек.

Федор приехал к другу в гости. Сначала просто так посидели, по-дружески, а потом Федор и говорит:

– Есть у меня для тебя подарок, Гриша. Завтра я сюда машину пригоню, собирайте-ка вещички, да поедем смотреть.

Приехал, как обещал. Что собрали – побросали в кузов, да и махнули в федину деревню. Около дома остановились.

– Выгружайтесь!

Федор помог другу вылезти из машины и сказал:

– Вот мой подарок. Здесь вам и просторнее, и школа есть. Обживайтесь, а когда нужно будет что, скажи. Всегда помогу. Ну, а завтра привезем, что там еще осталось.

Гриша несколько раз проковылял на своем костыле по двору, по огороду. Потом обнял жену за узкие плечики и сказал:

– Вот так, Дуняша. Не только дом у нас с тобой теперь есть, не только школа. Мечта моя теперь сбудется: виноградник у нас с тобой будет, лучший в округе. Я теперь самый счастливый человек на свете.

Абьюз

В последнее время много новых слов появилось. Непонятных слов. Раньше их не было. Раньше, если что-то складывалось не так, как хотелось, говорили:

– Знать, судьба такая.

А сейчас в судьбу не верят и все, что с человеком происходит, объясняют при помощи таких вот непонятных слов.

Но судьбу свою все равно не обойдешь и не объедешь. Отец у меня был отставной военный, инвалид, очень строгий. Всегда считал, что глава семьи – он, дважды никому ничего не повторял, а тому, кто осмеливался возразить или не послушаться, достаточно было наткнуться на его взгляд. Голоса на нас, девочек, он почти не повышал и никогда нас не бил. Но я очень хорошо помню его тяжелый взгляд и фразу:

– Закон – тайга, медведь – хозяин.

Мама была спокойной деревенской женщиной и всегда во всем с отцом соглашалась. Оба были такими работягами, что даже для села, где вообще лентяям не место, это было удивительно. Огород держали 47 соток, и работать нам с сестрами на этих сотках приходилось до седьмого пота.

Соседи отца уважали и, мне кажется, даже побаивались, обращались к нему только на «Вы»:

– Григорьевич, – спрашивали, бывало, – а почему вы с дочками так строго? Это же не мальчики, им в армию не ходить.

Ответ был всегда один:

– Мои дети, как сочту нужным, так воспитывать и буду. И ни в чьих советах я не нуждаюсь.

Он, даже если и допускал какую-то ошибку или был заведомо в чем-то неправ, решения своего не менял никогда. Всегда шел до самого конца, каким бы этот конец ни был. Извиняться было не в его правилах, горд был слишком...

Весна в тот год, когда я училась в выпускном классе, наступила как-то очень быстро. Или мне только казалось так: уроки, уроки, уроки, потом последний звонок, экзамены – и все. Прощай, школа! Наш 10А очень дружным был. И все переменки были посвящены обсуждению самых важных вопросов: кто куда пойдет учиться, как и куда после вручения аттестатов идти встречать рассвет и главное – в каких нарядах! Все девочки хотели быть в белых платьях! Только в белых, как цветы вишневых деревьев, нежных и романтических белых платьях... Это было бы так красиво: мальчики в черных костюмах, а девочки все в белом...

Когда пришло время ехать в город выбирать платье, то мама, как назло, заболела и ехать со мной не могла. Пришлось отправиться с отцом. Он сразу же меня предупредил:

– На белое платье даже не рассчитывай. На каких-то полчаса надеть, а потом что? Спрятать в шифоньер и забыть? Непрактично. Только деньги на ветер выкинуть. Что? Не так, скажешь?

– Нет, – возразила я. – Не так. Обещаю, я буду носить платье, только купите! Ведь все девочки придут в белых!

– Глупости, – отрезал отец. – Как я сказал, так и будет.

Я поняла, что выше головы не прыгнуть, переубедить отца никогда никому не удавалось. Он выбрал темно-голубое платье:

– Вот. После школы еще поносишь. И нечего кривиться, надевай!

Ни цвет, ни фасон мне не понравились, никакой отделки не было – это платье вообще не предназначалось для праздника, но отец был неумолим. Он купил это голубое платье и направился к автобусной остановке. Когда мы сели в автобус, я отвернулась к окну, чтобы не показывать слезы.

«Почему? – все время спрашивала я себя. – За что? В чем таком я провинилась? Я не увиливала от домашних дел, не прогуливала школу, не задавала глупых вопросов... Разве я не заслужила красивого платья?»

У меня не было ответа на этот вопрос.

Дома мама и сестры уже ждали нас, и едва я вошла в дом, как они стали меня тормошить:

– Ну, давай, скорее хвастайся! Показывай платье!

Я развернула и приложила к себе то, что купил отец. Все замолчали.

– Вот... Вам нравится? – звенящим от обиды голосом спросила я их.

– Да ты выпускное покажи! Это потом посмотрим. Где белое-то?

– Это и есть... выпускное.

Я снова заплакала. Сестры начали меня жалеть и успокаивать, а мама впервые набросилась на отца с упреками:

– Да как же так? Надо было мне все-таки самой ехать.

– Цыц! – грозно повысил голос отец. – Нечего мне тут нюни распускать! Получит профессию, зарабатывать начнет – пусть покупает себе, что хочет. А до тех пор, пока она живет в моем доме, она будет делать только то, что я скажу! Всех касается! Ясно?

И, грохнув дверь, ушел на огород.

Как же мне не хотелось надевать это платье, когда наступил день выпускного! Но класс подводить было нельзя, раз все идут – то все. Пришла и я. Какие же мои одноклассницы были красивые в тот вечер! Они все были похожи на сказочных принцесс: платья как снег, кружева, украшения, прически... Невесты! Да что там невесты – королевны! И парни как на подбор: высокие, статные,

рослые. И я среди них в будничном голубом платье выглядела даже не белой вороной, а серой мышью.

— Ты с ума сошла? — накинулись на меня девочки. — Бегом переодевайся, сейчас уже начнется...

— Это... это и есть... выпускное... — едва смогла говорить я в ответ.

— Да ты что? Вон Таня — из бедной семьи, но даже ей смогли купить белое платье, а ты?

— А я на белое платье не заработала. Отец настоял, ему не возразишь.

Да, все знали, что моему отцу возражать бессмысленно.

На торжественной линейке я пряталась за спинами одноклассников, а когда выкрикнули мою фамилию для получения аттестата, то шла как на расстрел. Я видела, как многие родители сразу повернулись в сторону моего отца и неодобрительно заговорили. Схватив документ, я бегом метнулась обратно. Я слышала, как отец громко, так, чтобы все слышали, произнес:

— Мне ваши мнения неинтересны, я придерживаюсь своего.

Больше я ничего не слыхала и не видала из-за слез. Примчалась домой, за секунду сбросив платье, ставшее мне ненавистным, я сразу же затолкала его под матрас отцовской кровати, чтоб не видеть его больше никогда в жизни.

Рассвет с одноклассниками я встречала в обычной своей повседневной одежде. Они подъехали к моему дому всем автобусом, утешали, уговаривали... И я согласилась.

Потом, когда все это закончилось и стало понемногу забываться, его долго искали, а я не отвечала ни на какие вопросы. Но потом мама все-таки отыскала это злополучное голубое платье. Она ничего мне не сказала. Платье полетело в мусорное ведро — и отец впервые не произнес ни слова неудовольствия. Но и не извинился. А потом я вышла замуж, и мы с мужем уехали далеко от родительского дома...

Прошло много лет. Много с тех пор было и хорошего, и плохого, но вот только совсем недавно я узнала, что тот случай с выпускным платьем по-научному называется абьюзом. Хотя и модное слово, и умное, но уж очень неприятное.

В селе у нас проще говорили: судьба...

Тарасенко Дмитрий Николаевич
г. Симферополь

Так возникла Разбойничья бухта

Маленькие, закрытые отовсюду бухточки восточного Крыма с незапамятных времен были излюбленным приютом для пиратов и контрабандистов. В таких местах они отдыхали после походов и набегов, прятали награбленное, там же, бывало, расправлялись с неудобными пленниками. Тихих бухт и заливов не очень много в Крыму, да и наша, где мы теперь купаемся, тоже не всегда была столь уютной и потаенной.

На этом берегу располагалась одна большая, открытая ветрам Сине-Голубая бухта. Говорят, возле нее когда-то поселился старый разбойник. Он устал убивать и грабить, кутить в кабаках на окропленные кровью деньги, он не мог больше выносить плач и проклятия в спину – и уединился, переступив через клятву и оставив прежнее разбойничье гнездо. Вот только не знал он ничего, кроме своего кровавого ремесла, и уже седым человеком стал учиться сеять хлеб, ловить рыбу, охотиться на дичь в можжевелевой роще. Вечерами отдыхал от трудов, припоминал все лучшее в жизни – а лучшим было лишь безгрешное далекое детство. Как тогда, в детстве, он вырезал тростниковую дудочку и стал играть на ней, подражая пенью птиц, шелесту листьев и далекому накату волн. Старик играл для себя. И память о чужих загубленных жизнях, и горечь о собственной душе, тоже пропащей, и призрачную надежду на искупление всего, что искупить невозможно, – все он вкладывал в незатейливые звуки. Возникала мелодия безыскусная, зато впоенная грезами и раскаянием, болью воспоминаний и мечтой от-

топить хоть одно живое сердце. Да только слушать его свирель на этом безлюдном берегу было некому. Некому! Лились вдохновенные звуки в пустоту – в море, в небо, в безлюдную рощу и на такие же пустынные вершины.

Не подозревал старый разбойник, что у него таки появился слушатель: в этой богатой рыбой Сине-Голубой бухте издавна жил Морской змей. Сюда он наведывался после полудня, и с холма было видно огромное чешуйчатое тело с длинной шеей, маленькой плоской головой и невыносимо свирепым выражением подслеповатых глаз. Бывало, даже над водой открывалась его зубастая пасть, будто мало чудовищу подводной живности! Вот только напугать человека, слишком много повидавшего, было непросто, и продолжал бывший разбойник ловить рыбу, собирать моллюски, а по вечерам играть, всякий раз припоминая беспутную свою жизнь, и рисовать музыкой нечто недостижимое.

Змей обладал слабым зрением и очень острым слухом. Он с интересом вбирал эти странные звуки, лишь отдаленно напоминающие шум волн и крики чаек. Это теперь мы с вами знаем, что земноводные и пресмыкающиеся по-особому реагируют на звуковую гармонию, но старик очень удивился, когда понял, что его слушают. Мелодии простой дудочки завораживали морского гиганта, в существование которого не верили тогда и почему-то не верят до сих пор. Никогда, ни у одного музыканта в мире не было столь отзывчивого слушателя! Змей все реже выказывал зубы, и даже в его беспощадных глазах появлялось нечто новое...

Но однажды в одинокую хижину вломились лихие люди и напомнили о давней клятве, скрепленной кровью.

– Я знал, что вы разыщете меня, – спокойно ответил старик. – Знал, что не пощадите, как я сам никого не щадил в своей прошлой жизни...

С того черного дня перестали раздаваться звуки свирели над осиротевшей Сине-Голубой бухтой. А Морской змей так и остался у берега; с тоскою глядит он на невысокий холм с можжевелевой рощей, откуда лилась когда-то дивная мелодия. Но мало кто из нас, нынешних,

понимает, что музыкальные чары не оставили равнодушным даже его! От бесполезного ожидания Змей впал в тоску и почти перестал двигаться. Огромное тело срасталось с береговыми скалами и со временем разделило большую открытую бухту на две маленькие, укромные: Синюю и Голубую. Лишь однажды Змей слышал голос певчего дрозда и узнал несколько нот волшебной свирели. Прежде чем окаменеть окончательно, собрал он последние силы – и оглянулся, вызывая камнепад и покрываясь глубокими трещинами. Так с тех пор и глядит на можжевеловую рощу, где жил когда-то непонятный ему человек – маленький, как все двуногие, но великий, ибо способен был проникнуть в душу и оживить даже холодное трехкамерное сердце.

Носорог в Новом Свете

В те давние времена, когда животных на Земле было много, а людей мало, жил на Крымском полуострове гигантский шерстистый Носорог. Зверь был до того огромен и силен, что наводил на соседей ужас. Дважды в день ходил он на водопой, и едва слышав его топот, разбегались лесные жители – гигантские олени, зубры, дикие лошади, кабаны, да и другие носороги. Даже мамонты недовольно останавливались при виде великана, расправиться с которым могли бы лишь очень дорогой ценой. Носорог мрачно, исподлобья глядел на мир; в любую минуту он готов был броситься в битву, чтобы насадить врага на свой огромный черный рог, твердый и острый, как меч.

Только безобидных человеческих детенышей не пугало это чудовище. Они-то знали, что зря ни на кого не нападает Носорог, что все утро он мирно пасется на равнинных лугах, а после полудня уходит в лес, отдыхает в тени сосен и ароматных древовидных можжевельников. Сюда и прибегали ребятишки из ближайшей деревни. Их родители были весь день заняты – мужчины охотились, женщины работали в поле. Дети же прятались от полуденного зноя в той самой роще и затевали игры, все ближе подступая к Носорогу, который не обращал на них

внимания. Наивные, безгрешные, они не видели опасности в гигантском звере и с интересом наблюдали, как даже маленькие птички спокойно садятся на его спину и выклеывают из густой шерсти каких-то мошек да жучков. Однажды самый храбрый мальчик подошел вплотную к великану и осторожно стал гладить, а потом и чесать мохнатую шкуру, твердую, словно высохшая от зноя земля. Зверь не шевельнулся, только по-доброму заворчал. Тогда и другие дети осмелели – десятки ручонков потянулись к перепачканной, отроду не чесаной шкуре. Носорогу это настолько понравилась, что он опустил на живот, стараясь не отпугнуть двуногих детенышей и с удовольствием вслушиваясь в непонятный щебет их голосов. На другой день ребята пришли снова и потом приходили еще много раз.

Но случилась беда – на деревню напали воины другого племени. Они перебили мужчин, связали и угнали к себе женщин. На детей чужаки не обратили внимания – понятно же, что те сами перемрут без родительской заботы. Перепуганные сироты опять прокрались в можжевелевую рощу. Сбиваясь и мешая друг другу, они принялись рассказывать гиганту о трагедии. Носорог не мог понять слов, но в прежних веселых голосах уловил страх и отчаяние. А еще он разглядел красные пятна на одежде и почуял запах крови. Он снова подогнул колени. Дети переглянулись – и полезли на его косматую спину, привычно вцепились в густую теплую шерсть. «Прочь отсюда! Мы найдем новый мир, лучший мир».

Шерстистый обошел весь полуостров, но отыскать спокойный уголок было нелегко: по каменистым тропинкам Казантипа рыскали воинственные всадники с длинными копьями, в горном Крыму жили огромные кошки, саблезубые тигры и пещерные медведи. Самую глубокую, самую удобную бухту охраняли убийцы-листригоны. Даже на уютном Южном берегу все тропинки были под надзором горцев, готовых любого чужака сбросить с обрыва и принести в жертву своей кровожадной богине... Наконец, Носорог миновал горы и вышел к берегу дивной голубой бухты. Рядом рос можжевельник,

совсем как возле родной деревни юных странников. «Останемся здесь!» – закричали они.

Берег был пустынным, и только птицы парили над горами. Усталый Носорог медленно опустился на землю рядом с бухтой. Он погрузил свои натруженные ноги в теплую воду залива, устроился поудобнее и... уснул. На этом безлюдном берегу дети нашли и воду, и пищу, и кров. В окрестностях не было хищного зверя, который рискнул бы приблизиться к ним при виде огромного Носорога. Так возникло новое селение на пустынном берегу – будущий Новый Свет. Занятые устройством жилья, юные поселенцы все реже подходили к своему спасителю, который продолжал охранять их. Когда же подошли, то увидели, что их любимец Носорог превратился в гору.

Тимиргазин Алексей Дагитович

г. Судак

Судак – российский город

Древний город Судак, расположенный в юго-восточном Крыму в живописнейшей Судакской долине, в 2012 году отметил 1800 лет со дня своего основания.

Можно сколь угодно долго погружаться в древнюю историю Судака: искать разгадку появления античного поселения по обнаруженным в процессе раскопок монетам Боспорского царства и фрагментам греческих декретов; регулярно встречать различные названия городов в трудах знаменитых путешественников Марко Поло и Ибн Баттуты, в сочинениях арабских и персидских писателей и в более близких нам памятниках древнерусской литературы: «Слово о полку Игореве» и «Сказание о Мамаевом побоище»; прослеживать перипетии, связанные с именами грозных золотоордынских полководцев Ногая и Мамаю... и, как говорили старые авторы, *et cetera*, что с латинского переводится как «и тому подобное».

За свою многовековую историю город переживал и взлеты, и падения, а после турецкого вторжения в Крым в 1475 году постепенно пришел к полному упадку. После

вхождения полуострова в состав Российской империи Судак в административном отношении длительное время был незначительным местечком Таракташской волости Феодосийского уезда и в значительной степени потерял интерес со стороны современных нам историков.

Однако же стоило однажды автору этих строк повнимательнее углубиться в исторические документы, и оказалось, что история Судака российского периода, то есть от момента подписания 8 апреля 1783 года российской императрицей Екатериной II манифеста «О принятии полуострова Крымского, острова Тамана и всей Кубанской стороны под Российскую Державу» и до революции 1917 года – не менее интересна и насыщена важными событиями, чем седая античность или великолепное средневековье.

Впечатляет один лишь очень неполный перечень выдающихся исторических деятелей, чьи имена оказались так или иначе связаны с Судакком. Так, на протяжении ряда десятилетий судакскими садовладельцами были многочисленные представители династии графов Капнистов, статский советник, первый предводитель дворянства новообразованной Таврической губернии Евстафий Иванович Нотара, принц и выдающийся полководец Карл Нассау-Зиген, ученый с международным именем академик Петр Симон Паллас, адмирал граф Николай Семенович Мордвинов, легендарный герой греческого народа, борец за независимость Греции Ламбро Качиони, основатель и первый директор Никитского ботанического сада Христиан Христианович Стевен, генерал Александр Яковлевич Рудзевич, керченский градоначальник Захарий Семенович Херхеулидзе, таврический гражданский губернатор Александр Иванович Казначеев, адмирал Лазарь Маркович Серебряков, генерал-вагенмейстер Афанасий Данилович Соломка, армянский католический священник, архимандрит, выпускник Венецианской академии Св. Лазаря, автор книги «Путешествие в Польшу и другие места, населенные армянами, выходцами из древнего столичного города Ани» Минас Медици. К сожалению, многие достойные представители своего Отечества

оказались забытыми потомками, поэтому в большинстве случаев приходится уточнять: генерал Александр Яковлевич Рудзевич был активным участником заграничного похода русской армии 1813–1814 годов против армии наполеоновской; он участвовал в битве под Лейпцигом, а в 1814-м со своими подразделениями взял штурмом высоты Монмартра и вынудил Париж к капитуляции, нанеся таким образом последний удар Наполеону. Генерал-вагенмейстер Афанасий Данилович Соломка – один из самых приближенных и доверенных лиц императора Александра I, неизменно сопровождавший его в многочисленных путешествиях, а после смерти в 1825 году Александра Павловича в Таганроге был одним из главных распорядителей во время перевозки тела государя в Петербург.

Судак российского периода посетили и более-менее развернуто описали такие культовые деятели отечественной и мировой истории, как будущий генералиссимус Венесуэлы Франциско де Миранда, будущий шеф жандармов Александр Христофорович Бенкендорф, бывший наполеоновский маршал Мармон (в 1814 году организовывал и возглавлял оборону Парижа и сражался в этом качестве против судакского садовладельца генерала Александра Яковлевича Рудзевича), дипломат, поэт и драматург Александр Сергеевич Грибоедов, английский путешественник Генри Денби Сеймур (известный как один из первых покорителей горы Арарат), историк и писатель Николай Иванович Костомаров и... здесь мы снова применим выражение *et cetera*, попутно вспомнив, что данное латинское выражение возникло как калька с древнегреческого «и остальные предметы»...

Живописнейшую Судакскую долину изобразили на своих полотнах знаменитые художники, среди которых особое место занимает прославленный художник-маринист Иван Константинович Айвазовский, имевший здесь свою дачу. Из русских поэтов, как считают литературоведы, первым воспел Судакскую долину поэт державинского направления Семен Сергеевич Бобров. «Тучный брег солдайска тока» описал в стихотворении «Дру-

гу сердца» приехавший в гости к брату Петру Васильевичу знаменитый Василий Васильевич Капнист.

Особое место Судак занимает в истории Серебряного века русской культуры. Здесь жили и творили сестры Аделаида Казимировна и Евгения Казимировна Герцык (Аделаида была поэтом, эссеистом, переводчиком, а Евгения – переводчиком и мемуаристом), гостили поэты Максимилиан Александрович Волошин, Вячеслав Иванович Иванов, Велимир (Виктор) Владимирович Хлебников, философ Николай Александрович Бердяев, теософ Анна Рудольфовна Минцлова. На своей судакской даче классические музыкальные произведения создавал композитор Александр Афанасьевич Спендиаров. Сегодня, рассматривая историю российского Судака, мы имеем полное право назвать его городом (тогда он носил статус местечка) выдающихся ученых, поэтов, художников, музыкантов, композиторов, философов и, конечно же, виноградарей и виноделов.

Примерно на рубеже тысячелетий, то есть около 2000 года, инициатору масштабных исследований российского периода истории Судака и одновременно автору этих строк стало понятно, что более или менее связно многочисленный и разнообразный исторический материал возможно изложить исключительно с использованием такого жанра, как хроника. Тогда и зародился исторический труд под названием: «Судак. Хроника российского периода (1783–1917)». Напряженные архивные и библиотечные поиски продолжались, а вся поступающая информация немедленно обрабатывалась и разносилась по соответствующим датам.

Со временем рукопись «Хроники» достигла достаточно солидного объема, и стал актуальным вопрос об издании книги. Но здесь необходимо напомнить, что дело происходило в государстве под названием Украина.

Собственно говоря, изучать историю российского Крыма никто прямо не запрещал. В украинском Крыму можно было беспрепятственно выступать на научных конференциях, публиковаться в сборниках и журналах и даже издавать книги по самым разным аспектам россий-

ской истории полуострова. Некоторые связанные с российским Судакom темы просто невозможно было обойти молчанием даже в государстве Украина. Это, например, история основанного в 1878 году великим русским виноделом князем Львом Сергеевичем Голицыным первого в Российской империи и поныне действующего завода шампанских вин «Новый Свет». Или же обширная тема «Судак и судакчане в истории Серебряного века русской культуры»: с 1996 года в Судакe проходят «Герцыковские чтения» с печатанием научных сборников и другой литературы.

Тем не менее, оказалось, что большой труд с вызывающим названием Судак – Хроника – Российского – Периода в украинском Крыму является неpolitкорректным. Так доступно объяснили автору Хроники разные должностные лица с русскими фамилиями и на чистейшем русском языке.

Менять название «Судак. Хроника российского периода» на условное «Судак в конце XVIII – начале XX века» автор отказался и предоставил дальнейшее на волю Божию. Примерно в 2012 году в новосветском храме Святителя Луки был отслужен молебен перед началом доброго дела: издания книги «Судак. Хроника российского периода (1783–1917)». Дальнейшие события были поистине удивительны. Вначале Небеса предоставили автору примерно два года для доработки и дополнения рукописи. А уже готовую, казалось бы, рукопись было чем дополнить! Это были вновь выявленные и ранее не задействованные краеведами материалы, в том числе о визите в Судак будущего главного начальника III отделения Собственной Е.И.В. канцелярии Александра Христофоровича Бенкендорфа, о судакских попечениях таврического гражданского губернатора Александра Ивановича Казначеева...А затем грянула Крымская весна, и тема российского Судака из неpolitкорректной внезапно стала более чем актуальной.

Хроника Судака российского периода, объемом 574 страницы, была издана под эгидой партии «Родина» и увидела свет в мае 2015 года. Первым делом после этого

был отслужен благодарственный молебен в том же храме Святителя Луки.

Жители и гости Судака встретили книгу достаточно благосклонно. Весь небольшой тираж – 500 экземпляров – разошелся в течение года. И, неожиданно для самого автора, ставшие доступными широкой общественности исторические материалы не остались лишь в академической плоскости, а получили прикладное значение. Достаточно уже традиционно, интерес к проявившейся истории российского Судака выказали не государственные или муниципальные структуры, а общественные деятели. Конкретно, заинтересованность возникла у активистов некоммерческой организации «Просветительский Корпус. Век» и ее директора Ирины Данелян.

Как широко известно, главным историческим памятником древнего Судака и его визитной карточкой является средневековая Судакская крепость. Именно сюда в основном устремляются многочисленные потоки туристов, а далее они следуют любоваться красотами ботанического заказника «Новый Свет» и дегустировать продукцию завода шампанских вин «Новый Свет». Сам по себе современный Судак, сформировавшийся в XIX–XX столетиях и бурно эволюционирующий в столетии XXI, особого интереса у любознательных туристов не вызывает.

Но сохранились ли в «роскошной Судакской долине», по выражению Александра Сергеевича Грибоедова, какие-либо памятники или мемориальные объекты российского периода истории города?

Конечно, многие интереснейшие архитектурные сооружения, которые сегодня полноценно претендовали бы на статус объектов культурного наследия, за минувшее столетие были безнадежно утрачены, а город в целом, на волне массового переустройства последних десятилетий, во многом утратил свой самобытный облик. Однако отдельные исторические здания все же сохраняются и по сей день.

В первую очередь, это храм Покрова Божьей Матери (первый камень в основание храма заложен в 1819 го-

ду, строительство затянулось на десять лет, освящен вновь построенный храм 28 мая 1829 года), лютеранская кирха бывшей Немецкой колонии (1887 год), винный подвал, построенный по распоряжению Светлейшего князя Григория Александровича Потемкина и впоследствии переданный академику Петру Симону Палласу, имение академика Палласа, здание земской больницы (1891 год), дом поэта и переводчика Аделаиды Казимировны Герцык и переводчика и издателя Дмитрия Евгеньевича Жуковского.

Некоторое время автор книги «Судак. Хроника российского периода (1783–1917)» и представители «Просветительского Корпуса. Век» анализировали наличный исторический материал и искали оптимальные пути его практического применения. В 2017 году автор прочитал несколько публичных лекций, посвященных культурному наследию российского Судака. Затем последовали практические экскурсии по улицам города, в процессе которых были отработаны два непересекающихся экскурсионных маршрута, условно названных Северный и Южный.

В том же 2017 году «Просветительский Корпус. Век» совместно с радио «Судак-ФМ» (ИП Труфанов А.О.) реализовал проект «Судакская летопись» – был подготовлен 21 радиоролик, посвященный интересным историческим фактам и памятным местам города. Ролики регулярно звучали в эфире уличного радио на центральных улицах Судака.

Вершиной деятельности на данный момент стало получение в 2021 году гранта Президента Российской Федерации, предоставленного Фондом президентских грантов, по теме «Нематериальная реконструкция среды российского культурно-исторического периода на территории города Судака».

Благодаря грантовой поддержке, были разработаны и практически изготовлены аудиогиды по Северному и Южному маршрутам. С помощью аудиогидов экскурсанты могут самостоятельно проследовать к основным памятным местам российского Судака и получить о них ос-

новную информацию. По сути – физически передвигаясь по современному городу, его оживленным центральным улицам и глухим закоулкам, человек одновременно совершает виртуальное путешествие по исчезнувшему местечку Таракташской волости Феодосийского уезда Таврической губернии, узнавая множество интереснейших подробностей о далеком от нас мире, давно канувшем в лету.

Как активный, так и заочный участник экскурсии, например, инвалид (такие случаи имели место) узнает также о разнообразии народностей и языков, звучащих в местечке Судак в старые времена. В аудиогид включены фрагменты на татарском, греческом, армянском, немецком, французском языках. Языковые фрагменты звучат в первозданном виде и даны без перевода, еще глубже погружая в минувшую эпоху.

Аудиогиды были опробованы самыми опытными турфирмами города. Но высшей похвалой для создателей проекта прозвучали слова участницы пилотной экскурсии, жительницы Судака: « Я побывала в городе, в котором еще не была!»

Фильм-презентация проекта «Город, в котором я не был» и видеотрансляции с маршрутов набирают просмотры на официальном ютуб-канале «Просветительский Корпус. Век». В качестве информационной поддержки публиковались исторические и информационные материалы в газете «Судакские вести» и в соцсетях, а также по материалам книги «Судак. Хроника российского периода (1783–1917)» впервые издан набор открыток «Судак в лицах Российской Империи». В набор вошли 18 портретов выдающихся исторических деятелей с краткими биографическими справками и судакскими страницами жизни и деятельности.

Изучение истории Судака российского периода длится уже около двадцати пяти лет. Сейчас эта работа активно продолжается и не видно ей конца... Счастливая для историка информационная эпоха предоставляет невиданные ранее возможности для поиска, изучения и введения в культурный оборот разнообразных историче-

ских источников, физически хранящихся в самых отдаленных уголках Земного шара. За годы, минувшие после первого издания Хроники Судака, накопилось огромное количество нового уникального исторического материала, отчасти дополняющего наши прежние представления, но нередко и несущего совершенно новое знание. Теперь речь идет о втором издании Хроники – на этот раз в двух томах энциклопедического формата. Опыт первого издания дарит надежду, что появление такого издания придаст новый импульс к практической реализации накопленных сведений.

Удастся ли реализовать новые замыслы на практике?

Ответ, очевидно, будет получен во второе десятилетие после возвращения Крыма в состав Государства Российского.

Тимофеева Наталия Юрьевна
г. Алушка

Центральная котловина Крымского горно-лесного заповедника – один из самых дивных, диких уголков Крыма. Душа его – Косьмо-Дамиановский монастырь. В эту «духовную лагуну» заходили и религиозные паломники, и люди светские, творческие, ищущие. К ним мы отнесем и Михаила Михайловича Коцюбинского, известного украинского писателя, волею судьбы заброшенного в Крым и посетившего эту горную обитель впервые на праздник Покрова Пресвятой Богородицы в 1896 году. Монастырь мужской, славится на всю округу своим целебным источником Савлых-су. Человеку, ищущему материал для новых произведений, такая информация была «на руку», поездка туда придала некий экзотический вкус писательской пище. Вот что пишет Коцюбинский в письме к своей любимой жене: «... лезем на гору. Мы уже в полуверсте над уровнем моря. Лес становится все более мощным, кряжистым. Почти ни одного дерева иной породы не встретишь: только бук и бук (в то время он работал в филлоксерной комиссии на виноградниках Алушты – Н.Т.), вот мы уже на самом высоком пункте,

садимся на подводу и с головоломной скоростью спускаемся с горы. Над деревьями ленточка неба, словно голубая дорога. А ущелье становится все уже и уже. Куда же мы заехали? Ничего, близко монастырь, утешает Амет» (проводниками в конце 19 – начале 20 в. служили в основном молодые татары. Амет, видимо, один из таких «горных гидов»). Первая встреча Михаила Коцюбинского в монастыре была с монахом-украинцем. Писатель почувствовал в этом уже немолодом мужчине, прошедшем 50 лет в монастырях, родственную душу, назвав его «поэтом и индивидуалистом». Именно тогда Коцюбинскому приоткрылась «истинная жизнь» и он понял, что не всегда в монашеских обителях господствует «праведное бытие». Литератор даже захотел поступить в монастырь послушником, будучи уже женатым человеком, «надеть на себя подрясник, ходить в церковь, есть и спать вместе с братией», чтобы собрать материал для повести, сюжет которой уже родился и требовал наполнения живыми наблюдениями. Во время своего второго приезда в монастырь в 1904 г. Михаилу Михайловичу так и не удалось осуществить свой замысел – обитель уже стала женской. Из-под пера творца выходит только новелла «В грешный мир», написанная, как считали литературоведы, «от отчаяния».

Героиня произведения – «черная матушка игуменья», грубая и жестокая – управляет монастырем. В ее окружении корыстолюбивые монахини. Четырех послушниц вынуждают проститься с обителью только за то, что они, собирая малину для игуменьи, попробовали несколько ягод... Художник слова акцентирует внимание зрителя на необыкновенной природе, окружающей героев. Видовые площадки подтолкнули монахинь со страхом и с нескрываемым удовольствием взглянуть на «грешный мир», так манящий к себе: «...остановились. Слепли. Море света залило им глаза. Дрожащие, взволнованные, они раскрыли глаза. Перед ними лежал тот далекий, грешный мир, из которого они бежали когда-то в тихую, черную яму, – заманчивый, веселый, весь в сиянии, как мечта, как сам грех!» Покорные и испуганные

грехом, девушки чувствуют растерянность перед большим миром. Финал новеллы предопределен: несколько монахинь изгнаны матушкой-игуменьей из обители. Они прощаются со своим безрадостным прошлым и отправляются в неизвестность будущего. В пути они впервые ощущают себя настоящими сестрами, породнившимися узами тепла и единомыслия. Кто же все-таки главный персонаж этой психологической прозы? Крымская природа, волнующая душу своей изменчивостью, монументальная и, отчасти, суровая, и определяет тот реальный «грешный мир», который так боялись в стенах монастыря. Пейзажи солируют о силе жизни, увлекающей героинь верой в свой завтрашний день, одурманенный запахом свободы. Особенной торжественностью отличается удивительная панорама утреннего моря, утверждающая победу света над тьмой. Эта победа озаряет обездоленных послушниц, открывающих для себя возможное личное счастье в «грешном мире». Изучая материалы биографии Михаила Коцюбинского, неоднократно обращаешь внимание на его двоякую позицию по отношению к религии: с одной стороны – неприятие духовенства как определенного класса, с другой стороны – нельзя не обратить внимание на то, как Коцюбинский осведомлен о глубинах переживаний верующего человека. Писатель прибыл в горную обитель в определенном состоянии духа, но тут же столкнулся с нелюбимой «прозой жизни». Царица новеллы – госпожа Природа только усилила переживания: алчность и властолюбие игуменьи, человекоугодничество благочинной, враждебность и зависть сестер друг к другу – все это никак не соответствовало эталону христианской жизни. Сердце художника ранимо к тем противоречивым событиям, которые наглядно предоставили все уродство и изъяны человеческой природы на фоне Природы Божественной, где величие гор, слегка пугающая дикость деревьев, напоминающих осторожных косуль, и изогнутых в крепких своих рогах оленей, в унисон с поющими лесными птицами над золотыми куполами церковью. Читая эти отрывки, размышляя над событиями новеллы, невольно задаешь вопрос: действи-

тельно ли на тот момент, когда Косьмо-Дамиановскую обитель посещал Михаил Михайлович, в ней существовали худые нравы или это плод воображения, а может и эклектика типажей из внемонастырской жизни? Обратимся за исторической справкой к двум писательницам, которые в своих краеведческих сборниках дают характеристику монастыря на период начала 20 в., когда он был женским.

Заглянем в «Старый альбом» Лии Поповой: «Первой настоятельницей была игуменья Варсонофия (Ксения Акулова), ее стараниями в 1903 – 1905 гг. в монастыре была устроена каменная подпорная стена для укрепления террасы, на которой стояла церковь Косьмы и Дамиана. В женской обители появились прекрасные сады, особенно славилась обитель грушами, некоторые деревья плодоносят и по сей день. Кроме садоводства, разводили коров...» А вот что пишет Елена Литвинова в своем справочнике «Крым. Православные святыни»: «Трудолюбие и дисциплину, заведенные в образцовом Троице-Параскевиевском монастыре, сестры перенесли в новую обитель. Несмотря на бедность, хозяйство стало постепенно налаживаться. Сделали капитальный ремонт зданий, привели в порядок территорию монастыря, построили каменные подпорные стены, укрепившие террасу, на которой стояла церковь, новые кельи, просфорную, хлебопекарню, мастерские, прачечные и другие хозяйственные постройки». Удивительное противоречие – хозяйственница и положительно акцентуированный руководитель игуменья Варсонофия (в историческом описании монастыря), и жадная игуменья Серафима, выгнавшая монахинь, а с ней – иудоподобная казначея, в готовности предавать «всех и вся», враждебные друг к другу сестры. Что это: фантазии гения, проницательно изучившего все темные стороны женской сущности, или действительно так выглядела пустынь без красивой обложки?

В наше свободное время тоже есть люди, изменяющие монастырскому призванию – это суровая правда жизни. Ее-то, завуалированную, никогда не упускал Коцюбинский... Читатель-краевед, знакомясь с новеллой

«В грешный мир», задумывается о том, в каких именно окрестностях монастыря происходят события. Выше обители находятся три известные поляны, куда поднимались обычно насельники и гости. Это Гаврельская, Монастырская и Царские поляны, они описаны в путеводителях конца 19 – начала 20 в., в частности Безчинского и Москвича. Монастырская поляна – над обителью, туда поднимались монахини для выпаса коров. Еще через несколько сотен метров, на хребте Конек, – живописные Царские поляны. Границы одной из полян – скальная кромка, откуда одновременно можно созерцать горы Чатырдаг и Бабуган: «И весь этот чудный край плыл куда-то в море теплого света в широком, беспредельном голубом просторе... С левой стороны грузно лежал на земле угрюмый Чатырдаг, а с правой громоздилась на небо Чертова лестница Бабугана, нагретые скалы, серые, голые, в чем мать-земля родила». Достоверное описание может дать человек, впитавший в себя дух сих мест. И кто как не любознательный Михаил Коцюбинский, прихватив записную книжку, пробирался за монахинями наверх, и там под облаками, застыл в изумлении, прислушиваясь к неземным звукам монахини Устины, вместе с Варварой всматриваясь в призывы «грешного мира»...

*Титова Гульнара Шевкетовна
с. Новосельское
Черноморский район*

В далеком и тяжелом 1942 году, 23 июня, в Краснодаре родилась Светлана Владимировна Ягупова – писательница, журналистка, основатель и главный редактор детского журнала «Крымуша». Имя Светланы Владимировны в 2006 г. было присвоено Черноморской районной детской библиотеке. Хочется в этой статье рассказать о сильной женщине, еще раз вспомнить Светлану Владимировну как очень светлого человека.

Те, кто знал Светлану Владимировну лично, вспоминают о ней как о хрупкой, но очень крепкой духом

женщине. Из воспоминаний Светланы: «Поезд, в котором располагался штаб, где служила моя мама, при отступлении наших войск в 1943 по Северо-Кавказской железной дороге попал под бомбежку, и я получила травму спины и ноги...» И вся дальнейшая жизнь Светочки и ее семьи была преодолением боли и надеждой на то, что недуг можно будет победить. Через семь лет так и случилось: девочка пошла в школу, потом окончила историко-филологический факультет педагогического института. К этому времени будущая писательница с родителями жила в Крыму. «Я счастлива! Я живу с морем. Море было моим главным лекарем – и тела, и души», – пишет Светлана Владимировна в автобиографической повести «Под сенью крыл твоих. Мозаика мгновений».

Вот и институт остался за плечами, и в 1965 г. Светлана Владимировна по распределению едет в Сакский район – в село с красивым названием Ромашкино – учить детей русскому языку и литературе. Но увлечение журналистикой приводит молодую девушку на Тарханкут – самую западную часть полуострова Крым. Около года работала Светлана корреспондентом районной газеты «Черноморская заря». В этой газете в 1966 г. был опубликован ее первый фантастический рассказ «Привет с созвездия Лебеда».

А вот как Светлана Владимировна вспоминает поселок Черноморское: «Моя третья "целина" явилась в образе Черноморского – поселка городского типа на северо-западе полуострова. Этот пустынный уголок на Тарханкуте резко контрастировал с курортными южнобережными "жемчужинами"...» Все тут будило воображение: и история поселка, и то, что в этом уголке Крыма работают геологи, нефтеразведчики, чабаны, а рядом – порт. «Мои лучшие... нет, не годы – семь месяцев. Лучшие по наполненности жизни: любимое дело, веселый коллектив, встречи с разными людьми, дружба, любовь...»

Но жизнь готовила новые испытания: рейды на мотоцикле по сельскому бездорожью приводят к аварии. И опять – лечение, больницы, борьба за жизнь. Жизнь му-

жественной, никогда не сломленной и никогда не сдававшейся хрупкой женщины. Два года жизни в Евпаторийском санатории им. Н.К.Крупской – это время, когда Светлана не оставляет перо, пишет статьи и рассказы, один из которых – «Шрам» – был опубликован в киевском журнале «Радуга».

А первая книга Светланы Владимировны – повесть-фантазия «Зеленый дельфин» – вышла в 1977 г. в Крыму. Все последующие годы жизни связаны с литературой, с творчеством. Своим любимым писателем, оказавшим большое влияние на взгляды на жизнь, Светлана Владимировна считала Александра Грина.

В районной детской библиотеке собрано большое количество книг Светланы Владимировны: «Крылатая лошадка», «Феникс», «Зеленый дельфин», «Твой образ», «И ноль-пространство разомкнуть», «Ладушкин и Кронос», «Феномен Табачковой», «Сердоликовый ларчик», «Уроки дружбы» и др. Все эти книги нельзя прочесть слету, каждая из них – это плод долгих и глубоких размышлений автора о жизни, нравственности, морали, боли и радости, о грусти и счастье. Это книги, несущие читателям свет, очищение и обязательно – добро и только добро.

А еще наша детская библиотека является хранителем всех номеров детского краеведческого журнала «Крымуша», которые выписывались и были подарены за годы его издания, а издавался он более 15 лет, начиная с 1993 г. Идея о необходимости такого журнала появилась у Светланы Владимировны в процессе обращения к ней детей с просьбами подобрать литературу о Крыме: его истории, животном и растительном мире, народах. «Почувствовала личную свою вину перед ребятами, – говорила писательница, – захотела ее загладить». «Крымуша» – бесценное наследие Светланы Владимировны, ведь ребенку очень трудно найти информацию о нашем полуострове в доступной для него форме. Главным героем журнала является маленький сказочный эльф Крымуша – добрый дух нашего полуострова. Он летает над Крымом, рассказывает о нем и оберегает его... В 1996 г. за созда-

ние и выпуск детского журнала «Крымуша» Светлане Ягуповой была присуждена Государственная премия Республики Крым.

Ушла из жизни Светлана Владимировна Ягупова 26 мая 2015 года в городе Симферополе...

В книге «Уроки дружбы» Светлана Ягупова обращается к детям с такими словами: «Юный друг! Самое родное место для тебя на земном шаре – Крым, где живут твои родители, друзья, учителя, где поют песни на русском, крымскотатарском, украинском, греческом, еврейском, армянском, немецком, болгарском и других языках. Люби и береги свой удивительный край с такой яркой, многострадальной и славной историей! Говори "Нет!" всем, кто захочет разжечь на нашей прекрасной земле огонь вражды. Знай, что не только от взрослых, но и от тебя, и от твоего друга зависит будущее твоего родного края. Дети – это завтрашние взрослые. Дети могут многое. Наш Крым спасут добрососедство и любовь».

Согласитесь, эти слова должны быть девизом наших детей и молодежи. Написанные много лет назад Светланой Владимировной, они не имеют срока давности, как и все ее творчество, в основе которого – умение видеть самую суть вещей – дар, который дарован избранным.

*Черняева Екатерина Вячеславовна
с. Суворовское
Сакский район*

Крымской дорогой Николая Гоголя

Знаменитый русский писатель Николай Васильевич Гоголь много путешествовал, да и вся его жизнь была одной большой дорогой. Саму дорогу писатель считал «лучшим лекарством от всех болезней».

Бывал Н.В. Гоголь и у нас в Крыму. Он глубоко интересовался историей полуострова задолго до предпринятого путешествия в Крым. Так, в произведении «Тарас Бульба» Гоголь воссоздал страницу крымской действительности 15 в., а будучи преподавателем Петербургского университета, в «Материалах по русской истории»,

подготовленных для лекций, в разделе «О Тавриде» конспективно изложил летопись, крупнейших событий, произошедших на Крымском полуострове с 5 по 12 вв.

И современная ему Таврида, уже в то время воспетая многими поэтами и писателями, была ему хорошо известна. К тому времени вышли многочисленные очерки о Крыме, созданные учеными, путешественниками, литераторами.

Н.В. Гоголя манил к себе этот край. Известный литературный деятель П.В. Анненков писал, что он был свидетелем того, как Гоголь «несколько вечеров подряд тянул кантату, созданную им для прославления будущего предполагаемого путешествия в Крым». Из этой кантаты Анненков запомнил две строки: «И с Матреной наш Яким потянулись прямо в Крым» (Яким был слугой Гоголя, Матрена – жена слуги).

Мысль о поездке в Крым занимала писателя еще в 1833 г. В письмах он жаловался своему другу, известному литературному деятелю М.А. Максимовичу, что «недостает денег» на далекий путь.

Шел 1835 г. В этот период Гоголь был преподавателем Петербургского университета, и когда в университете подошло время для каникулярного отпуска, он уезжает из Петербурга сначала в родную Васильевку Полтавской губернии, а затем направляется в Крым. Прежде чем выбрать дорогу на полуостров, Гоголь не раз задумывается о намеченном путешествии. Даже накануне поездки он долго размышлял о том, куда отправиться путешествовать. Так, в письме к своему школьному другу Н. Прокоповичу он сообщает: «Сижу дома на перепутье и около недели уже, не знаю куда лучше ехать, – на Кавказ или в Крым, где ныне славятся минеральные грязи и купальни в море ...»

Материальные соображения заставили его выбрать, как казалось, более близкий и дешевый маршрут – Крым. Но он даже не представлял, как же дорого было тогда жить и отдыхать в Крыму.

В то время на полуострове действовал один Сакский курорт, уже широко известный во всей Европе.

Врачи курорта ежегодно рассылали в столичные издания свое «Извещение о заведении сакских целебных грязей». В 1835 г. на курорте в Саках побывало 165 больных – число довольно значительно для первой половины 19 в.

Среди этих отдыхающих был и Николай Васильевич Гоголь. Он прибыл в Саки в первых числах июня 1835 г. Как можно судить по письмам писателя после возвращения в родную Полтавскую губернию, в Крым он «Странствовал для здоровья и для того, чтобы повидать его» (из письма профессору И.И. Срезневскому). А в письме поэту В.А.Жуковскому 15 июля 1835 г. писал: «Был... в Крыму, где пачкался в минеральной грязи».

Саки в те годы представляли собой небольшое селение, в котором по свидетельству петербургской газеты «Северная пчела» жили 270 обывателей, насчитывалось – 130 домов.

Способ лечения грязями на свежем воздухе был такой. Рано утром на берегу соленого озера выбиралось место, где не было соляных кристаллов, и выкапывалась яма в два-три метра глубины и в два метра длины. К полудню яма достаточно нагревалась солнцем. Обнаженных больных ложили в нее на спину, вырытой грязью его покрывали всего, исключая голову – ее затемняли зонтом. В яме больной оставался два-три часа, попивая прохладительные напитки. Так лечился здесь и Николай Васильевич.

Переезд на «перекладных», т.е. на сменном транспорте, жизнь по гостиницам, пользование дорогими грязевыми ваннами потребовали уйму денег, их «не стало и на половину вояжа», который был задуман. О чем он и сообщил родным: «Проклятых денег как есть не стало...»

Именно поэтому ничего в Крыму, кроме Сак, Гоголь осмотреть не смог. И хотя тряска по дорогам в почтовых каретах порядком утомляла, но своим путешествием в Тавриду Гоголь остался очень доволен: «Здоровье, кажется, уже от одних переездов поправилось».

После путешествия писатель был полон вдохновения и творческих сил: в 1835 г. опубликовал повесть «Миргород», работал над повестью «Женихи», историче-

ской драмой «Альфред», комедией «Ревизор». Видимо, не случайны слова его в письме к поэту В. Жуковскому: «Сюжетов и планов нагромоздилось во время езды ужасное множество...»

Именно поэтому, 30 лет спустя, когда здоровье писателя резко пошатнулось, Гоголь задумал снова побывать в Крыму. В письме к матери от 22 сентября 1851 г. он сообщал: «...я решился ехать к вам, я на вас только взгляну, и поскорее в Крым... вы меня, пожалуйста, не удерживайте». Вплоть до самой смерти он мечтал о новом путешествии на полуостров, но безрезультатно: «проклятых денег» для этого так и не смог собрать.

Последние годы своей жизни Гоголь часто бывал за границей. По тем временам, как, впрочем, и в настоящее время, отдых в Европе был значительно дешевле и качественнее, чем в Крыму. Но зарубежный климат не всегда шел на пользу... Писатель болел, его одолевали мрачные мысли...

На нашем полуострове свято хранится память о Н.В. Гоголе. Вряд ли найдется такой город в Крыму, где не было бы улицы Гоголя. Его именем называют гостиницы, кафе, магазины...

В память о пребывании Гоголя в Саках в курортном парке в 1952 г. был установлен бюст писателя с мемориальной доской.

Черняева Екатерина Вячеславовна
с. Суворовское
Сакский район

Николай Иванович Костомаров (1817 – 1885) – знаменитый историк, этнограф, поэт, писатель, фольклорист, внесший значительный вклад в изучение культуры восточнославянских народов. Он много путешествовал, для сбора этнографического материала неоднократно приезжал в Крым – побывал в Алушке, Евпатории, Керчи, Севастополе, Феодосии и Ялте. Им были созданы стихотворения и драматургические произведения, часть которых посвящена нашему полуострову и народам, населя-

ющим его: «Эллада», «Пантикапея», «Натаалья», «Старина» и др.

Николай Костомаров прекрасно владел латынью, греческим, французским и итальянским языками, но свои художественные произведения создавал на русском и украинском (в то время – малоросском) языках.

Особый интерес представляет факт посещения им Евпатории в июне 1870 г. – в этом году исполняется 150 лет со знакомства писателя и ученого с нашей Евпаторией.

В первых числах июня 1870 г. Николай Иванович прибыл в Евпаторию на пароходе Российского общества пароходства и торговли. Вот как писатель рассказывает нам об этом в «Автобиографии»: «Часа в два мы прибыли в Евпаторию. Я сошел на берег и <...> спросил капитана, долго ли пароход будет здесь стоять. Капитан грубо ответил: "Вам до этого нет дела; сколько захотим, столько и будем стоять". При самом сходе на берег пассажиров окружила наглая толпа цыган, они насильно выхватывали вещи и спешили их нести неизвестно куда; носильщики, занимавшие эту должность от "Общества пароходства и торговли", отнимали у них вещи и били их самих. Пассажиры в недоумении и незнании, что станет с их с вещами, должны были дожидаться окончания этой возмутительной борьбы...»

Подобные впечатления о приезде в наш город нашли отражение и в произведении Ивана Бунина «В ночном море»: «Пароход, шедший из Одессы в Крым, остановился ночью перед Евпаторией. На пароходе и возле него образовался сущий ад. Грохотали лебедки, яростно кричали и те, что принимали груз, и те, что подавали его снизу, из огромной баржи; с криком, с дракой толпа осаждала пассажирский трап...» Видимо сервис по обслуживанию пассажиров не соответствовал должному уровню, и это удивляло и возмущало великих мастеров лхудожественного слова.

Николай Костомаров пробыл в Евпатории три дня. Останавливался в гостинице «Афины» (к сожалению, месторасположение этой гостиницы выяснить не удалось,

предположительно находилась в районе современной улице Революции). «Гостиницу эту содержал евпаторийский грек. Комнаты были бедными... но питание качественным», – писал Костомаров, вспоминая с удовольствием о свежей рыбе, фруктах...

Все три дня Костомаров ходил купаться в море по нескольку раз в день: «Море на далекое пространство мелко, и можно ходить далеко от берега, но в некоторых местах путь затрудняется морскими растениями...» И в наше время после летнего шторма в утренние часы у берега мы встречаем большое количество камки, только сейчас пляжи убираются, а в то время Евпатория еще даже не была курортным городом, и, естественно, о чистоте особо никто не заботился.

«Самый город Евпатория, – пишет Костомаров, – заселен главным образом караимами. Рынок евпаторийский изобилует громадным складом всякого рода местных плодов, но в городе нет ни общественных садов, ни скверов, под которыми можно было бы укрыться от томительного зноя...» Действительно, в то время Евпатория была небольшим уездным городом и ограничивалась улочками, сохранившимися со времен средневекового Гезлева (как ранее назывался город). Редко в ее кварталах можно было увидеть одно-два дерева, чаще виноградные беседки, да и то внутри старых закрытых дворов. Путешественникам приходилось бродить по раскаленной брусчатке восточных улиц, не имея возможности попасть в тень. Первый общественный сквер в год посещения Евпатории Костомаровым был только распланирован и засажен малюсенькими деревцами – благодаря караиму С. Шакаю. Позже он получил название Шакаевский сад (ныне это сквер им. Ленина).

Творческое наследие Костомарова велико и многогранно. Со страниц его многочисленных монографий, статей и очерков перед нами предстают живые картины прошлого, в которых нашлось место и для маленькой тогда Евпатории.

*Черняева Екатерина Вячеславовна
с. Суворовское
Сакский район*

**Евпатория в письмах и воспоминаниях
Леси Украинки**

Судьба украинской поэтессы Леси Украинки (Л.П. Косач-Квитки) (1871 – 1913) тесно связана с Евпаторией. Трижды Леся Украинка посещала наш город. Здесь она черпала вдохновение для создания поэтических произведений, многие из которых вошли в сборники «Кримські спогади» и «Кримські відгуки».

Именно в Евпатории 16 августа 1890 г. поэтесса написала свое первое стихотворение о Крыме «Тиша морська»:

*Певно, се країна світла
Та злотистої блакиті,
Певно, тут не чули зроду,
Що бува негода в світі!*

Важное место в наследии Леси Украинки занимают письма, отправленные из нашего города. За свою жизнь она написала более тысячи писем родственникам и знакомым. Для больной, страдающей костным туберкулезом поэтессы нередко это был единственный способ общения. Существует 18 писем, отправленных Л. Украинкой из Евпатории в 1891 и 1908 гг. Каждое письмо доносит до нас ее мысли и чувства, рассказывает о погоде, о впечатлениях от морских прогулок, ценах на услуги, дает ценную информацию о санаторно-курортном лечении в Евпатории того времени.

Для Леси Украинки поездки в Евпаторию были не просто отдыхом. Приезжая сюда, она верила, что именно морские купания и целебный климат окажут благоприятное воздействие на ее здоровье. Под сухим евпаторийским ветром, под горячими солнечными лучами самочувствие Леси значительно улучшалось: «минула пропасниця лиха, а з часом и тремтіння в руках». «Сподіваюсь від моря дуже багато – спасибі йому та південному сонцеві...» – пишет Леся в письме к известному литературному деятелю Михаилу Павлику.

В июне 1891 г. Леся Украинка приехала в Евпаторию вместе с матерью Ольгой Косач-Драгомановой, известной в украинской литературе под псевдонимом Олены Пчилки. Через несколько дней мать вернулась домой, а Леся осталась в Евпатории. В этот период Леся Украинка проживала в доме караима Мичири по ул. Фонтанной (ныне ул. Революции, 41).

Евпатория в конце 19 в. была небольшим уездным городом, постепенно развивающимся как курорт. Здесь проживали люди разных национальностей – русские, украинцы, караимы, крымские татары, евреи, армяне, греки, крымчаки и представители других народов. Лесю Украинку интересовали местные языковые диалекты, даже сам адрес ее проживания в нашем городе. Так, в письме к М. Павлику 22 июня 1891 г. поэтесса сообщает: «Моя адреса на сей місяць така: Россия, Евпатория Таврической губ., Фонтанная ул., дом Мичри, бывш. Шакая. Не загубіть листа, бо такої чудної адреси неможливо запам'ятати, я сама її раз у раз забуваю». За весь период пребывания в нашем городе Леся так и не смогла найти здесь себе подругу или собеседницу, не с кем было общаться «рідною мовою».

Именно поэтому приезд брата Михаила в июле 1891 г. внес разнообразие в отдых Леси в Евпатории. Вместе с братом они катались на лодке в море: морские прогулки дарили ей вдохновение. Так появились стихотворения «На човні», «Негода», «Безсонна ніч». В Евпатории Леся с удовольствием наблюдает за изменениями погоды на море. В письме к матери она пишет: «Останнього тижня прибой був дуже великий, такий, що аж дошки з купалень виривав, і через те ми ніяк не могли вибрати часу поїхати човном, сьогодні море стихується, отже, може, поїдемо. Тепер настали чудові місячні ночі, і море показує свої фокуси, які тільки знає. У морі, звичайно, п'явок та жаб нема, але зате одного дня такий був наплив морських сердець та медуз стільки... Морських котів і слиху немає, се, мусить бути, якась легенда. (Але) Ми... далеко в море не заганяємось, перші дні то нас трохи інтересувало, а тепер ми вже привикли до моря і

воно до нас, то ми одно до другого дуже спокійно відносимось... Євпаторія йому (брату) сподобалась, власне, євпаторійське море». В письме к дяде М. Драгоманову Леся сообщает: «тутешнє морське купання, то таке, що, певне, кращого не можна на цілому Чорному морі знайти... А тут саме сонце та море своїм блиском та грою додає мені одваги і надії».

Она радується солнцу, морю и сообщает своей матери: «Тепер можу сказати напевне, що сей рік більше мені принесе користі, ніж всі... лимани, Саки, разом зібрані». А 19 июля решительно заявляет: «зостанусь в Євпаторії, бо купання ліпшого від тутешнього нема нігде, як відомо... Взагалі моє здоров'я тепер дуже добре... Мені таки добре в цьому сонці та морському повітрі; через плавання у мене розвились мускули на руках.» Из писем мы также узнаем, что в этот период Леся работала над поэмой «Лунная легенда», заканчивала писать повесть «Жаль».

Письма Леси рассказывают нам и о ценах, существовавших в то время в курортной Евпатории: «хати наймають за 40–50 р. на місяць... Крім того, на все життя в місяць тут досить 25 р. На одного»; «...що до лікування на Мойнаках перша грязева ванна... обходиться 12 рублів! На сьому Мойнакові обдирають людей гірше, ніж де б то не було».

В третий раз Леся Украинка приехала в Евпаторию вместе со своим мужем – музыковедом и фольклористом Климентом Квиткой в мае 1908 г.

К этому времени Евпатория уже стала популярным курортом, о песчаных евпаторийских пляжах и хорошем купании было известно далеко за пределами Крыма. Сначала супруги остановились в гостинице «Россия» (ныне жилой дом на наб. им. В. Терешковой), затем через несколько дней перебрались в «Приморскую санаторию» (ныне сан. «Приморский», ул. Дувановская, 6): жили в номере 4, затем переселились в 14-й номер. Письма, отправленные из Евпатории в это время, рассказывают о лечении в «Приморской санатории». Вот как об этом сообщает Леся своей сестре Ольге: «Я, власне, маю тут все,

що мені треба: теплоту, сухість, дієту, впорядкований режим... Санаторія ця робить добре враження, і порядок в ній заведено добрий; медичною частиною заправляють лікарі...»

В Евпатории Леся Украинка искала работу для своей сестры. В «Приморской санатории» она узнала о свободной вакансии медсестры и сообщила об этом Ольге: «Плата тут 70 р. в місяць, але без стола і квартири, обов'язки – наглядати над гідропатією і робити електризацію..., для масажу і гімнастики тут є масажистка і фершалка. Тепер знаю, що більшості роблять з самого ранку обливання або всього тіла, або якоїсь частини, потім так звані «воздушные ванны», себто хворі бродять по садку роздягнені та в одних сорочках, декому роблять сонячні ванни (здебільшого по двічі на тиждень) по 1/4 або по 1/2 години (не більше), а після їх знов обливають (хворим на серце сонячних ванн не роблять). Холодні душі... роблять тут дуже рідко, зате часто електричні душі і ванни, усяку «фарадизацію» і т. п. Майже всім радять раз або двічі бродити по бігучій воді босоніж (або по морю з берега). Решта доповняється годівлею (5 раз на день, причому страва дуже добра), дієтою, кому треба (а взагалі тут дають м'ясо, іншим навіть тричі на день), гімнастикою, свіжим повітрям, масажем. Лікарств дають мало, хоча знаю один, що і вприскування миш'яку роблять... Ще роблять і парові ванни ревматикам, і єсть люди, що хвалятьсявиліченням своїм тут...»

В письме от 24 мая 1908 г. Леся сообщает сестре, что директор санатория ждет Ольгу Косач, и работа у нее будет с 1 июня. Леся советует ей, как лучше добираться до Евпатории: «...краще їхати просто залізницею в Сімферополь, а звідти в Євпаторію можна або кіньми або автомобілем: тепер багато людей їдуть автомобілем, бо то хутко (всього 2,5 години їзди)».

Но сестра Леси так и не приезжала в Евпаторию, потому что в последний момент нашли другую кандидатуру на эту вакансию, чем поэтесса была очень расстроена. А тут еще и погода разочаровала Лесю: в Евпатории в 1908 г. стояло очень холодное лето, и поэтесса писала

родным: «За Євпаторією дуже не жалуй, бо з нею щось цього року непевне робиться: всього два дні за весь сей час було гаряче, а то все так собі, а се з 1-го іюня і досі просто-таки холодно; воно то по термометру виходить +20°, +22°, але що при тому якийсь проникливий вітер з півночі, то в затінку майже неможливо сидіти, хоч на сонці часом і пече. Увечері з 7 усі ходять у пальто і костюмах», «Поправка моя, певне, через те йде так помалу, що дуже погане поки що літо – все вітри якісь різкі, а то й дощ... Не сподівалась я такого від Євпаторії!» В таку плохую погоду Леся пише в Евпатории стихотворение «Хвиля», продолжает работать над драмами в стихах «В пущі» и «Руфін і Пріссіла».

Так завершился последний приезд Л. Украинки в Евпаторию. 1 августа 1913 г. Леся Украинка умерла в городе Сурами в Грузии.

Встреча с Евпаторией подарила поэтессе вдохновение к созданию самых различных по жанру литературных произведений, здесь она восхищалась морем, испытывая любовь и признательность к нашему городу.

Имя Леси Украинки увековечено в Евпатории, сохраняются дома, где жила поэтесса. На них установлены памятные мемориальные доски, ее именем названы улица и одна из городских библиотек, расположенная на ул. Интернациональной.

Чобанова Сафие Мустафеевна
Рук. – Рындык Лилия Анатольевна
г. Судак

Орлы не умирают на земле
(сказка)

Давным-давно на берегу Черного моря в Алушке в семье лакца и крымской татарки родился мальчик, и нарекли его Амет-Хан.

Мальчик рос очень любознательным. Он засматривался на вершину горы Ай-Петри и представлял себя летающим там высоко среди птиц.

Вдруг выше облаков он увидел большую железную птицу.

– Как тебя зовут? – спросил Амет-Хан.

– Самолет, – ответила железная птица.

– Ты летаешь выше горных орлов? – удивился мальчик.

– Да, – ответил самолет.

– Я тоже хочу парить высоко в облаках, как ты, – сказал Амет-Хан.

– Верь в мечту, и она обязательно сбудется, – ответил самолет и улетел.

Мальчик рос, но никогда не забывал о своей мечте. Поступил в Качинскую военную авиационную школу, окончил ее и стал летчиком.

Но вот пришли враги в его страну, и Амет-Хан решил во что бы то ни стало защитить свою любимую Родину от черной нечисти.

Свою первую победу он не забудет никогда...

– Весь боезапас израсходован, надо идти на таран, – сказал летчик своему боевому самолету. – Прости, дружище.

– Ничего, – ответил самолет, – я готов.

Он протаранил Ю-88, ударив его левым крылом снизу. При ударе «Харрикейн» Амет-хана застрял в загоревшемся «юнкерсе» так, что крыло бомбардировщика, снеся фонарь, наглухо закрыло Амет-хана в кабине.

– Оттолкнись руками от вражеской машины, – простонал смертельно раненный самолет, – выпрыгивай с парашютом, спасай себя, ты должен жить.

Если хочешь победить, запомни одно правило – просто-напросто каждый день чуть-чуть лучше делай то, что ты делаешь.

– Прощай, мой верный друг, я все запомню, – прошептал Амет-Хан умирающему другу.

Еще раз был сбит летчик и вновь выбросился с парашютом. Потом было еще много кровавых боев, из которых герой всегда возвращался живым.

Амет-Хан разработал тактику атаки вражеских самолетов с высоты. Враги очень боялись его и за его де-

монические танцы в воздухе дали летчику прозвище «Черный дьявол». На самолетах эскадрильи Амет-Хана Султана были нарисованы атакующие орлы.

Война закончилась. Родина была спасена. За мужество и героизм Амет-Хану Султану было присвоено звание Героя Советского Союза, потом еще раз.

Но и в мирное время он не смог бросить небо и самолеты: работал летчиком-испытателем.

— Пора уже передавать опыт молодым, — сказал однажды кто-то из друзей.

— Орлы никогда не умирают на земле. Когда старый орел предчувствует приближение смерти, он из последних сил рвется ввысь, поднимается как можно выше. А потом складывает крылья и летит камнем на землю. Поэтому горные орлы умирают в небе — на землю они падают уже мертвыми, — ответил Амет-Хан горской притчей.

Эта притча стала своего рода предсказанием: спустя три месяца Амет-Хан Султан погиб в небе.

А его имя навсегда осталось в памяти народа.

*Чугуй Светлана Владимировна
с. Николаевка
Советский район*

Нелегкая доля

Узнав о вековом юбилее нашего района, я взяла на себя смелость поделиться воспоминаниями о замечательной землячке, на долю которой выпало много испытаний, трудностей, которые ее не сломили...

Недобрые вести о занятии населенных пунктов Крыма тревожно будоражили население села Новосадовое Нижнегорского района, заставляя рано закрывать дома, да и днем улицы были почти пустынными. Но появление солнечным июньским утром 1942 года мотоциклистов, машин с немцами и румынами вылилась в настоящее бедствие для селян.

Рев мотоциклов, надрывный лай собак, одинокие выстрелы, чужая гортанная речь, кудахтанье растрево-

женных кур, крик и плач выгоняемых из домов людей... Среди них была и семья Передреевых: мать Ефросиния, сестры Таисия, Полина и Тамара.

Собираться в неведомую дорогу на чужбину им почти не дали. Свалившееся на них горе выбило их из колеи. Ефросиния Макарова успокаивала, как могла, своих несовершеннолетних дочерей. Куда их повезут, что ждет их впереди, она не знала. Но без них не мыслила своей жизни и полностью разделила их участь.

На машинах в сопровождении немцев их привезли в Джанкой. Вокзал был оцеплен конвоем с собаками. Разделив силой мужчин и женщин, их загнали в товарные вагоны и наглухо заперли в них. В течение всего пути до Германии ни питья, ни еды не давали. Вагоны открывали только тогда, когда умирали люди. Их просто выбрасывали по ходу поезда.

Семья Передреевых чудом выжила в этих нечеловеческих условиях. Сколько они ехали до Берлина – трое или четверо суток – сестры плохо помнили.

В предместье Берлина узниками концлагеря они прожили вплоть до весны 1945 года.

– Мы были слишком измождены, – рассказывала Таисия Ивановна. – Жили скученно в холодных бараках, голодали. Работали на заводе, куда возили нас на машинах. За несколько месяцев до освобождения около барачков поставили бочки с бензином. Но спалить тех, кто был еще жив, фашисты не успели. Наши войска ворвались в Берлин, и нас, освободив, перевезли в Польшу. Там, но уже в нормальных условиях, мы прожили еще полгода. Младшая сестра Тамара вышла в Польше замуж за военного. Мы ему многим были обязаны. Вернулись в Крым мы уже без нее, но душевные раны долго не зарубцовывались.

Семья Передреевых вернулась на Родину – в Советский район Крыма. Сестры вышли замуж. Долгое время работали в совхозе «Феодосийский».

– Нам выпала нелегкая доля, – вспоминала Таисия Ивановна. – Выжили, наверно, еще и потому, что держа-

лись друг за друга, да и Бог был с нами милостив, хорошими людьми не обделил...

*Шраменок Елена Михайловна
п.г.т. Гаспра
г. Ялта*

Один из самых больших поселков Южного берега Крыма – Гаспра. Название поселка произошло от греческого *ἄσπρος*, что значит «белая». Гаспра оправдывает свое название. Если взглянуть на поселок с моря, в прибрежной зоне возвышаются белые корпуса санаториев, выше белеют утопающие в зелени многоэтажки жилых районов. А над всем этим живописным пейзажем посередине поднялась седая громада горы Ай-Петри (гора Святого Петра).

У подножия Ай-Петри, на скале, нависающей с востока над котловиной, образованной горой Могаби и склонами яйлы, расположен гаспринский исар. Аспра-Исар («белая крепость») – остатки средневековой оборонительной стены. В давние времена эта крепость служила убежищем, в котором местные жители прятались от набегов кочевников или от междоусобных стычек.

Здесьние места люди заселили давным-давно. В первом тысячелетии до нашей эры прибрежную и горную части Крыма занимали тавры. Оставили они следы своего пребывания и на территории современной Гаспры. В районе Стройгородка находится археологический заповедник – остатки таврского некрополя, относящегося к 6–5 вв. до нашей эры. В невысоком лесу за старой известковой печью было обнаружено более 40 каменных ящиков-усыпальниц. Ученые считают, что данный могильник примыкает к поселению тавров на мысе Ай-Тодор, который украшает побережье Гаспры. На мысе Ай-Тодор были найдены остатки таврского поселения, убежища, могильники, орудия труда и предметы быта древних обитателей этих мест.

Тавры строили свои поселения в труднодоступных прибрежных скалах. Именно поэтому они облюбовали

мыс Ай-Тодор – место своеобразное, впоследствии привлекавшее внимание других поселенцев. В начале нашей эры на Крымский полуостров вслед за греками пришли римляне. В 1 в. нашей эры римские легионеры заняли таврское поселение на мысе Ай-Тодор. Они основали здесь крепость «Харакс» и оставались до середины 3 века. Остатки крепости были обнаружены при раскопках на мысе. Так, были найдены фундаменты двух храмов, римские термы (бани), захоронения в амфорах, места для хранения запасов воды, беломраморные статуи, предметы быта, оружие римлян. Большая часть найденных артефактов была передана музеям Крыма. Статуи Оратора и богини Дианы, обнаруженные при раскопках, хранятся в Государственном музее изобразительных искусств им. А.С.Пушкина в Москве. На территории санатория «Днепр» сохраняются отдельные уникальные вещи, обнаруженные при раскопках.

Мыс Ай-Тодор – удивительное творение природы, должным образом оцененное людьми. Мыс вдается в море тремя отрогами. Самый высокий – юго-западный, где и были найдены развалины крепости «Харакс», с древнейших времен служил ориентиром мореплавателям. Здесь была устроена сигнальная башня, свет которой помогал морякам вернуться к родным берегам живыми и невредимыми. Когда-то мимо Ай-Тодора на корабле, идущем в Феодосию, проплыл тверской купец Афанасий Никитин. В 1835 г. здесь построили маяк, действующий по сей день. Второй выступ мыса называется Монастыр-Бурун, что в переводе с тюркского означает «Монастырский мыс». Действительно, здесь в течение долгого времени существовал монастырь, носивший имя святого Феодора Тирона. Поэтому и весь мыс называется Ай-Тодор – святой Феодор. Завершением этого отрога является сорокаметровая Аврорина скала. На ней стоит знаменитый замок «Ласточкино гнездо». Современное каменное здание замка с зубцами, башней, бойницами было построено в 1912 г. по проекту архитектора А.В. Шервуда. С северной стороны расположен Лиман-Бурун; перед ним, недалеко в море выступает скала Парус.

В 15 в. Южный берег Крыма захватили турки-османы.

К концу 18 в. население Южного берега расселилось и заняло лучшие долины, удобные для земледелия и приближенные к водным источникам – горным речкам. После присоединения Крыма к России в 1783 г. на Южный берег хлынула придворная знать, вельможи, привлекаемые благодатными землями края. Именно в это время (1784 г.) в документах впервые упоминается название деревни – Гаспура (Гаспра).

После прокладки Южнобережного шоссе строительство вилл, дворцов и парков приобрело небывалый размах. В 1824 г. княгиня Софья Сергеевна Мещерская приобретает имение, название которому было подобрано по месту расположения – «Ай-Тодор». В 1870 г. княгиня продает имение Великому князю Михаилу Николаевичу Романову – младшему брату императора Александра II. На тот момент имение имело площадь около 70 десятин. Его земли занимали территорию Гаспры. Михаил Николаевич увлекался археологией, садоводством и виноградарством. Его работа в имении: изготовление и продажа вина, фруктов и овощей – приносила стабильную прибыль. Позже имение перешло к сыновьям Михаила Николаевича и было поделено на части: «Харакс» и «Ай-Тодор».

Гостями «Ай-Тодора» в разные времена были российские императоры Александр III и Николай II с семьями. Добраться до имения царские особы могли по Царской (Солнечной) тропе, которая брала свое начало в Ливадии. В наше время уникальная в своем роде горизонтальная Солнечная тропа протяженностью 6711 метров – любимый маршрут для прогулок местных жителей и гостей Южного берега Крыма.

На территории Гаспры расположен еще один санаторий – «Ясная Поляна». Своим названием он обязан одноименному имению Льва Николаевича Толстого под Тулой. Входя или въезжая через центральные ворота на территорию санатория, непременно остановишься у дворца графини С.В.Паниной. Дворец был построен в

1830-х гг. Впечатляют боковые башни дворца, увенчанные зубцами, увитые плющом, переносящие в эпоху средневековья.

Тяжелое заболевание и настоятельные советы врачей заставили Л.Н.Толстого отправиться в Крым. Графиня С.В.Панина предоставила дворец в полное распоряжение писателя. Здесь писатель жил с сентября 1901 г. по июнь 1902 г. Лев Николаевич много ходил пешком, совершал прогулки по Южному берегу, бывал в Ялте. Писателя навещали знаменитые гости Южного бережья: А.П.Чехов, М.Горький, К.Д.Бальмонт и др. Крепкий организм Льва Николаевича и климат Южного берега помогли одолеть болезнь. Писатель поправился, трудился над повестью «Хаджи Мурат», писал статьи на социально значимые темы.

К началу 20 в. поселок Гаспра представлял собой небольшое крымско-татарское село. После установления Советской власти, в 1926 г. была проведена перепись, согласно которой в селе Гаспра числилось 144 двора, население составляло 696 человек. Постепенно количество жителей увеличивалось. В 1930 г. Гаспре был присвоен статус поселка городского типа.

Тяжелые годы Великой Отечественной войны жители переживали вместе. Вместе радовались освобождению в апреле 1944 г. 18 мая 1944 г. крымско-татарское население Гаспры было депортировано в Среднюю Азию.

После войны поселок стал активно развиваться, нужны были рабочие руки. Постановлением правительства в Гаспру переселили более трех тысяч семей рабочих и колхозников. В поселке был построен и работал завод железобетонных изделий и стройматериалов. Новые жители были заняты на виноградниках, в садах, на табачных плантациях. Те, кто не участвовал в сельскохозяйственных работах, строили дороги, санатории, семейные оздоровительные пансионаты, дома отдыха, облагораживали парки и скверы. Поселок стал популярным местом отдыха и оздоровления организма.

В конце 1980-х гг. стали возвращаться депортированные жители поселка. Времени на обиды, жалобы и упреки не оставалось. Нужно было искать работу, устраивать быт. Впереди ждало еще одно испытание – трудные 1990-е гг. Трудолюбие, энергичность, энтузиазм населения поселка сделали Гаспру такой, какой гости видят ее сейчас. Именно люди – главное богатство Гаспры: они творят ее новейшую историю.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Сарчин Рамиль Шавкетович – председатель редколлегии, доктор филологических наук, генеральный директор Академии народной энциклопедии, научный руководитель Международного инновационного проекта «Моя Отчизна» (г. Казань, Республика Татарстан);

Абдуразакова Шекерханум Тагировна – кандидат исторических наук (г. Махачкала, Республика Дагестан);

Абрамова Наталья Олеговна – председатель Правления Детского благотворительного фонда «Открытые возможности» (г. Петрозаводск, Республика Карелия);

Абрамова Татьяна Алексеевна – председатель Российской Ассоциации библиотек и музеев Н.М.Рубцова, основатель и руководитель литературного музея «Николай Рубцов: стихи и судьба» в библиотеке им. Н. Рубцова, заведующий библиотекой №5 им. Н. Рубцова Санкт-Петербургского ГБУ «Невская централизованная библиотечная система», заслуженный работник культуры Российской Федерации (г. Санкт-Петербург);

Айдинян Станислав Артурович – действительный член Российской академии художественной критики, Европейской академии естественных наук, Международной академии современных искусств, заместитель председателя Южнорусского союза писателей, член ученого совета Литературно-художественного музея М. и А. Цветаевых (г. Москва);

Антошкина Екатерина Александровна – кандидат философских наук (г.Брянск);

Бурундуковская Елена Викторовна – доктор искусствоведения, профессор Казанской государственной консерватории имени Н.Г. Жиганова (г. Казань, Республика Татарстан);

Вальченко Людмила Юрьевна – директор Крымского филиала Академии народной энциклопедии, руководитель Евпаторийского отделения РОО «Союз писателей Крыма», член Союза писателей Республики Крым (г. Евпатория, Республика Крым);

Владимирова Лилия Михайловна – кандидат исторических наук (г. Нижнекамск, Республика Татарстан);

Волков Дмитрий Александрович – кандидат исторических наук (г. Кострома);

Газдиев Ахмет Исаевич – член Союза журналистов России, заслуженный работник культуры Республики Ингушетия;

Гуров Владимир Алексеевич – доктор исторических наук, профессор кафедры «История и философия» Тольяттинского государственного университета, профессор Академии военных наук РФ, член Российского исторического общества РФ, полковник запаса (Самарская область);

Дорофеева-Миро Татьяна Юрьевна – член Союза писателей Чувашской Республики, действительный член Чувашской народной Академии наук и искусств (Чувашская Республика);

Карлюкевич Александр Николаевич – председатель Союза писателей Беларуси, директор, главный редактор Издательского дома «Звезда», главный редактор ежедневной правительственной и парламентской газеты «Звезда» (г. Минск, Республика Беларусь);

Килеса Вячеслав Владимирович – председатель РОО «Союз писателей Крыма», член Союза писателей России, Национального союза писателей Украины, Союза русскоязычных писателей Болгарии, Союза писателей Северной Америки; гл. редактор газеты «Литературный Крым», зам. редактора литературно-художественного журнала «Белая скала» (г. Симферополь, Республика Крым);

Краснова Елена Анатольевна – член Союза художников России, профессор кафедры "Художественная керамика" Сибирского государственного института искусств имени Д. Хворостовского (г. Красноярск);

Кривощекова Наталья Викторовна – кандидат педагогических наук (г. Орск, Оренбургская область);

Музафарова Дильбар Шарифовна – кандидат филологических наук (г. Подольск, Московская область);

Мушастая Наталья Викторовна – кандидат психологических наук (г. Новороссийск, Краснодарский край);

Плауде Виктория Феликсовна – старший научный сотрудник Государственного музея-заповедника «Царское Село» (г. Пушкин, Санкт-Петербург);

Подгорный Владимирович Васильевич – доктор экономических наук, профессор кафедры экономики предприятия ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики», председатель экспертного совета Центра инновационных технологий в экономике и управлении (г. Донецк, Донецкая Народная Республика);

Сагатчук Светлана Петровна – кандидат философских наук, ведущий методист МБУ «Городской культурно-досуговый центр» г. Волоколамска, доцент кафедры социально-экономических, гуманитарных и правовых дисциплин ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (Первый казачий университет)», филиал в г. Волоколамске (Московская область);

Садко Людмила Михайловна – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры русской литературы и журналистики УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»;

Саламатина Ирина Ивановна – доктор педагогических наук, профессор; декан факультета иностранных языков ГОУ ВО Московской области «Государственный социально-гуманитарный университет»;

Смеричевский Эдуард Францевич – кандидат философских наук, заведующий кафедрой истории и социально-гуманитарных наук ГОО ВПО «Донецкий национальный медицинский университет имени М. Горького» (г. Донецк, Донецкая Народная Республика);

Тармаева Виктория Ивановна – доктор филологических наук, профессор, преподаватель Бурятского республиканского педагогического колледжа, профессор Бурятского государственного университета (г. Улан-Удэ);

Тугов Рамазан Галимович – кандидат философских наук, главный научный сотрудник, методист инновационно-методического отдела МБУК «Централизованная библиотечная система» г. Майкопа Республики Адыгея;

Тураева Айгель Рамилевна – директор филиала-проекта АНЭ «Детская академия развития "ДАР"», лауреат региональных и всероссийских музыкальных конкурсов (Краснодарский край);

Хабибуллин Альберт Фагимович – член Творческого Союза художников России и Республики Башкортостан, заведующий Художественной галереей МБУК «Историко-краеведческий музей» Белебеевского муниципального района Республики Башкортостан;

Холодова Галина Ивановна – кандидат философских наук (Краснодарский край);

Чернышева Лилия Анатольевна – кандидат педагогических наук (г. Брянск).

Международный инновационный проект «МОЯ ОТЧИЗНА»

Издание серии «Академия народной энциклопедии» осуществляется в рамках реализации Международного инновационного проекта «Моя Отчизна», направленного на изучение и популяризацию истории и культуры стран и их регионов, судеб и деяний соотечественников, привлечение к творчеству и научно-исследовательской работе, продвижение научных и творческих достижений, оказание научно-методической помощи и финансовой поддержки участникам проекта.

Основные направления проекта: проведение мероприятий, направленных на популяризацию научно-исследовательских, творческих, методических разработок; организация и проведение творческих конкурсов, научно-исследовательских конференций; продвижение лучших работ участников мероприятий проекта на творческих и научных сайтах, помощь в публикации в средствах массовой информации, в творческих и научных журналах и иных источниках; подготовка и издание сборников научно-исследовательских, методических и творческих работ, монографий, энциклопедий.

Мероприятия проекта: региональные, межрегиональные, всероссийские и международные конкурсы, фестивали, конференции; Международная Выставка инновационных достижений «На ВИДу»; издание сборника научно-исследовательских, методических и творческих работ «Моя Отчизна»; издание серии книг «Академия народной энциклопедии»; проведение мероприятий, направленных на популяризацию научных и творческих достижений участников проекта.

В рамках проведения мероприятий МИП «Моя Отчизна» среди его участников, руководителей работ, учреждений (организаций) определяются лауреаты Международной пре-

мии АКАДЕМИИ НАРОДНОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ (с вручением диплома лауреата премии и ее денежной составляющей).

Более подробную информацию о проекте можно получить на его сайте <http://moyarossya.wixsite.com/mysite>

Для заметок

ISBN 978-5-00244-085-6

МОЙ КРЫМ

Автор идеи, редактор-составитель —
доктор филологических наук
Сарчин Рамиль Шавкетович

*Ответственность за оригинальность опубликованных работ
и достоверность приводимой в них информации
несут их авторы.*

Редакция издания будет признательна читателям,
если о замеченных в нем опечатках они сообщат по почте
entziklopedia@yandex.ru
По этому же адресу можно направлять отзывы о книге.

Издательство «Перо»
109052, Москва, Нижегородская ул., д. 29-33, стр. 15, ком. 536
Тел.: (495) 973-72-28, 665-34-36

Подписано в печать 13.01.2024. Формат 60×90/16.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 15,75. Тираж 300 экз. Заказ 030.